

ДОЛГ И ВЕРНОСТЪ

Малефисенна

Раб, хладнокровная убийца и изгнанный сын императора — отныне преступники, которым хватило сил и мужества оказать сопротивление, бросить вызов стражам императора и самой империи, погибающей в руках тирана. Но кто же знал, что цена справедливости окажется куда выше всего того, что им уже довелось пережить?..

Жестокость и смерть, обида, разочарование, страх и вымораживающий внутренности холод, от которого могла бы спасти только любовь. Но даже на это чувство у них нет ни одного шанса. Или все же есть?..

Глава 1. Последствия

***

Реальность обдаёт жаром, затягивает в непроницаемое полотно, лишая кислорода. Боль, неясная, растекается повсюду, вгрызаясь заостренными зубами в кости. Как тогда. Страх. И непонимание. Как укусы сотен насекомых, облепивших тело со всех сторон. В этот момент я ничего не вижу, не слышу и не чувствую. Будто бы уже мертв. А потом приходит ощущение. Ощущение быстротечности ускользающих жизней. Разорванные нити, опутавшие падающее на наши головы небо. Последние вздохи перед тем, как упасть в бездну. И я ловлю их, пытаюсь удержать в ослабших руках тонкие и скользкие нити.

Боль становится сильнее, сбивает с ног и заставляет до предела открыть рот в немом крике. Будто каждая мышца в теле наполняется живым огнем, плавится и превращается в пепел. Я не верю и не осознаю, просто не могу осознать сквозь непроницаемый купол агонии то, что происходит. Жизнь не обрывается, слышится протяжный звон и глухой треск, будто ломаются чьи-то кости. Снова и снова — сквозь мрак, который живым зверем что-то шепчет у самого уха. Но я не разжимаю руки, удерживая что-то невесомое и в то же время такое настоящее. Не понимая как. Но уже догадываясь. Кровь течет по лицу, стекает на треснувшие от напряжения губы. Такая горячая, она словно оживляет, служит доказательством того, что я все еще существую.

Напряжение почти невыносимо. Раздирает натянутые свыше предела связки, и запах крови, гари, агонии ударяет в голову, заставляя кричать уже в голос. Во всю силу своих легких. Метаться, пытаюсь сбросить с себя уже неподъемную ношу, изнутри раздирающую бешено бьющееся сердце. И кричать, кричать, кричать...

Киан

Первым ощущением была тупая пульсирующая боль, мерзко пробившаяся сквозь плотно натянутые бинты. Но разбудила меня не она — прерывистый крик, перешедший в отчаянный вой. Где-то совсем близко. Я распахнул глаза и инстинктивно дернулся вперед, пытаюсь присесть. Голова закружилась сразу, не оставляя попыток разглядеть обстановку. Перед глазами проносились черно-зеленые искрящиеся точки, и я просто упал обратно. Крик повторился, вгрызаясь в барабанные перепонки, и в этот раз где-то рядом послышались торопливые шаги. Задержали ткань, и по укутанному в теплое одеяло телу пробежала тяжелая волна горячего воздуха.

Я хотел что-то сказать, но понял, что не могу. Опухший язык почти не ворочался, и горло ощущалось таким сухим, словно меня всего заполнил зыбучий песок, горячий и рыхлый, скрипящий на высохших деснах. Через силу я вновь открыл глаза и теперь увидел больше. Неровный темный камень с проходящими вдоль и поперек трещинами, в которых

прятались абсолютно черные тени. Именно в этот момент я по-настоящему понял, как сильно хочу пить. Живот, налитый свинцом, мерзко заурчал, и меня словно парализовал озноб. Мерзкое ощущение, и мне не хватило сил его прогнать.

Копошение где-то совсем рядом исчезло, и через несколько мгновений передо мной склонился человек. Зрение подводило, и черты лица размылись так, что я с трудом мог утверждать только одно — это был мужчина. Странное разочарование и обида на миг заставили меня сморщиться, но так и не смогли перебороть желание почувствовать на шершавых губах воду. На место большому силуэту, что возвышался надо мной всего несколько секунд назад, пришел маленький и очень хрупкий. Когда же мою голову заботливо подняли и прижали к губам металлический носик, я испытал нечто очень похожее на счастье. Может быть, это оно и было. Осознание того, что я жив и все еще кому-то нужен. Но кроме этой мысли в гудящую голову полезли намного более мрачные. Последние воспоминания, которые отдавали неприятным привкусом железа и неконтролируемым страхом. И страхом совсем не за собственную жизнь, которая мало что значила для других или вовсе не значила ничего. Это сильное чувство ударило, словно молния, по всем нервным окончаниям, будоража кровь, заставляя сжать в кулак поврежденную кисть. Даже несмотря на боль.

От холодной воды, полившей в пересохшее горло, все внутри разом сжалось, исчезли любые мысли. Жидкость казалась чуждой, и тело отказалось ее принять. Вода потекла по щекам и подбородку, затекая в нос. Я закашлялся и дернулся, пытаюсь хоть как-то подняться. Тело скрутило так крепко, что стало больно даже дышать. Слабые маленькие руки безуспешно пытались меня поддержать, но я все сильнее кренился на бок, рискуя упасть на ушедшую из-под ног землю. Минутой позже меня вырвало. Адская боль прошла по всем ранам и ушибам, как будто вгрызаясь в них, и тело заныло, требуя покоя. Требуя так громко, что от его воя заложило уши.

Вторая пара рук подхватила меня за плечи, и я прокашлялся в последний раз. Кое-как попытался вытереть рукавом рот, но даже от этого движения зудели раны, которых я почти не чувствовал или не замечал в день несостоявшейся казни.

Повалившись назад, я ушибся головой о какую-то перегородку и почувствовал острое желание исчезнуть, раствориться: стоило коснуться головой подушки, панические мысли мощным потоком ворвались в разум. Я прищурился и застонал, хватаясь здоровой рукой за чьи-то маленькие тонкие кисти. Осознанно или нет, но я прошептал Ее имя — так громко, как только мог, — молясь, чтобы меня услышали. И даже не обращая внимание на сопротивление и попытку меня оттолкнуть. Но в следующую секунду чужое дыхание стало будто громче, как и тихое завывание ветра и недовольное ржание лошади где-то за пределами пещеры. А затем, сквозь опять надвигающуюся неотвратимую дрему, я услышал тихий детский голос, полный понимания и вместе с тем пугающей тревоги.

— Жива.

Кажется, только в этот момент я по-настоящему понял, что такое счастье.

***

Я думал, что все будет иначе. Но ошибся. Не было чуда, не было передышки, не было благодарности и облегчения: дни и ночи слились в мерный и неизменный поток боли и ожидания.

Я так и не смог подняться на ноги и далеко не сразу собрался с силами рассмотреть место, в которое нас предусмотрительно перенесли ополченцы. Только терпеливо ждал,

когда теперь непослушное тело хоть немного окрепнет. Массировал ослабшие мышцы поврежденной руки, отчего теперь уже ничем не обмотанные пальцы начинало слегка покалывать. Ел столько, сколько было необходимо, пусть совсем не было аппетита и желания прерываться на условный перерыв. Злясь на собственное бессилие, следил за тем, как Венн, что присматривал за нами и сухо пересказывал происходящие в Нордоне события, крепко удерживал бесконтрольно дергающиеся руки Ариэна. И настороженно ждал окончания приступа, чтобы затем попытаться использовать свои лекарства. «Успокоить разум», — как однажды он объяснил мне. Но, кажется, они не особо помогали.

В эти дни я почти не видел солнце, только часть его света, который падал на кромку крошащегося камня, покрытого зеленым мхом, у задернутого плотной тяжелой тканью выхода. И почти не разговаривал, просто не зная, с чего можно было начать. Вначале вопросы были, но ответы слишком быстро возвращали на землю, заставляя вспомнить, что мир вовсе нас не ждет и уж точно никак не изменился.

Не находя никаких занятий, я сидел на пахнущей смолой и подгнивающим сеном жесткой койке и часами вглядывался сквозь полутьму в худой неподвижный силуэт всего в нескольких шагах от меня. И ждал, когда, наконец, смогу сделать шаг навстречу. Увидеть. По-настоящему.

Иногда появлялось ощущение, что я застрял в том утра, в моменте, когда Госпожа улыбается. Так искренне, смотря на меня и на Маука, когда говорит о спасении. Она изменилась. Вернее, я знал, что Госпожа всегда была такой, но теперь не осталось вынужденной жестокости и холодности. Я до сих пор боялся в это поверить и в то же время безумно этого хотел. Чтобы когда-нибудь она посмотрела на меня, не как на раба, чтобы... Раньше никогда бы не подумал, насколько невыносимы могут быть такие мысли. Но теперь...

Желание увидеть и прикоснуться стало словно навязчивой мыслью. Так близко и так далеко. Живая и в то же время неподвижная, словно слившаяся с горным контуром природы. Это меня пугало. Я даже не думал, что в этом мире еще осталось что-то, способное так глубоко забраться под кожу. Больше не было спешки, ощущения погони и разоблачения, боли и отчаяния, надежды, которая заставляла двигаться вперед и находить в себе силы. Осталась только тишина, в которой рождались мысли. Бесконечные, но ведущие к одному человеку, и от этого еще сильнее начинало биться сердце. Я не мог это остановить. Как только казалось, что все позади, хватало одного взгляда в ту сторону, где лежала Она, чтобы забыть о только-только пришедшей безмятежности. Беспокойство крепло с каждым днем, с каждым возвращением Венна, когда он проверял бинты и медленно непонимающе качал головой. Рана почти затянулась, но Госпожа так и не пришла в себя. Я не задавал вопросов, даже когда восстановился голос, — видел по потерянному взгляду врача много больше смысла, чем можно было бы вложить в слова. «Она потеряла много крови, и я больше ничего не могу сделать».

Но я продолжал надеяться. Пробуждаясь от беспокойного сна, с испугом поворачивался в Ее сторону, боясь не увидеть, как слабо натягивается на Ее груди ткань. Я не мог думать ни о чем другом. Ни о кровавой расправе и возмездии, о которых мне рассказала прибежавшая в тот день, когда я очнулся, Лора. Ни о перебитой страже и схваченном патриции, который отчаянно отрицал ответственность за произошедшее с его горожанами, ссылаясь на самоуправство куратора. О чуде, в которое уверовали те, кто видел остановленные в воздухе стрелы и сломанные оковы. На это уже не хватало никаких сил.

Я мог только наблюдать, как было раньше, и от этого становилось просто невыносимо.

Вот и сейчас я устало смотрел на лежащего рядом Ариэна и видел, как медленно затягиваются его старательно обработанные шрамы. Глаз, аккуратно зашитый так, что издали казалось, будто он просто сомкнул веки. Венн действительно постарался и старается до сих пор, практически никогда не покидая пещеру, чтобы в случае чего быть готовым помочь. А мы здесь уже давно.

Коснувшись пальцами лица, я почувствовал уже порядочно отросшую щетину. Странно, но это движение как-то успокаивало и отвлекало. Я опять погрузился в этот странный транс и даже не заметил движений и звонкого детского голоса.

В нашу тесную обитель, тряся перед собой перемотанным нитью пучком зелени, вошла Лора. Ее шаги были такие тихие, что сейчас я бы ничего не заметил, подкрадись она ко мне со спины. Но в ее взгляде не было подобного желания, осталась только осторожность. Еще с самого первого дня нашего человеческого знакомства.

Я отвлекся от наблюдения, начиная вслушиваться в зарождающийся спор.

— ...Ну, чем ты меня слушаешь... Я же сказал, должны быть синие цветы. Синие, — я слабо улыбнулся, смотря на недовольного Венна. Не имея физической возможности пробираться через ущелья и еловые дебри самому, он вечно отправлял туда Лору за какими-то лечебными травами, описание которых она никак не могла запомнить. Вот и сейчас, видимо, принесла что-то не похожее, из-за чего преклонных уже лет мужчина опять начал ворчать и совсем не театрально хвататься за голову. — И листья тройчатые, а это что за сорняк? — звеня котелком, подвешенным над небольшим костром, Венн одной рукой продолжал мешать обед или ужин, а другой — нещадно бросать стебель за стеблем пучок собранных растений в огонь. — Самому мне, что ли, забираться туда, Лора?

Девочка насупилась и, ничего не ответив, молча отошла подальше. С сомнением глянула на меня и вдруг медленно присела на свободное место у самого края. Не показывая удивления, я мельком взглянул на ее поцарапанные наверняка еловыми иглами руки. Это занятие явно ей было не по нутру. Несколько царапин тянулись до самого предплечья, а на загорелой коже выступило пару кровавых капель. Но, похоже, ее совсем не беспокоили свежие ранки.

Она, как часто делала, приходя сюда, склонила голову до самого плеча и обняла себя руками. Я понимал этот жест так же хорошо, как направление ветра. Кем бы нас ни считали, а страх от ночной встречи все равно остался, пусть даже ее отец жив и почти здоров. Но, с другой стороны, я ведь и не просил понимания.

— Ты уже можешь ходить? — неожиданно спросила она, искоса глядя на мои ноги. Вспомнив свою последнюю попытку подняться, когда из легких тут же исчез воздух, я поморщился и отрицательно покачал головой. Отголоски боли прошли по телу, служа хорошим напоминанием.

На это Лора вздохнула, по-детски оттопырив нижнюю губу. Видимо, заметив мое удивление, девчушка смущенно улыбнулась и отвела взгляд. Она ведь еще ни разу ничего не спросила: ни про ту ночь, ни про все предыдущие. Я уже решил, что ей ненавистна сама мысль, что мы причинили боль ее отцу. Вне зависимости от причин. Но Венн ответил, что Лора сама вызвалась помочь с ранеными, и, конечно же, не стал отговаривать.

— А знаешь, теперь в городе вас называют героями. Маук, правда, с большим трудом справляется со всеми вопросами, столько всего сразу, но... Все правда верят в то, что произошло чудо, что Природа послала им спасителей, — грустно прошептала она и, раскатав

рукава своей рубашки, натянула их почти до кончиков пальцев.

Тяжелым взглядом я осмотрел спасителя, которому самому теперь нужна была серьезная помощь. Словно прочитав мои мысли, Лора тихо продолжила:

— Но герои тоже не могут жить вечно, — в ее голосе было сожаление. Непритворное и абсолютно искреннее. Я опять чего-то не понимал.

Даже если Венну нужна была помощь с Госпожой, Лора не отказывалась, хотя имела полное право ее ненавидеть, как и всех нас в сущности. Это противоречие я тоже иногда перебирал, словно струны, рассматривал со всех сторон, пытаюсь понять. А теперь и вовсе Лора говорила так, будто я всегда был ей другом.

— Я сегодня спросила у папы, что он думает... ну... — я кивнул, поощряя продолжить, но она, кажется, засомневалась.

— Он тоже думает, что мы герои?

Я вспомнил, как Госпожа прижимала к горлу ее отца кинжал и властным голосом требовала встречи с ополчением. Вспомнил отчаяние и ярость, с которыми он голыми руками схватился за лезвие. Вспомнил ее слезы и упавшую на пол свечку. Ариэна, который кричал от боли в тюремном лазарете. Обезумевшего Фелара, через слезы смеющегося над собственной немощностью. Таких воспоминаний сохранилось слишком много.

— Он не злится.

— А ты?

— Я думаю, что вы обычные люди, которые рискнули своими жизнями, чтобы спасти наши, — без иронии ответила она, а я только робко улыбнулся и с глубоким вдохом расслабленно прикрыл глаза. Одним камнем на сердце меньше.

Появившаяся серьезность в ее голосе меня впечатлила. Мне даже не понадобилось что-то объяснять, она увидела. Спасибо.

От ее слов, кажется, ушла тревога. Перестало мучить плохое предчувствие, и не пугали мысли о будущем, которого словно не стало. И я позволил себе забыться, ощутив ни с чем не сравнимое облегчение.

Наверно, чем-то она сейчас напоминала мне Келлу. Мою маленькую Келлу, которая тоже слишком рано научилась говорить взрослые и серьезные вещи. Прошло много лет, но эти воспоминания не меркли и не искажались. Иногда я вытаскивал их наружу, словно любовался припрятанным от чужих глаз украшением, а потом бережно клал обратно.

От теплых, но как нож острых воспоминаний нашего расставания стало еще больнее, и я сложил на груди руки, словно этот заслон спасет меня от еще одного страха. Но что-то внутри подсказывало мне — она жива и, возможно, все еще меня помнит.

Венн осторожно поднялся на ноги, отряхнув колени от прилипших комков земли и каменной крошки, и принялся разливать приятно пахнущую жидкую похлебку по металлическим тарелкам. Остатки он долил в чайник с узким носом, из которого пытался кормить Госпожу и Ариэна.

Я прищурился и потянулся здоровой рукой к переносице. Даже в мыслях мне не хватало смелости назвать Ее по имени. Словно я так и не получил на это право. Что-то внутри опять заскреблось, прогрызая путь к поверхности, но мне совсем не хотелось сосредотачиваться на этом ощущении. Спасти что-то могло только время, а не моя тревога.

Словно почувствовав, что что-то не так, Лора приподнялась и снизу-вверх пристально заглянула мне в глаза.

— Может, я и ребенок, но это не значит, что я не вижу, — я чуть дернулся и от

неожиданности приоткрыл рот.

— О чем ты?

Она помедлила, словно решаясь.

— Маук сказал мне, ты сделал все, что должен был, — наконец произнесла она, взглядом указав в сторону Госпожи и Ариэна.

«Не все», — тут же пронеслось в мыслях, но я промолчал. Хотел возразить, только не нашел подходящего объяснения. Если бы только был выбор, возможность защитить, поймать стрелу за Нее. Тогда я бы ни о чем не жалел. Но сейчас...

Я чувствовал, насколько близок к тому, чтобы потерять все, что у меня осталось. Ощущал так остро, как, наверно, никогда. Даже в тот момент, когда мы оказались на волосок от смерти, столкнувшись в коридоре с начальником тюрьмы. А ведь тогда я тоже ненавидел себя за невозможность защитить, отгородить от такой реальной угрозы. Но в последние дни не было времени думать и анализировать, каждую секунду подстегивал животный страх пополам с предвкушением и нервы натягивались все сильнее. А теперь эти границы исчезли.

Мы хотели спасти тех людей, пусть даже никого из них не знали. Но после произошедшего у меня нет сил удержать Ту жизнь, которая оказалась для меня дороже собственной. И мне понадобилось столько времени, чтобы это понять. Принять и смириться с тем, что я никогда и никому не посмею сказать об этом.

Нервное возбуждение постепенно уступало место усталости. Когда мысли в голове прекратили раскачивать и проверять на прочность внутреннее равновесие, я почувствовал, как засыпаю. На еду уже не оставалось сил, да и не хотелось совсем. Так что я поддался, потихоньку расслабляясь и теряя связь с реальностью. А вскоре почувствовал, как поднявшаяся Лора осторожно натянула до моей груди грубое покрывало и — словно точно зная, что я услышу — шепнула:

— Не надо себя винить.

Но от этих слов еще сильнее забилося уставшее сердце.

***

Этот день начался иначе, чем предыдущие: с пробуждением я почувствовал странную легкость и даже потянулся пару раз, не ощутив никакой боли. Поерзал на месте и протер слипшиеся глаза. Все пространство наполнял ароматный дым, с помощью которого Венн старался отбивать запах потных тел. Чистая одежда помогала слабо, а постоянно тревожить даже согретой речной водой и ворочать изломанные тела он просто не решался.

Я вдохнул приятный запах и почувствовал, как сильно проголодался. Не как обычно, солнечный свет касался пола, почти доходя до моей койки. Погода стояла безветренная, и выглядывающие у входа мелкие сосны были неподвижны. Я почувствовал привычный жар, который и раньше касался кожи даже через рубаху, стоило только приподнять тяжелую ткань.

— Скоро начнутся Ледяные декады, — коротко оповестил меня Венн, не отрываясь от мешка с рисом. И даже в полусонном состоянии я понял, что это совсем не хорошая новость: небезопасно прятаться от суровых зачатков зимы в горах, особенно когда рядом протекает полноводная река. Минутная легкость тут же исчезла, и я повернулся, аккуратно прислоняясь спиной к холодному шершавому камню.

— А что в городе?

Венн зачерпнул рукой горсть риса и, приблизив ее к лицу, стал медленно перебирать. В тлеющий костер один за другим сыпались засохшие мелкие насекомые.

— Сегодня утром был городской суд. Большая часть требует показательную казнь для всех, а Маук все пытается контролировать ситуацию, — он говорил это почти беспечно, но сейчас я явно почувствовал в его голосе тревогу, а это очень заразное чувство. — Город не молчит даже ночью. Люди признают Рэрна, но ищейка... Я вижу, что Маук не может изменить их мнение даже теперь. И не удивительно... Даже если она спасла нас (во что никто не поверит), она — страж Императора. Одной Природе известно, сколько она хранит секретов, нужных мятежникам.

Разминая затекшие икры, я устало выговорил:

— А я думал, после того дня все закончится, — и тут же об этом пожалел. Оторвавшись от своего занятия, Венн усмехнулся, что делал довольно редко, и с пренебрежительным взглядом посмотрел на меня, словно на наивного ребенка, который верит, что все всегда будет хорошо.

— Все только началось, — он покачал головой и с непривычным осуждением спросил: — Ты хоть задумывался, какой вы разворошили улей?

— Нет, я об этом не думал.

— А стоило. Потому что вопрос о том, кто вы такие, теперь будет звучать отовсюду. Сегодня утром я случайно услышал, что где-то поблизости видели солдат Империи. Видимо, кто-то тогда все-таки успел бежать, чтобы донести о неповиновении, — с досадой произнес он, засыпая крупу в кипящую над костром воду. — Они не рискуют идти на город только потому, что боятся отпора. А что мы можем без него? — Венн дернул головой в сторону до сих пор не пришедшего в себя Ариэна и поджал губы. — Да, раны затягиваются, и приступов почти нет. А сможет он сейчас так же, как и в тот раз, остановить стрелы? И что будет, когда об этом узнают обычные горожане, которые на этой неделе впервые взяли в руки настоящее оружие, которое мы много месяцев ковали на случай восстания? — его голос становился громче. — Ты думаешь, они вспомнят про благодарность, когда черные плащи придут с факелами жечь их дома? О, нет. Если это случится, их даже Маук не удержит от того, чтобы ворваться сюда и выдать вас всех Службе. Только чтобы выкупить свои жизни.

Венн резко замолк, ожидая моей реакции. Но я ошарашенно смотрел на него, не решаясь вообще ничего сказать. Об этом я не думал, не придавал большого значения тому, что происходит «после». А стоило. Стыдливо я понял, что Госпожа ни за что бы не позволила ввести себя в заблуждение или забыться. А я позволил.

— Ах, да. Я ведь забыл, что ты не привык думать, — добил меня Венн последней фразой, от чего я невольно сжал кулаки. Правда, но от нее все равно становилось больно.

Обида быстро ушла на второй план — как мне показалось, не прошло и минуты, — уступив место страху из-за надвигающейся угрозы.

— Мне надо увидеть город и поговорить с Мауком, — твердо заявил я, свешивая с койки босые ноги. Если все так, нужно было как-то убираться отсюда и идти... Я даже не представлял куда. Грозы и град не позволят добраться до столицы, а переждать больше нигде. Если только... «Нет», — мысленно одернул я себя, Госпожа никогда бы не позволила себе сбежать, пусть даже свободные земли так близки и доступны, как сейчас.

— А сил дойти-то хватит? — фыркнув, со злой иронией спросил он. — Город не так близко, как ты думаешь...

— Ты мне поможешь, — перебил я и коснулся ступнями камня.

Собрав все силы, которые еще сохранились во мне, я осторожно встал и прижал руку к занывшим от давления ребрам. Нужно было просто перетерпеть боль. Для этого наступило

самое подходящее время.

Эвели

Я ощутила тепло. Приятное тепло, к которому вдруг захотелось потянуться. Это желание оказалось неожиданно сильным и затмило все, что еще полутеньями сохранилось в памяти. Мне показалось, что до этого тепла не было ничего. Пустота, которая заполнила меня до самых краев, спокойствие. Как будто я наконец-то сделала то, о чем мечтала всю свою жизнь. Всем нутром почувствовала счастье, волну эйфории, и было уже неважно, что грянет после.

И в то же время настойчивое солнце подарило мне второе дыхание, заставив распахнуть глаза и тут же накрыть их вспотевшей ладонью. Голова закружилась, сдавило виски, и я тихо захрипела, пытаюсь перевернуться хотя бы на бок.

В горле было сухо и в то же время дико захотелось справить нужду. Неприятный запах собственного тела ударил в нос, заставив на секунду поморщиться. На ощупь я протянула руки вперед, все еще не рискуя открывать заслезившиеся глаза. Пальцами коснулась холодного шершавого камня и, кажется, деревянной не струганной стойки. В подушечку безымянного пальца впились две острые щепки. Я поморщилась, но не остановилась, пытаюсь найти что-то схожее с сосудом. Тянуться стало неожиданно больно. Запульсировало правое плечо, и левая рука соскользнула с края доски. Не успев ни за что зацепиться, я почти рухнула с койки, но тут чья-то рука резко удержала меня от падения. В ту же секунду я растерянно кланула челюстью и увидела перед собой лежащего на такой же очень узкой кровати Ариэна.

Цвета поблекли и изменились так, словно я стала дальтоником. Но постепенно серый становился серым, я проморгалась и убрала за уши спутанные пряди. Его глаза до сих пор были закрыты, а рука, схватившая меня словно инстинктивно, просто свисала с края. Как будто он до сих пор спал.

— Ар... — горло неожиданно сжало спазмом, и я судорожно подхватила оказавшийся совсем рядом ковш, наполненный чистой, нагретой под лучами солнца водой. Расплескав по пути ее часть, я с жадностью выпила больше половины — сколько хватило на прервавшееся дыхание, — с удовольствием смакуя хорошо ощутимый землистый вкус. Но терпеть стало еще сложнее. Я взглянула под ноги: у края кровати стояло что-то отдаленно напоминающее утку, с соответствующим запахом. Брезговать было бы просто глупо, и я так быстро, как только могла, отошла в тень. По телу разлилось море, приятные обволакивающие волны, которые словно возвратили меня к жизни и в то же время усыпляли, лишая сил.

С трудом доковыляв обратно, я подхватила ковш с водой.

— Ариэн... — на грани слышимости прошептала я, наклоняясь к нему. На свету последние шрамы казались почти зажившими. На руках и застывшем с выражением тревоги лице больше не было никаких меток. Я настороженно нависла прямо над ним, коленями упершись в бортик каркаса. Левый глаз не восстановился. Сморщенная в уголках кожа век была натянута друг на друга плотными стежками нити. Я бы не смогла зашить лучше.

Не задумываясь над своими действиями, я с чувством коснулась ладонью его побледневших щетинистых скул, и он дернулся. Но так и не очнулся. Я лишь почувствовала странную усталость, быстро и всецело захватившую меня. Прямо как в тот первый раз. Но теперь Ариэн переменялся в лице, и вместо глубокой печали его исказила боль. Он, так и не открыв глаз, крепко вцепился в мою руку — то ли чтобы прижать к себе, то ли чтобы

оттолкнуть. От неожиданности я разжала вторую руку, и металлическая посуда громко ударилась о камень. Ариэн опять дернулся и сдавленно зашипел, до боли сжимая мое запястье. Это были уже не судороги, а кошмары. Те самые, из-за которых даже во сне обливаешься потом.

— Это я... я! — прошептала я, осторожно положив ладонь на его напряженную руку. Он меня услышал. Единственный его глаз открылся, и зрачок сузился почти до точки. Ариэн узнал меня сразу, хватка ослабла.

— Пить... — тихо-тихо попросил он, опять закрыв правый глаз.

Только сейчас я почувствовала, как мышцы ног налились свинцом и грохочет в груди сердце, ощутила повязку на правом плече, которая в таком положении очень сильно давила на рану. Странное оцепенение никак не желало слететь. Я обернулась назад, и перед глазами все поплыло. Повезло в последний момент удержать равновесие и переждать головокружение. Вновь открыть глаза навстречу солнцу оказалось сложно, но тихий стон — почти скулеж — Ариэна быстро привел меня в чувство. Здесь больше никого не было. Оказавшиеся почти прямо под ногами угли не тлели, третья кровать, которую я заметила сразу, пустовала и была небрежно застелена покрывалом. Сейчас только я могла ему помочь.

В уголке стояло деревянное ведро, на треть еще наполненное водой. Собравшись с силами и покрепче прижав согнутую в локте правую руку к груди, я сделала несколько шагов вперед. Ноги совсем не держали, и потому короткое расстояние всего в пять-семь метров показалось вечностью. Мне вдруг самой захотелось смертельно пить, и я с трудом удержалась от того, чтобы не упасть на колени. Силы хватило на то, чтобы наполнить маленький ковшик только до половины — остальное я бы попросту расплескала.

Ариэн пил быстро. Самостоятельно приподняв голову, он рукой помогал мне наклонить посуду, но часть воды все равно полилась по подбородку. Это зрелище вызвало во мне острый приступ жалости: выжженный глаз и искромсанные, теперь частично оголенные плечи, черные круги под глазами и яркие красные пятна на скулах, несильно заросших почти черной жесткой щетиной. Сейчас он выглядел немногим лучше мертвеца.

Нелепо, но мне вдруг захотелось узнать, сам ли он следил за своей внешностью раньше, или это была очередная прихоть прокуратора? Рассмотрев внимательнее зашитый глаз, грудь, плечи, я поняла, что теперь это уже не имеет значение. Уродливые раны — и неважно, как они были получены — отталкивали и всегда будут отталкивать тех, кто никогда не испытывал настоящей боли. И тех, кто знаком со всеми ее оттенками — тоже. Парадокс, которому нет короткого объяснения. Брезгливость или жалость — совсем не то, что хотелось бы чувствовать, но теперь всегда будет либо первое, либо второе. И мне хотелось бы верить, что не я приложила к этому руку.

Напившись, Ариэн упал на плотную высокую подушку и скривил рот. Не в силах больше стоять согнувшись, я села рядом и поставила ковш на место.

Голова кружилась просто невыносимо. Невероятно повезло, что я потеряла столько крови, чтобы еще успеть выкарабкаться. Что же случилось после? Вопросы сами лезли в голову. Хотя причины, по которым нас оставили здесь, а не в городе, были очевидны. Если покопаться в психологии толпы, которая могла разорвать на части того, кого мгновение назад величала богом или всемогущим дьяволом, можно было сделать очень своевременные выводы. Маук, видно, тоже это понял: пещера означала безопасность. Но что именно случилось после, я хотела знать наверняка: чем закончились беспорядки, удалось ли сбежать начальнику тюрьмы, что теперь делать и куда бежать. Мне было жизненно необходимо

услышать ответы и узнать, куда исчез Киан и был ли он вообще здесь. Я хорошо помнила его опухшую руку и лицо в кровавых подтеках. Ему точно нужна была срочная помощь, но...

При мысли, что что-то могло пойти не так, защемило сердце. Но теперь — после всего, что успело произойти — я бы ни за что не позволила отчаянию командовать над разумом. Удача оказалась не просто на нашей стороне: казалось, что она заключила пари, поставив на нас крупную сумму, и делала все, чтобы сорвать куш. Странная гордость за то, что мы сделали, ненадолго наполнила меня силами, и я отняла руки от лица. С Кианом точно все в порядке. По-другому быть не могло.

Ариэн тем временем все так же бездумно смотрел вверх, часто дыша ртом и нервно вцепившись рукой в покрывало. Я не могла угадать, о чем он думает и думает ли вообще. Судя по отсутствующему выражению, скорее, нет. И мне совсем не хотелось его тревожить.

— Я жив? — вдруг не поворачиваясь спросил он. Без особой радости, с какой-то робкой надеждой, насколько я сама могла судить. И все-таки я улыбнулась так широко, как только могла.

— Да. Мы оба живы.

Я ничего не могла с собой поделать: словно засветилась изнутри и в то же время чувствовала свою вину за такую реакцию. В чем-то это было почти что кощунством.

Ариэн не ответил. Сглотнул и повернул голову в мою сторону. Под его взглядом я тут же словно сникла.

— Где мы?

— Я не знаю. — Он как-то странно посмотрел на меня, словно сомневаясь в том, что я настоящая.

— Так... непривычно, видеть наполовину, — проговорил по слогам он словно самому себе и отвернулся.

— Я думала, что регенерация восстановит... — сказала я, будто попыталась оправдаться. Но это была ложь. В тот момент, когда я держала в руках раскаленное железо, мысли были далеки от последствий. Я просто не смела смотреть в будущее через кровавую дымку.

— Ее не хватило... на все, — совсем безжизненно и ровно сказал Ариэн.

— Ты... — я помялась, сгорбив разболевшуюся спину. Неужели он до сих пор чувствует боль? — Простишь меня за это?

Совершенно глупо, нагло, неуместно, но для меня это было важно. Конечно, я просила слишком многого, вот только именно это легло камнем на сердце и заглушило всколыхнувшуюся в первые минуты радость. Как сказать калеке, что это была необходимость, единственный выход, проверка моей верности? У меня просто не поворачивался язык искать оправдания.

Но Ариэн молчал.

— Принеси еще... воды.

Я не стала медлить. На этот раз Ариэн приподнялся, и я помогла ему сдвинуть подушку, до которой он не смог дотянуться. Повязки на его груди выглядели совсем свежими, и кто-то не один час корпел над ранами, чтобы шрамы не сохранились уродством на и без того избитом теле. Регенерация, кажется, совсем исчезла, предоставив восстановление организму.

Допив все до последней капли, он в изнеможении откинул голову, его глаз опять уставился в никуда.

— Все живы, это главное, — не совсем уверенно произнес он, словно отвечая на мой вопрос.

— Это ты их спас.

— Этого я почти не помню, — вопреки сказанному, он едва заметно поморщился и продолжил: — Помню гром... и землетрясение. Что-то... И как земля ушла из-под ног.

Всего за одну секунду меня охватила дрожь. Эти воспоминания возвращали к намного более ранним, о которых и хотелось, и было слишком страшно кому-либо говорить. Они так резко подсторожили меня, как профессиональные воры, и я не успела отгородиться. А вспомнив, не смогла остановиться и решительно их прогнать. Не в этот раз. Веселое и беззаботное время, детство, к которому я никогда больше не вернусь.

Вдруг Ариэн резко дернулся — так, будто его вот-вот вывернет наизнанку. Я было бросилась к нему, но его лицо почти сразу разгладилось, сохранив лишь недоумение в блеклых глазах.

— Что это? — удивленно и растерянно спросил он. — Что ты видишь?

— Что? — я решила, что мне послышалось, но Ариэн повторил.

Дошло не сразу. Значит, поэтому меня вначале приняли за Темную, об этом умолчал Роверан: сила Темных простирается куда дальше, чем я думала. Это до ужаса меня напугало. Я затрясла головой, не желая обнажать уязвимость и протестующе сложила на груди руки. Не позволю!

— Что это было? — повторил он, словно войдя в транс. Его голова чуть заметно раскачивалась из стороны в сторону. Я попятилась назад. — Я видел... нечто похожее на телегу, наверно, это...

— Это моя жизнь. Только и всего, — прервала я, поднявшись на ноги. Слишком резко, но в этот раз головокружение прошло куда быстрее.

— Эвели?..

Надеясь, что расстояние позволит разорвать эту связь, которой я и сама пользовалась без каких-либо соображений морали, я большими шагами дошла до выхода.

Ни о чем не думать, ничего не помнить. Я подставила лицо солнцу. Оно было горячим, а в недвижимом воздухе повисло напряжение. Никто не знает и не видел то, что я спрятала глубоко в себе. А те, кому я наивно доверилась рассказать хоть что-то, наверняка уже убиты Тайной Службой во время неудавшегося «мятежа». Ничего особенного, ничего выдающегося: беззаботное детство в Де-Мойне, штат Айова. Страна — Соединенные Штаты Америки, планета — Земля. Две тысячи двенадцатый год. Время, когда в президентской гонке выиграл черный, а по ящику в промежутках между пародийным шоу Эрика Андре и рекламой Кока-колы рассказывали о последствиях урагана «Сэнди». Время, когда о надвигающемся конце света говорили больше, чем о вооруженном противостоянии в Сирии. Время, когда у меня было совсем другое имя.

Кажется, я до сих пор помнила каждую мелочь.

Только какое все это может иметь значение, какую ценность вообще несут такие воспоминания?.. Автомобильная авария, ледяная вода в легких, забытые и чьи-то руки, поднимающие меня с уже не родной земли. Первые дни, проведенные в панике и полном неверии, в невозможности принятия происходящего абсурда. После — обостренное чувство несправедливости и громкое «я смогу». Ну, почему... почему, стоит появиться поблизости какой-то детали, и все разом лезет наружу, опять причиняя боль? И остается только одно желание из разряда невыполнимых — забыть.

«Есть проблемы куда важнее, хватит копать в прошлом», — одернула я себя. Тряхнула головой и, открыв глаза, приложила руки к горячим потным вискам. Фермы отца больше не было перед глазами, как и раскуроченной нашей шалостью будки — маленькой крупицы моей жизни, которая ничего не значила.

Дело шло к грозе, а, значит, мы здесь уже давно. Сезон дождей, за которым следовало заледенение, всегда начинался в одно и то же время и длился, кажется, вечность — нечто, что когда-то очень давно еще виделось поздней осенью. В такое время самым разумным было найти крепкую крышу над головой, а эта совершенно не подходила.

Я сделала шаг наружу, выглядывая из узкого прохода: ощущение нехватки кислорода становилось все сильнее. Но даже в таком состоянии — медленно, готовясь в любой момент занять оборону. Предосторожность еще никогда не была лишней, и я уже не могла хоть в чем позволить себе беспечность. Но и здесь никого не оказалось. Я приложила левую руку козырьком, расслабила глаза. И все мысли разом смело на задворки.

Мне не хватило дыхания, чтобы принять ту абсолютную красоту, которая неожиданно раскинулась под ногами и простерлась так далеко, как только возможно. Тот самый горный хребет, протянувшийся по границе Империи, словно гигантский позвоночник. Тот самый край, за которым искали спасения. О котором я слышала однажды и долго не переставала мечтать. Но сейчас я почти не чувствовала искушения перебраться через горы в поисках покоя или жалости: забыв обо всем на свете, я просто не могла оторваться от увиденного.

Прямо под ногами плотным ровным покрывалом росли темно-зеленые сосны, а каменистый ступенчатый подъем, созданный руками Природы, оброс по краям мелкими пушистыми елками. Нордона видно не было: его полностью укрыла густая хвоя. Тень единственной выросшей поблизости сосны падала на отвесный спуск, за которым виднелся бурный речной поток, просачивающийся между камней вглубь зарослей молодняка. В свете полуденного солнца вода казалась практически черной.

Этот мир, словно очищенный от жестокости и боли, предстал как на ладони, и от этого зрелища захватывало дух. Вдали, у самого края горизонта, виднелись уже плотные черные тучи. Камень, в пути по степи казавшийся почти красным, вблизи приобретал сероватый цвет из-за разросшегося и высохшего на солнце мха. Я прикоснулась к нему рукой, почувствовав приятное тепло. Такое же, что меня разбудило.

Понадобились силы, чтобы поднять нас сюда, хотя достаточно пологая дорога от предгорья и была не длиннее тридцати или сорока метров. Я задрала голову вверх. Солнце освещало пики гор, и тени ближайших грозно падали на далекие луга, едва-едва выглядывавшие из-за крон деревьев. И не было слышно ни единого звука, словно все вокруг застыло, как застывает в янтаре обреченное на вечное созерцание насекомое.

Почему-то от этой красоты стало невыносимо больно. Раньше я ее не видела или просто не считала важным замечать. А теперь... Теперь все наполнилось такими яркими красками, что я бы ни за что не двинулась с места, не дождавшись заката. Как последнего аккорда, кульминации, после которой можно с легкостью — забыв обо всем на свете — расправить плечи. Я бы и не шевельнулась... Но в тот момент меня позвал Ариэн, и волшебство исчезло. Рухнуло, как карточный домик.

Глава 2. Начать сначала

Ариэн

Боли уже не было. Остались только ее отголоски, которые я инстинктивно принимал за настоящие удары. Но иллюзия быстро рассыпалась: мне больше не нужно было удерживать

небо. И из-за этого я чувствовал полную опустошенность. Вначале она даже не позволила мне очнуться. Показалось, одного резкого неосознанного движения руки хватит, чтобы выдохнуться и опять поддаться кошмарам.

Кошмара не было. Была ищейка, больше похожая на иллюзию, чем реальность. Я даже не сразу понял, что крепко вцепился в ее руку. Как будто тело принадлежало уже не мне. Я чувствовал каждую рану, ее глубину и бугристость, но не чувствовал силы, которая всегда оставалась со мной, а теперь оказалась выпита до дна. И мне самому захотелось пить. До новой боли, до старых, но таких ярких воспоминаний, когда от напряжения — большего, чем я мог бы выдержать — словно рвалась кожа.

Меньше всего мне хотелось кого-то видеть или слышать. Любой звук заставлял откликаться и единственным глазом выслеживать его причину. Кажется, боль вот-вот вернется, потребует большего. Но ведь это означало и другое: что я все еще...

— Я жив? — произнес я уже вслух, но не был уверен, что меня расслышат.

И тут я увидел себя, только-только приходящего в сознание. Этот образ всего нескольких секунд близкого прошлого, когда я увидел свое напряженное и осунувшееся лицо со стороны. Он происходил откуда-то изнутри, рисуя яркую картинку огромной жалости и маленького счастья и даруя надежду на то, что во мне еще сохранились остатки природного дара. Я увидел себя глазами Эвели и почти физически почувствовал, как в тот самый момент ее губы тронула улыбка. Столько лет я был отрезан от ментальной связи и забыл, что значит впускать в себя частичку чужого человека. Это было почти приятно. Это доказало, что я все еще на что-то способен.

Она сидела рядом со мной, очень близко, и я не стал отворачиваться: впитывал в себя ее воспоминания. Смотрел на себя со стороны, беспомощного, истекающего кровью. Чувствовал мерзкий запах переваренной еды, растекшейся лужей по каменному полу. Тот день, когда я решил, что меня вновь предали. Я отвык, и совсем скоро голова загудела, заставляя жмуриться и комкать руками простынь.

Мне нужен был отдых, сон, какая-то передышка. Но Эвели продолжала что-то говорить, продолжала вспоминать, невольно деля наполненные сожалением воспоминания на нас двоих. Теперь она спрашивала, прощу ли я ее. А я просто не нашелся с ответом, еще как-то стараясь восстановить обрывки памяти, увидеть полную картину. Не знаю зачем и почему именно сейчас. Будто кто-то внушил мне, что это самое важное, а мой ответ даст ход событиям. Конечно, это было не так.

Кошмар, который не заканчивался, в реальности потонул в странном плотном дыму и беззвучии. Теперь я наблюдал его и со стороны, все глубже зарываясь в чужую память. Кажется, она не догадывалась. Хотя я и не знал наверняка: чтение сиюминутных эмоций и мыслей унаследовали от Природы лишь Светлые, чтобы угадывать потребности своих подданных. Нам же досталось прошлое, чтобы выискивать источник их боли, первопричину увядания — красивые слова из книг императорской библиотеки, которые для власть имущих больше ничего не значили.

Первопричина пока была от меня сокрыта. И сокрыта настолько крепко, что я буквально видел огромный навесной замок на двери, за которой было что-то неизвестное. Я вдруг почувствовал, что мне необходимо это узнать.

На городской площади не гремел гром, не била молния, и толчки чувствовались не из-за движения земли. Я прокручивал и прокручивал это мгновение глазами Эвели, отдавая на него все свои и без того скудные силы. Что это было?

На секунду, всего на одну секунду перед глазами появилась размытая картинка. Я задержал дыхание, ошарашенно пытаюсь понять, что вижу. Но не находилось слов, чтобы описать. Словно другой мир. Он и был. Незнакомые вещи, разложенные на застывшей черной поверхности, замершие в предвкушении люди в странной яркой одежде. Они зачем-то зажали руками уши. За ними на огромных колесах возвышался уродливый черный монстр. И вдали... дома? Такие высокие и блестящие, будто подпирающие небо. У картинки был запах. Совершенно незнакомый, отравленный, и в то же время напомнивший тот самый, что появился на площади, когда начала оседать поднявшаяся пыль.

— Что это было? — глухо спросил я, силясь уловить ускользающее видение. Но оно исчезло так же резко, как и появилось.

Эвели не ответила: вся сжалась и резко вскочила, что наверняка отдалось неслабой болью. Я не понимал. Прилив чужих воспоминаний, который заполнил меня до самых краев, оказался настолько неожиданным, что я забыл обо всем остальном. Мне было больно, но и ей тоже. И эта уверенность позволила мне — пусть лишь про себя — ответить на ее просьбу.

***

Вернулась Эвели не сразу: лишь как только я, вдоволь напившись прохладной прозрачной водой, снова и уже громко ее позвал. И теперь казалась такой уставшей, потерянной. Она взглянула на меня как-то исподлобья, с опаской. Но я не рискнул спрашивать сейчас: не знал, с чего вообще возможно начать, и так что уже ни пришло в голову за время ее отсутствия. Знать бы еще, что она чувствует. Но лицо было непроницаемо и оставалось таким до тех пор, пока она не села на свою кровать.

— Принести еще воды? Нужно осмотреть ра...

— Эвели... — перебил я. Она неестественно выпрямилась и, брезгливо сморщившись, закрыла глаза.

— Это было не землетрясение. — Лицо в миг разгладилось. Ее голос позвучал буднично и почти спокойно, но все же она переиграла. — И не гром. Это был дымный порох и пороховая подмазка. За воспламенением последовал взрыв, — она пристально посмотрела на меня, ожидая реакции.

Я вновь ее не понял. Последние слова были совсем незнакомы, я не вспомнил даже похожих, с трудом пытаюсь повторить их инородное звучание. Но, судя по ее взгляду, такие слова точно существовали там.

— При горении взрывчатой смеси в замкнутом пространстве образуются газы, которым некуда выйти, резко повышается давление, и происходит взрыв, — совершенно бесцветно и холодно сказала она, хотя я еще не просил объяснений. Которые тоже совсем не привнесли ясности. — А то, что ты подглядел в моих воспоминаниях, называется машиной. Автомобилем. Его колеса состоят из металлического диска, камеры и резиновой шины. Он работает на двигателе без чьей-либо помощи и питается топливом — бензином, — проговорила она на одном дыхании, ни разу не моргнув. Я понимал, что те воспоминания и реальность разделила пропасть, но Эвели ни разу не запнулась, не поморщилась, пытаюсь что-то вспомнить. Для нее, кажется, картинка до сих пор продолжала оставаться четкой, хотя больше я ее не видел.

— Когда? — коротко спросил я, пытаюсь принять и поверить. О таком нельзя солгать, я ведь сам все видел, но как такое может не пугать?

— Семь лет назад.

Я смутно вспомнил наш первый почти нормальный разговор, когда она на эмоциях

рассказала о своих попытках спасти невиновных. Тогда я ее слова воспринял иначе: судьба рабыни или изгнанника из вольных земель. Теперь это кажется более милосердным.

— Но там дни были короче.

— Где «там»? Откуда ты?

— Разве это важно теперь? — не давая мне времени ответить, она вновь заговорила, но теперь не глухо, а твердо и четко: — нужно вернуться в город. Я должна узнать, что куратор успел донести на меня и тебя, прежде чем принимать решение, что делать дальше. И найти Киана.

— Стой... — и все-таки принять такое у меня не получалось.

— Я ведь не спрашиваю, как ты стал гладиатором и почему согласился убивать.

А лучше бы спросила. Эти воспоминания были неприятными — больше, чем просто неприятными, — но я бы рассказал. Рассказал бы об очередном побеге, после которого опять напоролся на чей-то мелкий лагерь. Рассказал бы о том, как впервые за много месяцев и лет схватил настоящий меч, и как его тяжесть оказалась для меня непривычной и почти новой. Как дрался и успел убить нескольких солдат, прежде чем на шею затащили петлю и меня повалили на землю. Наверно, именно тогда и решили мою судьбу.

Через несколько дней меня вывезли в город и продали. А чтобы был покладистым, сразу показали, как умрут те, кого я не убью на арене. Я бы рассказал ей, как встретил в тех бараках Маркуса, и антрепренер, однажды поставив нас в пару, решил на публике разыграть «союзников». Как публике нравилось. До последнего боя.

Вместо этого я лишь коротко произнес:

— Это было больно. Но я хотел выжить. — Она с сомнением посмотрела на меня, но, кажется, постепенно расслабилась. Опустила плечи и подперла руками подбородок. Человек на многое способен пойти и многим готов поступиться, чтобы выжить. И без силы я понимал это и убедился, что ей это тоже не чуждо. Но все же решил договорить, избегая тишины: — Вначале чтобы отомстить, а потом... осталась только надежда что-то изменить. Но в нее я почти не верил.

— Я знаю. Помню, как ты протянул побежденному руку. Толпа так ревела, а я не позволяла себе отвлечься от задания. В тот момент, знаешь, я почувствовала — на секунду — такое облегчение. Что не все вокруг еще стали циниками и лицемерами, как я. Мне было почти плевать, что будет с вами потом, и когда я шла к прокуратору, когда я увидела твою спину, я думала только о том, как завоевать внимание этого мерзкого ублюдка. И даже близко не позволяла себе представить, как тебе больно.

Наружу вылезли первые выводы о ней, первые мысли, ненависть. Но теперь казалось, что это было так давно. Сколько всего я тогда наговорил и надумал, а выходит, она и спорить с этим не стала бы. Я хотя бы не прятал никогда ненависть за улыбкой и не притворялся другим человеком, а каково ей было жить в таком противоречии и каждый раз себя одергивать?

— Вот такая вот я, — заключила она, хотя я ни разу не посмотрел с упреком. — Разве этого мало?..

Я отвлекся, глядя на нее. Больше мне не хотелось лезть в ее воспоминания, которые всегда сопровождались эмоциями, и я изо всех сил старался от них отгородиться.

— Как ты выжила?.. — начал я, пытаюсь сформулировать что-то вразумительное.

— Убивая. Это единственная моя жизнь, у меня другой не было. Была одна девчонка, которая жила идеалами и сказками, очень давно. Это ее баловство и ее дом ты видел. Я уже

говорила, что с ней стало после, — я вновь вспомнил наш разговор перед казнью: страх, отчаяние и смирение.

И не сбежать никуда. И тут я сам себя остановил: мы ведь находились почти в горах. Тех самых, за которыми лежали вольные земли. Она не могла об этом не думать. Особенно сейчас, когда потеряла все, что пыталась построить. И я рискнул об этом спросить.

— Да, я и раньше об этом думала, просто боялась неизвестности и преследования, — ее передернуло, а на лице появилось отвращение. — Я уже жила так: перебираясь с места на место с ощущением, что кто-то даже во сне дышит мне в спину. Это слишком страшно, слишком сводит с ума, выматывает. А сейчас... — она посмотрела на меня как-то оценивающе, потом перевела взгляд на солнечный выход. — Знаешь, как там красиво? Не видно ни одного города, и никто не кричит от боли, по листве не стекает кровь. Я родилась не здесь, это правда. Но назад пути нет и, наверно, никогда не будет. А жизнь идет. Мы вместе изменили что-то в этом мире, значит, не все потеряно, верно? И я не хочу опять бежать, скрываться и делать вид, что ничего не происходит. Я не хочу оставаться циником. Хочу быть человеком, чего бы это ни стоило.

Я только кивнул в ответ. Больше всего в этой жизни я хотел того же. С силой или без, но вернуть стране, моей стране настоящую свободу. Всем, кто в ней нуждается. Всем, у кого ее отняли. Не прятаться и не бежать через хребет в чужие земли. Вернуть веру и заставить сражаться, забыв старую кличку.

Отчаяние было хорошо знакомо нам обоим. Как и надежда, которая вдруг замаячила на горизонте. И она оказалась в сотни раз сильней, наконец, оставляя все лишнее в прошлом.

— Я тоже... не хочу.

Я не удержался и, подтянувшись, коснулся ее холодной руки. Она только удивленно улыбнулась, и я, кивнув на выход, тихо попросил:

— Покажешь?

Киан

Я торопился в город, как будто каждая секунда могла что-то решить не в нашу пользу. Подгонял оседланную лошадь, но не решался бежать галопом: Венн не торопился присматривать за мной, оставшись где-то позади, а я боялся навернуться с непривычки на узкой тропинке. Удивительно, как нас вообще сюда затащили.

Уже на подъезде — где высокие сосны сменял мелкий кустарник — слышался шум, какие-то выкрики, ругань. В косых переулках между крайними домами было пусто, резиденция губернатора, видневшаяся сквозь неплотный заслон молодых деревьев, выглядела совершенно безлюдной. Только кровавые отпечатки на светлых квадратных колоннах, подпирающих широкий балкон, говорили о том, что не так давно здесь была еще одна бойня. Выбитая железная решетка ворот валялась на земле, покрывшись слоем песка и пыли. На редком пожелтевшем газоне блестели осколки оконных стекол. Здесь точно никого нет. Никто так и не решился занять это место — комфортное и достаточно просторное, — словно здесь до сих пор можно было заразиться проклятием власти.

Мотнув головой, я быстро отправился дальше. Хорошо, что в первый раз мы шли по другой дороге: не с чем сравнивать.

Перейдя через деревянный мостик на боковую улицу, я перевел дыхание и попытался понять, что делать. Еще одна улица передо мной заканчивалась двором, на другой хаотично и, видимо, спешно расставили почти вертикальные заслоны из сцепленных вместе не строганных бревен шириной в два-три метра. Поначалу из-за них я ничего не увидел. Но мое

внимание привлек все тот же шум.

Я медленно поскакал дальше. Впереди вся дорога, в ширину между зданиями не больше пяти или шести метров была занята людьми. Я не спешил слезать с лошади, всматриваясь в происходящее. Около домов на расстеленном брезенте лежало оружие: луки и стрелы, копья, одноручные мечи и кинжалы. Простые, но добротные. Оружия было много, как будто кто-то поставил целью сосчитать все, что есть, чтобы дать отпор. По словам Венна, так и было.

На меня не обращали внимания. Маук и двое человек, которые стояли чуть позади него на сколоченной в полуметре от земли террасе, спорили с небольшой толпой, пытаясь ее перекричать. Женщин я не увидел. Только человек сто, каждый из которых счел своим долгом что-то гаркнуть в ответ.

— Даже не вздумай!

— Это возмездие!

— Имеем право!

Крики слышались отовсюду. Я понимал, о чем идет речь. Но неужели за целую неделю горожане не пришли к единому мнению? И что я скажу? Я не знал, куда нам идти, куда нас еще примут, я даже не был теперь уверен, что нас отпустят. И, что пугало меня больше всего, я в любом случае не смогу никого защитить: после ранения наверняка заново придется учиться держать меч.

От меня ничего не потребовалось. Маук, заметив меня, протестующе замахал руками в сторону особо яростных горожан и, сделав несколько шагов в сторону, дернул на себя приоткрытую низкую дверь. Я оглядел маленький дом, прежде чем зайти следом. Со второго этажа женщина молчаливо глядела на толпу. Словно с чувством глубокого разочарования. Но, наверное, мне просто показалось.

За мной быстро закрыли дверь, но даже тогда шум не исчез до конца. Сейчас люди готовы были рвать и метать, зная бы еще, что причина не в нас.

— Рад видеть тебя на ногах, — вместо приветствия коротко произнес Маук. Даже в полумраке коридора я увидел залегшие под глазами тени. Легкая тканевая одежда была помята, будто он не раздеваясь несколько дней спал прямо в ней. На лбу проступил пот, из-за чего кожа неровно поблескивала. Он без какой-либо надежды смотрел на меня такими уставшими глазами, и плечи как-то опустились вниз. Нет, не таких последствий я ждал после случившегося чуда.

— Взаимно, — я пожал протянутую руку. — Что происходит?

— Они требуют выдать им М'иирша.

— Кого?

— Начальника тюрьмы, — нехотя пояснил Маук, и я остро почувствовал, что зря трачу его время, не решаясь спросить напрямую. — А я еще не добился от него информации. Вдобавок может понадобиться его жизнь, если вдруг солдаты начнут движение к городу. Хотя очень сомневаюсь, что это их остановит.

— А еще пленники остались? — осторожно спросил я, вспоминая кровавые разводы и разбитые окна-бойницы.

— Да, вся тюрьма забита теми, кому посчастливилось выжить. Правда, раненых много.

— А... мы? — решился я наконец спросить. И вдруг стало страшно услышать его ответ на такой размытый и в то же время абсолютно конкретный вопрос. — Спасибо, что вытащил, но что сейчас...

— Не знаю я, что делать. Не знаю. Я совсем не так представлял себе победу, — Маук

провел ладонями по лицу от висков до подбородка. Кажется, с тех пор, как мы виделись в последний раз, прошло лет восемь. Но я до сих пор хорошо его понимал. — Очнулся только ты?

— Да.

— Вам не стоит здесь оставаться, — внутри разлилось облегчение, и в то же время стало стыдно за такую реакцию. Совесть не позволила мне промолчать.

— Разве... разве вам не нужна помощь?

— А чем мне помогут калеки? — просто, по существу полуутвердительно спросил он. На это у меня не было достойного ответа. Я не почувствовал ни обиды, ни разочарования — реальность, которую можно только принять. Маук быстро осмотрел меня и покачал головой. — Знай, я никогда вас не сдам, но не хочу, чтобы пришлось выбирать. Я готов идти до конца, но по-прежнему не уверен, что готовы остальные, — Маук неуверенно кивнул в сторону улицы. Я подошел к окну, разглядывая расходящихся по разным уголкам людей. Кажется, стало почти тихо.

Я даже не представлял, как бы правильно подобрать слова. Они казались какими-то лишними: ну, чего он мог не знать? Все знает и все видит, и намного больше, чем я. И все-таки напряжение не исчезало, заставляя вновь и вновь прокручивать в голове возможные фразы. Не мог я просто пожелать удачи и исчезнуть, это неправильно, несправедливо.

— И какой план?

— Атаковать, — лаконично ответил он, поведя плечами. — Теперь это должно стать нашей обязанностью.

Как бы им сейчас пригодилась помощь. Сила Ариэна, боевые навыки Эвели. В моем понимании произошедшее на площади должно было как-то сплотить, но ненависть нашла иной выход. Ни радости, ни боевого духа. Даже близко не похоже, чтобы кто-то увидел данный «свыше» второй шанс. И кто здесь вообще будет готов что-то отстаивать, когда увидит перед собой настоящих воинов? И все же.

— Я понимаю, о чем ты, — произнес я, стараясь не вложить случайно в эту короткую фразу какой-либо оттенок. Просто понимаю.

— Я надеялся, что поймешь, — Маук на несколько секунд прикрыл глаза, будто собираясь с мыслями. — Вам нужно успеть уйти через горы до дождей, или хотя бы до оледенения.

— Через горы? — переспросил я, в который раз злясь на собственную недалекость. И об этом я тоже вовремя не подумал. Нас ведь вроде как и не должны знать в лицо. Но кто я, чтобы принимать такие решения и брать ответственность? Была бы рядом Эвели...

— В долине почти нет городов, только вглубь Империи, на границе с Азумой. А, если в доносах было что-то более конкретное, вас быстро найдут. Если куратор написал про... про глаз.

— Я решу, — слишком резко, чем следовало, оборвал я. Не хотелось опять вспоминать крик Ариэна. — Но как нам ехать? На чем? Я не справлюсь один.

— Да... да, — как-то почти рассеянно повторил Маук, глядя мне под ноги. Он тут же как-то сник, хотя и не было причины. — Не могу думать еще и об этом, — недовольно, но без упрека буркнул он и усиленно потер пальцами виски. — Еще и кровь эта под ногтями...

— Что?

— Вилар. Умеет терпеть боль, — Маук широко раскрыл глаза, глядя в никуда

— Дождем, — уверенно и слишком спокойно произнес кто-то с последних ступеней лестницы, отвлекая Маука. На это уверенное заявление я с отвращением поморщился, но тут же взял себя в руки. Не мое дело.

— Куда денется... Да и я... — Маук запнулся, — послушай, не сейчас. Ты только пришел в себя. Отлежись до вечера, я кого-нибудь пришлю, может, еще поговорим. — Маук замельтешил перед глазами, постоянно потирая пальцами переносицу. Я почувствовал, как будто бы покраснели щеки. Это у меня было время как-то оклематься, а как скоро после затишья ему пришлось сдерживать бурю?

В конце концов, я услышал все, на что еще мог рассчитывать. Протянув ему руку, я пожелал удачи, но, дойдя до двери, все же обернулся. Маук так и ходил по кругу, игнорируя спустившегося со второго этажа мужчину, за которым шла незнакомая женщина с уложенными в тугую прическу медными волосами. Я узнал Борра — теперь его лицо от брови до скулы пересекал свежий глубокий шрам — и коротко кивнул на его молчаливое приветствие. Спутнице я поклонился ниже. Она лишь проводила меня сочувствующим взглядом, отчего стало еще неуютнее в чужом доме.

Несмотря на собственные не особо светлые мысли, я заставил себя взбодриться и выпрямить спину.

— Ты справишься, — я произнес это твердо и достаточно громко, чтобы Маук отвлекся и посмотрел на меня. Его лицо вдруг стало серьезным и сосредоточенным. Он расправил плечи и так же уверенно, как и я, произнес:

— У меня нет выбора.

Кажется, в этом я ему завидовал.

Глава 3. Идти до конца

Киан

От разговора с Мауком остался неприятный осадок, как будто он точно знал последствия нашего вмешательства и готовился к ним. Пытался.

Еще у трактира Венн отклонялся, торопясь вместе с Мауком в сторону тюрьмы, сейчас я остался один. На обратном пути, быстро пробираясь через чахлый лес у подножия высоких сопков, я понял, что не стану просить у него людей. Кто мы такие, чтобы лишать город и без того хлипкой защиты. Как там сказал Венн? Многие впервые в жизни увидели оружие, взяли его в руки, ощутили его тяжесть. А я видел, как быстро умирают те, кто не посвящал войне свою жизнь. И опять почувствовал тяжесть в груди, мешающую дышать. Словно ничего не изменилось. Немногим позже накатила и паника. Что мне делать? Как уберечь? Где спрятать? Я был рабом, я многого не знал и не видел. Я не знаю, куда везти двух человек, не пришедших в сознание, как помочь, если вдруг в пути откроются раны или начнется припадок. Госпожа была... Она хороший врачеватель, но память не позволяла запомнить все, что она делала. Я умею исполнять приказы, но сам ничего не могу сделать.

От ощущения своей ненужности я только крепче сжал в руках жесткие поводья. Совсем не то, о чем стоит думать. Я попытался сосредоточиться, направляя гнедую между высокими гранитными валунами, волной застывшими над узкой тропой. Если они не очнут... Если Она... Сердце забило еще сильнее, мешая думать. До вольных земель придется пробираться через перевалы, повозка не проедет, там мы будем обречены. Да и если доберемся... Никто точно не скажет, какая там будет свобода: оттуда возвращались единицы, и у всех, кого я видел, на шее поблескивал рабский ошейник. Возможно, были и другие, довольны и сытые жизнью, но таких я не знал. А если, как говорил Маук,

отправиться вглубь Империи, нас могут найти. Хотя откуда им известно, кого искать? Нельзя же проверять всех странников и кочевников.

Надежда все еще как-то теплилась, пригретая на груди. Хоть бы удача оставалась на нашей стороне.

Я сильнее стегнул лошадь, переходя на галоп. Слабости больше не было, хотя все так же ощутимо продолжали ныть перебинтованные ребра. От жары слиплись волосы, и на скулах, щеках, лбу выступил пот. Намокшая рубашка неприятно липла к спине. Я не обращал на это никакого внимания. Впереди за деревьями уже виднелась небольшая дорожка на подъем. Но я оказался не готов принять какое-либо решение.

Аккуратно спрыгнув с лошади, я повел ее за собой. Где-то вдали начинало глухо громыхать. Еще несколько дней, и ливень обрушится и на Нордон. Надо было спешить.

Подниматься по склону было так же сложно, как и спускаться. Тело ныло, требуя покоя. Я понятия не имел, даже близко не представлял в деталях, что и как мне делать. Поднимусь до убежища, а что делать дальше? Использовать носилки, чтобы что? Голова болела, а в горле совсем пересохло, но я не останавливался, боясь, что тогда мысли просто меня раздавят. Вот если бы очнулась Госпожа, Она бы нашла решение. Как находила всегда. А я кто?

Нет. Это были неверные мысли. Я одернул себя и резко, до боли встряхнул плечи. Этим себя не оправдаешь. Я нужен Ей. Только я сейчас могу помочь, и поэтому нужно принять правильное решение, продумать все, что только возможно, чтобы уберечь. Самое время показать, что и я чего-то стою. И сделаю все, что от меня потребуется. Справлюсь, потому что у меня тоже нет выбора.

Подъем неожиданно стал легче, словно открылось второе дыхание. Я поднимался с улыбкой, чувствуя такое желанное облегчение. И все же остановился. Не из-за усталости или оцепенения: показалось, что услышал голоса. Или не показалось. Задержав дыхание, я в два рывка взобрался до ровной площадки. Вопреки попыткам успокоиться, дыхание само стало прерываться. Неужели не ошибся?

Такая радость разогнала все сомнения, засияла на солнце, и я уже представил блеск Ее карих глаз. Вместе мы бы все смогли...

За одно мгновение все обратилось в пепел. Да и какие вообще могут быть мысли и надежды у раба. Вспоминала ли вообще о моем существовании, пока крепко сжимала руку Ариэна и смотрела так, словно больше никого не существует? Словно больше ничего не важно?

Я был рабом. Но, кажется, им и остался.

Эвели

Я запоздало повернулась к спуску, услышав чужое надрывное дыхание. Киан! Живой! Первым желанием было дернуться вперед, надеясь, что Ариэн устоит на ногах без моей помощи. Я уже почти ослабила хватку, но, лишь мельком взглянув на меня, Киан отступил и привычно — без каких-либо эмоций — в смирении склонил голову. Облегчение и радость исчезли в ту же секунду, уступив место досаде и... обиде.

Это было не чувством собственничества, но чем-то до жути похожим. Словно то, что произошло в тюрьме, навсегда изменило его отношение ко мне. Верно, так и случилось. Все правда изменилось, но совсем в иную сторону. Но за случившееся в тюремных стенах меня простил Ариэн. Потому что понял. А что мои действия значили для Киана? Думал ли с том, что и его я без раздумий брошу там, чтобы сохранить свою легенду? Конечно, думал.

Зачем же тогда вообще остался?

— Рад вашему возвращению, Госпожа, — вновь ровный тон, лишенный эмоций. Выходит, даже не думал, что у него может быть выбор: вколоченная еще с детства покорность, долг, но никак не верность.

Я вдруг вновь почувствовала себя не человеком. Кем теперь он меня видел? Неужели... словно и не было взаимопонимания, того разговора, словно он не касался моих рук и не заглядывал в глаза с такой надеждой, что исчезали мысли? Словно не смотрел с испугом и беспокойством, когда увидел на моем плече кровь. А теперь Киан по-настоящему увидел — не услышал с моих собственных слов — на что я способна ради получения результата.

Я попыталась дотянуться до его мыслей, но их словно и не было. Только необходимость следовать моим приказам и полная покорность. Ничего больше. От совсем, наверно, детской обиды защищало глаза. Не место и не время. Я в любом случае не имела права рассчитывать на понимание. С чего бы? В конце концов, смертников спас Ариэн, а не я. Достаточно эмоций, все потом. Нужно просто сосредоточиться на том, что сейчас важнее всего.

Приподнявшись с места, я сделала несколько глубоких вдохов, и так же четко, как и раньше, — без единого оттенка — произнесла:

— Рассказывай, что мы пропустили.

***

Отчетов нигде не было. Потайные прорезы под седлами оказались пусты, хотя на то, чтобы их проверить, понадобилось почти полдня. Все конюшни пустовали, а жители наспех возводили вокруг незащищенных частей города деревянный забор. Ощущение опасности било отовсюду, и, чтобы понять, насколько вероятно наступление, мне нужно было найти эту информацию. Если она все еще была здесь. Или ответные инструкции. Что угодно. Но все потайные лазейки, карманы, двойные днища пустовали. Это пугало уже не на шутку.

Маук сказал, что одному гонцу удалось уйти. Но много ли он мог рассказать? Много ли мог взять с собой? Я продолжала искать, одержимо переворачивая весь кабинет Вилара. Только до меня здесь уже провели хороший обыск и ничего не нашли. Я пролистала все журналы, но из записей — только поступление заключенных, которые исчислялись в номерах, и подписанные губернатором указы на смертную казнь. Ничего подозрительного, ничего, что бы указало на нас или на ход событий. Но ведь пока еще не напали, словно выжидали чего-то. Знать бы лишь, чего именно.

Ответов не было. От вещей куратора и вовсе почти ничего не осталось. Повозка была перевернута и разобрана почти до основания. Как ни странно, никакого двойного дна, никакой имитации гладкой цельной поверхности на внутренней оббивке.

Раз нам нужно поскорее отсюда убираться, стоило узнать, что известно врагу и что ожидало город. Но никаких бумаг не было, никакого подтверждения, что Эвели Ш'иир — предатель, а один из ее спутников — Темный. Оставался последний источник информации. Совсем близко. Я не слышала его криков, но знала, что он кричит. Не может не кричать. Место, куда мне совсем не хотелось идти. Прошло десять дней, но Вилар до сих пор ничего не сказал. Я знала, что его ждет: пытки, месть, разъяренная толпа, которая не позволит умереть быстро. Смерть будет позорной, не достойной воина. Я знала, что так и будет, но не могла не жалеть.

В коридоре послышался звук открывающейся двери одной из пыточных. И больше — ни звука.

Я аккуратно сложила разбросанные желтые листы в прежнюю стопку: вдруг кто захочет

разобраться в тюремных записях. На низком столике пылились разбросанные по шахматной доске деревянные фигурки. Взгляд зацепился случайно, и в голове мелькнула — но тут же исчезла — какая-то грустная мысль.

За спиной появился Маук. Кожаный передник лоснился от свежей крови, и только многолетняя выдержка позволила мне не поморщиться. Его медные волосы взмокли и, завившись, прилипли ко лбу, а на бледной коже еще четче выступили веснушки. Чуть позади него с бесстрастным выражением лица и в то же время каким-то пустым взглядом стоял Борр. Я кивнула ему в знак приветствия, он ответил тем же и, зайдя в кабинет, доверительно протянул мне руку.

— Так что с твоим лицом? — без особых эмоций спросила я, оглядывая не слишком аккуратно защиту рану. Лекарь слишком неосторожно снял швы, и оттого по обе стороны остались воспаленные бело-красные точки.

— Один из братьев... не успел увернуться, — отмахнулся он: обычное боевое ранение, но мне вдруг оказалось важным узнать, как они погибли. Сражались ли друг за друга, просили пощады или забыли о своем родстве. Но, конечно, я промолчала. Это уже в прошлом и никак не повлияет на будущее.

— Пусто? — спросил Борр, скептически разглядывая перевернутую мебель и кое-где отодранные половицы. Я только досадливо кивнула.

— Не понимаю, как он может молчать, — тихо простонал Маук, и голос его звучал как-то совсем не знакомо. Глаза слабо светились в полумраке, отражая свет настенных подсвечников. Грязные, почти почерневшие от крови руки, потянулись к застёжке на шее.

— Стой, помогу, — ровно произнес Борр. На завернутый к выходу ковер упало несколько капель крови.

— Нам нечем откупиться... — больше себе сказал Маук, падая в то кресло, где когда-то, молчаливо разглядывая шахматы, сидел Вилар. Я чуть вздрогнула, но быстро взяла себя в руки. Не только мне нужна информация, значит, придется действовать так, как я умею.

— Я могу поговорить с ним.

— Можешь? — тихо, будто с сомнением спросил Маук. Безусловно, он тоже помнит ту встречу, когда начинался хаос. И я помню, только остальные нас не поймут.

Вопрос был правильный: я не хотела это делать, боясь увидеть то, что может еще больше изменить мое отношение к Вилару. Все и так уже решено, однозначно и не подлежит обсуждению. Я не имею права слушать внутренний голос, Маук не имеет права идти наперекор своим людям. А кто, кроме нас двоих, поверит, что за жестокостью может быть что-то еще? Никто, конечно.

Внезапно захотелось рассмеяться: вот я уже по другую сторону баррикад, а необходимость идти против собственных убеждений так никуда и не исчезла.

— Поговори, — вдруг попросил Маук, не дождавшись моего ответа. Я чувствовала его эмоции: они становились все более размытыми и мрачными.

— Хорошо. А ты выпись. — Маук поморщился и покачал головой, так и не обращая внимания на засохшую на руках кровь. — Я прошу тебя. Хотя бы пару часов. Иначе кто будет... — «вести бой», — чуть не вырвалось, но я промолчала. Это он понимает и без меня.

Маук не стал уточнять. И без того было ясно, что подготовка идет, а я не хотела одергивать, напоминая, насколько не равны силы. И вряд ли несколько десятков заключенных помогут взбунтовавшимся выторговать свободу. Я только продолжала надеяться на пороховую смесь, которую примерно каждый час испытывали на площади: их

единственная возможность напугать врага, заставить отступить и признать новые правила. Хотя бы временно. О том, что будет, когда Служба найдет тех, кто узнал способ изготовления пороха, я старалась не думать. Если сюда, как уже было однажды, прислали всех пограничных стражей, а не только Службу, после штурма выживших не будет.

На месте отрубленной головы вырастет две — это я уже знала, в этом наглядно убедилась. Но вот о чем я никогда раньше не думала: что если ударить в сердце? Возможно именно сейчас, когда назад пути наверняка нет. Возможно...

Мысль ускользнула. Я, собираясь с силами, огляделась вокруг: мрачно, пусто, неуютно. Борр остался с Мауком, опустился на корточки возле кресла, стараясь что-то объяснить. Как сделал бы любящий отец, увидев в таком состоянии своего сына. Как сделал бы старший брат, чтобы успокоить младшего. На канделябре догорали две последние свечи. Меня передернуло. Надеюсь, больше не придется сюда возвращаться.

Вновь отбросив все человеческие чувства — жалость, брезгливость, сожаление, ужас, — я шагнула в темноту пыточной камеры. За мной внесли фонарь с отражателем и поставили на прикрепленный к полу стол.

На свету все выглядело куда проще, чем представлялось в воображении. Обычная человеческая кровь, липким слоем залившая всю поверхность стола. Закрепленные специальными колодками руки, на которых не осталось ногтей. Два пальца левой руки были отрублены или отпилены до основания и перевязаны, чтобы пленник не истек кровью. Я поймала себя на мысли, что не первый раз вижу подобную картину, что из-за подзабытого ощущения ужаса даже ничего не чувствую. Словно прошлое вновь меня настигло, а вместе с ним и абсолютная апатия.

Я дернулась, услышав за собой закрывающуюся дверь, словно меня тоже оставили в плену. Умом я понимала, что это не так, что никто не станет подгонять и чего-то требовать. Но вдруг из темноты родился почти забытый страх, такой вязкий, что в нем терялось даже дыхание.

Вилар поднял голову. На его шее виднелись старые рваные раны, которые пересекали уже совсем свежие. Сломанный нос был полностью окрашен ярко-алым, как и разбитые губы. Опухшие скулы покрылись кровавой коркой так, словно кто-то усердно вдавливал его лицо в шершавый каменный пол, прежде чем посадить на этот стул.

Вилар смотрел на меня отрешенно, как будто не узнавал. Та стена, которая отделяла мой разум от его, не позволяла пробраться к эмоциям, но я целиком и полностью ощущала отражение его боли. Он абсолютно точно знал, что будет дальше.

Я должна была разбить преграду, должна была узнать все, что он знает и успел донести до Службы, но язык не поворачивался. Я села на стул, стоящий напротив Вилара, не отрывая глаз от его искалеченных рук. Одна мысль не давала мне покоя — так, что опять захотелось нервно рассмеяться и хлопать в ладоши. Замкнулось. Все люди одинаковые, кто бы что ни говорил о человеколюбии. Это сделали ополченцы. Чтобы победить врага, нужно использовать его же методы, только что тогда останется от нас? Я вспомнила взгляд Маука — в никуда. Ответ был лишним.

Из-за промокших бинтов виднелись грубые и отталкивающие шрамы — прижженные, а не зашитые, — будто какой-то хищник когтями вцепился в его запястья. Вилар не стонал, даже не двигался, молча смотря на меня в ожидании. Я вспомнила пьяный бред куратора о рабском договоре (кажется, тогда он еще не отыгрывал «неосведомленность»). Передо мной сидел гладиатор, и одному Богу — если он все же есть — известно, через что ему пришлось

пройти, чтобы получить свободу. Хотелось бы знать, как все произошло, почему даже почти голубая кровь не спасла от такой участи, но почему-то важнее оказалось не это. Боль, старые и новые шрамы, место начальника тюрьмы и вдруг...

— Шахматы... — прошептала я. Вроде бы осознанно, но слишком глухо. — Откуда?

Вилар молчал, без ненависти или отчаяния глядя прямо мне в глаза. Его руки не шевелились, плечи не ходили ходуном. Он словно весь превратился в изваяние, неподвижную фигуру, которая создана вселять в пленных и линчевателях ужас. А потом как-то грустно улыбнулся — едва-едва, — с трудом разлепив губы:

— Напоминание... из прошлого.

Только что оно значило, что значил тот внимательный взгляд, с которым Вилар следил за отблесками света в их глянцево-гранях, словно хотел в чем-то убедиться? Кажется, я вспомнила с первой встречи все до мельчайших деталей, но картинка никак не могла сложиться из стольких совсем не подходящих друг к другу кусочков.

— Но почему?

Я постаралась воспроизвести все мелочи и теперь окончательно убедилась — в кабинете больше не было ничего личного, ничего, что могло бы принадлежать только ему. Только шахматы. Кажется, я начала понимать.

— В них... нет цены поражения, — меж тем все же ответил мне визави. — Пешка — просто фигурка... на доске, — «...а не чья-то жизнь», — закончила я про себя, больно прикусив язык. Перед глазами редела арена, гладиаторы один за другим обагрjali песок кровью, пока патриции, прячась в тени, вальяжно двигали по гладкой поверхности те самые деревянные фигурки, распивая дорогие вина. Арена воспринималась ими так же, как шахматная доска. Для них не было разницы, где искать победу. А Вилар думал иначе. Помнил, что значит быть всего лишь пешкой в чьих-то руках. И понимал, что только в шахматах любые жертвы, как и ошибки, в сущности ничего не стоят.

Что вспоминал он, рассматривая тогда удерживаемую в своей руке фигурку? Видел в ней себя? Или тех, кого волей Императора должен приговорить к казни? Иллюзия власти, иллюзия выбора... Слишком знакомое чувство. Я тряхнула головой, прогоняя воспоминания. Несколько волосинок сбились на лоб, царапая глаза.

С выдохом я вновь полностью вернула себе контроль.

— Почему ты отпустил нас?

Мой голос слышался таким хриплым, чужим. И где уверенность, где мстительность и чувство справедливости, присущие любому человеку в этом проклятом Нордоне?

— Это... неважно, — медленно произнес он, над нижней губой показались окровавленные сломанные зубы. И опять: ни ненависти, ни отвращения. Неужели не жалеет о том, что позволил нам уйти?

У меня появилось почти непреодолимое желание сбежать отсюда и с головой нырнуть в ледяную-ледяную воду. Чтобы только забыть этот образ. Не понимаю, где Маук нашел в себе силы проводить здесь почти все время? Он ведь тоже должен был помнить, почему и... благодаря кому мы вышли из тюремных застенков без боя.

Я опять не знала, что делать, но Вилар, будто почувствовав мою растерянность, спросил:

— Ты... убила... моего... брата? — Каждое слово давалось ему тяжело, и на лбу заметно выступали морщины, но в глазах — почти почерневших, но еще сохранивших отлив глубокого моря — так и не было даже намека на страдание.

— Да, это была я. — Под его не моргающим взглядом с трудом удалось выдавить всего несколько слов. Вот, я подумала, именно сейчас в нем проснется зверь, и от меня ничего не останется. Но Вилар все так же отстранено сидел на стуле, только теперь опустив глаза.

— Он... заслужил... — сухо выдавил он, чуть заметно шевельнув пальцами. От шока я, кажется, открыла рот, но мужчина не увидел. Легкое движение шеи принесло ему много боли, и тут до меня дошло.

— Ты тоже? Это — твое наказание? — я заставила себя не отвести взгляд и потому увидела едва заметный кивок.

В тесной душной камере опять повисла тишина. В свете огня я видела, как блестели начищенные орудия пыток — клещи, изогнутые лезвия, винты, — которые Маук так и не смог пустить в ход. Меня опять передернуло. Но сравнимы ли эти инструменты с рыком разъяренных голодных хищников, их клыками и крепкими когтями, которые легко вспарывали хлипкие доспехи? Сравнимы ли с братскими узами, которые не позволяли свободно дышать? Кажется, ничуть.

— Скажи, что известно Тайной Службе о произошедшем? Что унес с собой гонец? — попросила я. Именно попросила, чуть придвинувшись вперед, заглянув в его сузившиеся от накатившей боли глаза. Его зрачки походили на точки, застывшие в вязкой топи. Нельзя было сдавать позиции, но я не удержалась и опять скользнула взглядом по бугристой желтоватой коже под истрепанной одеждой.

Кажется, Вилар попытался улыбнуться, по его подбородку опять потекла кровь.

— Зачем?

— Затем, что судьбу можно изменить, — проговорила я, но, поняв неоднозначность сказанного, тут же добавила: — потому что не надо оставаться монстром, даже если отвели такую роль. А ты смирился, — осторожно прошептала я, но Вилар понял меня правильно.

В воспоминаниях опять мелькнули шахматы. Ход, который поможет избежать жертв, но уже по-настоящему.

— А ты?.. Все еще... веришь, что не поздно? И что... человечность... выше всего? Высшая... ценность... для всех, — прохрипел последнее Вилар, безотчетно попытавшись выдернуть из колодок задрожавшую руку.

— Да, я в это верю, — я старалась уверенно ответить и не смотреть на его раны. И не вспоминать, что видела и на что сама соглашалась раньше. Главное, чтобы он мне поверил.

— Хах, — совсем сипло с кривой улыбкой прохрипел Вилар и прикрыл глаза. Сейчас у меня бы не хватило мужества поднять на него руку. Упрямец, который позволит запытать себя до смерти, но не признает, что чувствует сожаление. Потому что в этом не будет смысла? Не поверят? Посмеются и ударят сильнее? Неужели правда так считает? И знает, что абсолютно прав.

— Ты не знаешь ответа на вопросы, которые задает Маук? — внезапно осенило меня, когда на столешницу с его пальцев сорвалась еще одна капля крови.

Внезапно морщинки у глаз разгладились, и уже совсем другим — уставшим — голосом Вилар признался:

— Не знаю. Донесение... писал брат. Думаю, они уже знают... кто вы...

Сил оставаться здесь — один на один — у меня не хватило, и я резко поднялась на ноги, схватив со стола фонарь. И все-таки не удержалась: обернулась, как раз тогда, когда Вилар в последний раз разомкнул губы:

— Не пощадят... — в его глазах застыла обреченность, — никого. Ты сама это...

знаешь.

Я почти выбежала из камеры, резко захлопнув за собой дверь. Сердце билось болезненно и громко, опустившись в самые пятки. И потряхивало так, что пришлось ухватиться за массивную ручку, чтобы случайно не упасть.

Нам не спрятаться здесь, не переждать, пока про нас забудут, не уйти, ведь без Темной силы сопротивление не протянет и суток. Я слышала выкрики где-то на улице и поднявшийся шум, но он звучал пока так далеко. Здесь было небезопасно, не в Нордоне — в Империи, которой я замороженно любовалась, стоя перед обрывом. Оставалось только бегство, теперь только оно могло спасти наши жизни. Но как же остальные?

Маук мне поверил, а большего было не нужно. Вилара вывели на улицу в тот же час: хоть какая возможность сплотить людей перед боем, пробудив ненависть. А для меня — прекратить его пытки, которые он терпел бы еще долго по своей же воле. Совсем не ради того, чтобы позже быть спасенным: пощады и правда не будет никому. Служба никогда бы не пошла на сделку с повстанцами.

За Виларом вывели остальных пленников. Под гудение беснующейся толпы. Я не видела ей края, хотя наблюдала с балкона, панически боясь вновь влиться в нее, стать ее частью. Та же ненависть, та же жестокость. Но я, кажется, впервые почувствовала, насколько все это может быть неправильно даже по отношению к врагу.

В него летели гнилые овощи и фрукты, кто-то бросил под ноги отломанную доску, и Вилар полетел на землю, прямо на связанные покрытые кровью руки. Толпа вновь одобрительно загудела, смыкаясь вокруг него. Он встал молча, почти спокойно, будто и не подгоняли чужие руки, держащие в руках копья. Сколько же сил нужно было приложить, чтобы стараться не заваливаться на больную ногу?.. Издали было плохо видно, но, кажется, на его лице застыла безмятежность.

Я крепче сжала руками деревянные перила.

Никто из них не знал, не понимал, видел только одно и имел на это полное право. Но мне не хватало сил смотреть спокойно. Ладья съедает пешку, пешка поедает слона, и игра просто продолжается дальше. Будто ничего и не было. Жизнь тоже продолжится.

Человечность... Теперь я убедилась в том, что сказал Вилар. Но как бы мне не хотелось закончить так же: чтобы в мою сторону каждый кричал проклятия, напоминая о всех грехах, от которых никогда не отмыться. Оставаться верным до конца, принять боль не как избавление, а как плату. На это нужна была не только решимость; я же, выходит, смалодушничала, поддавшись порыву спасти кого-то и искупить этим свою вину. В этом тоже была своя правда, но я боялась ее принять: она меняла слишком многое.

И тут из всей тысячи человек, что вышли сюда, Вилар нашел меня. На миг поднял незатуманенный взгляд, как будто хотел что-то сказать напоследок. Но я отвернулась. Он был прав: иногда уже ничего не изменить. Какими бы хозяевами жизни мы ни казались другим, а сами все еще стоим на этой самой шахматной доске, ведомые чужой рукой. И, как бы ни пытались, а сторону не переменить. Те, кто горячо убеждают, будто стать добром никогда не поздно, просто не способны понять, что наступит момент, когда в твои искренне поступки больше никто не поверит.

***

На выходе из местной аптекарской лавки меня поймал Маук, ухватил за рукав и, даже не заметив, как я поморщилась, оттащил чуть в сторону. Наполненный колбами мешок тихо стукнул по бедру. Я даже не успела удивиться, когда по дороге, поднимая пыль, промчались

экипированные всадники. Что успело измениться за те полчаса, что я провела в лавке?

На мое молчаливое изумление Маук коротко пояснил:

— Наступают.

Опустив взгляд, я увидела два висящих на поясе меча и набедренные и плечные ножны для метательных кинжалов. Грудь закрывала тонкая металлическая пластина без какой-либо символики, на неровных заклепках и с мутноватым отливом. Чуть сбоку на поясе висели обтянутые промасленной тканью глиняные мешочки, которые по моему совету приспособили под нечто, отдаленно напоминающее гранаты.

Я огляделась вокруг. Шума на площади больше не было, мужчины отдельными группами разбежались по узким улочкам. Кто-то заделывал баррикады, сбрасывая к проходам открученные колеса и перерубленную тяжелую мебель. Солнечный свет отражался от разномастных щитов, частично сделанных тайком, частично отобранных у бывшей стражи. Будто никто уже и не помнил о прошедшей казни. Будто и не было никогда человека, который так упорно не смел себя оправдывать.

Маук нервничал, оглядываясь по сторонам, и не снимал правую руку с рукояти меча. Почему именно сейчас? Видимо, и Маук тоже не знал ответа, но был готов к тому, что может случиться, когда идешь на поводу от требующей возмездия толпы. Случайность ли, что он увидел меня здесь, или специально искал? Всего несколько часов назад мы виделись с ним в тюрьме, разговаривали о Виларе, обходя тему надвигающейся угрозы, но Маук нашел в себе силы. Только вот глаза... И такие громкие мысли, которые он упрямо отгонял. Кажется, он уже смирился со скорой смертью. Остался лишь страх за женщин и детей, которых быстро увели в горы, как только часовые заметили движение: вокруг города смыкалось кольцо. Был отдан приказ наступать почти сразу после казни. Но вряд ли кто думал о спасении заключенных или поиске компромисса. Совсем не известное в этих местах слово. Или они только сейчас получили информацию о том, что в городе нет Темного, что Ариэн уже не помеха. Даже если среди людей Маука были предатели, услышавшие наш с ним разговор, слишком поздно их искать.

Я по привычке потянулась поврежденной рукой туда, где раньше всегда висел меч, но Маук крепко схватил мою кисть и, перекрикивая поглощающий все и всех шум, потребовал:

— Уходите. — Я понимала, что не помогу. Что все попытки построить стратегию разрушатся об уходящее время, но после всех принятых решений вновь отступить и в который раз принимать свою беспомощность... Это было слишком ненавистно.

— Разве вы сделали не все, чтобы помочь? — он крепче сжал мою руку, и я коротко кивнула. — Теперь противостояние за нами, иначе какие из нас ополченцы? — в его голосе звучала сила и уверенность, челюсти были крепко сжаты и губы сведены в тонкую линию.

Но, несмотря на все, я была абсолютно уверена, что вижу его в последний раз.

— Не сдавайся, — пожелала я, сама уже схватив его за ослабшую руку. Совсем мальчишка. Но я видела — не отступит.

— И ты... До конца. А теперь уходи.

В памяти всплыла наша первая встреча. Нет, Маук, сомнений больше не будет. Бегства больше не будет, обещаю. Если кто и сможет вернуть людям веру и жизнь, так это Ариэн. И я сделаю все, чтобы ему помочь.

Глава 4. Решать, кем быть

Эвели

Над лесом клубился плотный черный дым. За ним исчезали все звуки и все запахи, хотя

мы были уже далеко — и от города, которого больше нет, и от пещеры горного хребта, послужившего нам защитой. С небольшой возвышенности был виден только он. Три-четыре огромных очага пожара, не затухающих все это время, пока мы шли прочь. Как можно дальше от этих мест и надвигающейся грозы, пока не наступит ночь.

Все казалось, что нас кто-то ищет, идет по пятам и дышит в спину, даже слышится между деревьями вой ручных волков, которых в северной и восточной провинциях развели, как обычную скотину. Конечно, никакого воя не было. Были только две лошади, которых я с большим трудом увела из города, лишь на несколько минут разминувшись с первой волной атаки. На том жеребце, что был верховым, с трудом удерживая поводья, сидел Ариэн. К седлу второго было прикреплено все, что удалось унести из пещеры: котелок, кремь, вываренные бинты и мешки с солью и крупой, лекарский мешочек от Венна, дополненный моими приобретениями, две тушки мелких грызунов, несколько медяков и серебрянников, которых хватит только на еду и самые легкие доспехи, и три скрученных теплых одеяла. Все. Вода будет, когда доберемся до Рейфа, притоки которого разбегались по всей Империи. А пока в крепко сшитых кожаных карманах плескались ее последние нагретые под солнцем крохи. Одежда на нас — потертая, не наша. От моего мундира остались только вымазанные в крови клочья, а времени искать замену в Нордоне не было. На Ариэна не нашлось никакой обуви; из оружия — только мой меч и пара моих же длинных кинжалов, которые я пока отдала Киану. Повязка жутко натирала, и я ощущала, как по коже вокруг раны распространялись зуд и сыпь. Но снимать швы было еще рано, так что приходилось терпеть.

Я даже не знала, как ко всему этому относиться. По сути, на службе я почти всегда перемещалась кочевником. Никакой солнечной символики, если не было необходимости. Да и не обязал бы никто из вышестоящих, если служба не касалась пограничной охраны или светских раутов. Но теперь все изменилось, и без привычного, хоть и ненавистного обмундирования я чувствовала себя голой. Ограниченность касалась всего, что у нас оставалось, все ресурсы в дефиците, силы на исходе, а запасного плана пока нет. Да и столько всего зависит — опять зависит — от обычного везения. И от того, куда мы теперь направимся.

Так не хватало ветра, самую малость, чтобы хотя бы вдохнуть можно было. Но воздух раскалился настолько, что о рукоять меча можно было почти обжечься. Кое-как собранные в хвост грязные волосы неприятно прилипали к шее. Не спасала даже тень от деревьев. Под ногами громко хрустел разноцветный высохший мох, и так же противно першило горло, но я позволила себе сделать только один глоток.

Чтобы перестать думать и набраться сил, я рассматривала все, что попадалось на глаза, но, в конце концов, взгляд все равно упирался в спину Киана. Он все это время молча шел впереди, держа в правой руке поводья и лишь изредка оборачивался, уточняя, туда ли мы идем. Уточняя без слов. После того, как я запыхавшись вскарабкалась в горы и рассказала о наступлении, он не проронил ни звука.

Ариэн так же молча смотрел куда-то вперед, чуть шурясь каждый раз, как приходилось переступать бугры и ямы. Дороги — или ее подобия — поблизости не было. Единственная, она тянулась только вдоль ушедшего вбок к горам Рейфа, соединяя Нордон со стоящими у самой границы провинции городами. Мы же решили пойти в обход. Даже не решили, неправильно было бы так сказать. Мы просто шли вперед, не рискуя уходить вглубь или возвращаться к внешней границе, не решаясь даже поговорить, пока ночь не вернет покой и темнота не скроет наше преступление, которое словно отпечаталось на небе

копотью. Я знала, они ощущают то же самое. А о таком не расскажешь.

С небольшими интервалами я разогревала мышцы правой руки, сжимая и разжимая кисть, сгибая руку и вращая. Медленно и осторожно, с досадой понимая, что удержать ей тяжелый меч дольше пары секунд просто не удастся. Пот заливал глаза, и внутри все опять сводило судорогой: и от голода, и от тревоги. И от ужаса. Но, пока мы не останавливались, мысли о Мауке не успевали меня догнать, так что мы просто продолжали идти.

Обросший мхом торф сменился сухим песком и глиной, те сменились мокрыми прибрежными камнями, утопающими в разрыхленном песке. Когда под ногами опять захрустело, солнце закатилось за затягивающийся тяжелыми грозовыми тучами горизонт.

Лес расступился перед нами — там, где земля уходила под откос и ее верхний слой словно разошелся по швам, обнажив усыпанный гранитными валунами мелкий песок. Мы осторожно опустили вниз, и скатившийся за нами песок поднял пыль. Корни молодых сосен не смогли удержать их на краю небольшого обрыва, так что разломанной маслянистой горючки оказалось в избытке.

— Остановимся здесь, — сказала я, поглядывая на таких же, как я, опустошенных спутников. Оба промолчали, только Ариэн коротко кивнул. Киан помог ему спуститься с лошади.

Когда небо окончательно спеленал мрак, мы расселись у костра. Ночь становилась темной, и можно было не опасаться, что кто-то разглядит дым. Киан вначале спокойно сел напротив, но потом — словно опомнился — отодвинулся подальше. И даже не накинул одеяло на плечи, хотя становилось прохладно и изо рта вырывались клубочки пара. Над огнем на вкрученных в сухую почву деревянных ветках зажаривались скудные запасы безвкусного мяса. Все так же молча открепляя от отрезанных в пути гибких веток полосы зеленой коры, я скручивала их в два жгута и сплетала между собой. Должна была получиться добротная тетива для лука. У ног лежали заостренные обожженные стрелы. Оставалось набрать перья, только поблизости я еще не увидела ни одного пернатого. Но как бы сильно я ни старалась думать о выживании, мысли все равно возвращали меня на несколько часов назад. Маук, Служба, Нордон... Смерть. Мы спасли два десятка жизней, а убили тысячи. «Ты знала, что так и будет», — произнесла темная часть меня ненавистным голосом Роверана. И вот все тот же невысказанный вопрос: стоила ли робкая надежда такой жертвы?

Ариэн как-то слишком сосредоточенно смотрел в мою сторону, но как будто сквозь меня. Свет костра выхватывал из мрака его лицо. Пустота в глазах и ни одной эмоции. Словно не было нашего разговора, словно после полного поражения те слова потеряли какой-либо смысл.

Лица Киана я не видела: он ссутулился и низко-низко опустил голову. И не понять даже, то ли демонстрация покорности, то ли отпечаток отчаяния. Когда я смотрела на них, хотелось волком выть, потому что становилось только тяжелее. И как вообще можно что-то обсуждать, когда последствия наших, как казалось, единственно верных решений, до сих пор догорали где-то за линией горизонта?..

Я стиснула зубы и едва не порвала липкие от сока недокрученные жгуты. Наружу просилась злость, но для нее было совсем не подходящее время.

— Что... — Ариэн прокашлялся, не отрывая взгляда от моих рук, — мы будем делать дальше?

Киан от этих слов чуть поднял голову и почему-то поморщился. Значит, самое время поставить все на свои места. Я больше не отступлюсь, я пообещала, Ариэн это знает. Но

Киан... Он ничем мне не обязан и, будучи свободным, не должен опять подчиняться моей воле, если сам этого не захочет. Конечно, не захочет, но спросить все равно стоило. Пусть знает, что я даю ему выбор. Я пойму его отказ, особенно после того, что случилось по нашей вине.

— Для начала... нужно решить, что значит «мы».

Я придвинулась вперед, через огонь разглядывая Киана. Он с непониманием поймал мой взгляд какими-то пустыми глазами. «О чем же ты думаешь?» — прошелестел невысказанный вопрос. Слишком далеко он сидел, чтобы я могла попытаться это угадать. Или просто побоялась постараться: вдруг увижу там его разочарование. Но он только поджал потрескавшиеся из-за жары губы.

— Киан, ты не обязан оставаться, — правильные слова никак не приходили на ум. Хотелось сказать так, чтобы понял, но и без упоминания о его недавнем статусе. Это должен быть целиком его выбор, раз он решил, что я... — и не должен...

В его взгляде промелькнул какой-то нездоровый блеск, и я остановилась. В любом случае, он абсолютно правильно понял мой вопрос, но отвечать не спешил. Молчал долго, только теперь не опускал голову. На его лице сменилось много эмоций, и природу их происхождения я не понимала. Ведь совершенно точно дал понять, кто я для него, так что ни на верность, ни на простое человеческое доверие я уже не рассчитывала. Хотелось, чтобы добровольно, по своему желанию, а не потому, что напоминают о себе насильно вбитые много лет назад инстинкты.

И даже так дело было не только во мне: я только посредник, хотя здесь вряд ли знают такое слово. Но по сути важна была только одна жизнь — Ариэна. Он словно последний уголек в пепле. Может быть, если Киан тоже в него верит так сильно, как верю я, то будет терпеть и меня. Нужно было реально смотреть на ситуацию, пусть даже ее видение приносило только боль. И я смотрела. Возможно, если он решит уйти своей дорогой, мне станет легче сосредоточиться на цели. Чтобы перед глазами не маячило напоминание о моих грехах.

Киан последний раз смерил меня и Ариэна очень странным взглядом, но совсем не отсутствующим. Он точно знал, чего хотел.

— Я остаюсь.

Кажется, несмотря на голос разума, я ощутила разочарование. Все-таки дело во мне. Но хорошо. Если ради общего будущего Киан готов терпеть мое присутствие, и я смогу молчать в ответ. Надеюсь.

Киан

Мы.

Мы-мы-мы...

Она так непринужденно произнесла это словно, словно и я что-то для Нее значу. И почему-то посмотрела на меня. Я для тебя лишний меч, который совсем не время терять? Запасной план, если понадобится отвлечь внимание преследователей? От злости захотелось треснуть обо что-нибудь так крепко, как только позволят кости.

Я ведь тоже человек, помнишь?

Глупо. И совершенно неоправданно себя жалеть. Им нужна будет любая помощь, совсем скоро я верну руке прежнюю гибкость и снова стану полезным. По-другому на себя смотреть не получалось. Может, стоит отказаться? Я ведь буду мешать, а снова стать безликой тенью без эмоций уже не получится. Почему Она требует от меня невозможного? Зачем дает

выбор? Лучше бы просто... Но от полезных вещей не избавляются.

«Хватит!» — прикрикнул я мысленно в сердцах. Неправильно думать о себе, когда Ариэн может изменить все. Отомстить и вернуть то, что потеряли многие после смерти его отца — свободу. Даже те, на ком ни разу не было рабских кандалов. Это и есть та цель, которой я должен себя посвятить. Если, конечно, они не решат бежать к границе и забыть все, что произошло. Потому что исчезнет все, ради чего я еще цеплялся за жизнь. Этого даже не объяснить, не показать. Что-то со мной происходило с тех пор, как я очнулся в той пещере. Никогда раньше не было столько черных и безысходных мыслей. И уж точно я никогда не думал о будущем и о том, какое могу занять в нем место. Отчасти так было намного легче и проще, но последние недели изменили меня. Возможно, стоило прислушаться к внутреннему голосу и, если не ей, так хоть себе доказать, что я способен на нечто большее, чем покорность.

— Я остаюсь, — сказал и застыл, с опаской обведя взглядом Госпожу и Ариэна. И неожиданно для себя заметил, как они понимающе обменялись взглядами. Как будто уже договорились и все решили. Значит, не такое уж большое значение имело мое решение. Опять.

— Мы движемся к столице, — начала Госпожа, переводя взгляд на Ариэна, в ответ он коротко кивнул. Наверняка, решение они приняли еще сегодня утром — без меня. Но все-таки от сердца отлегло. Так будет лучше: если по пути доведется умереть, хоть это будет не зря. — Будем продвигаться до Сенты. Если здесь не удастся тихо перебраться через границу, проберемся в центр с Азумы.

— Почему не с запада? — удивился Ариэн. Я предпочел пока не вмешиваться: у Госпожи есть ответы на все вопросы.

— Восток более отсталый и малочисленный. И там такой тяжелый климат, что военные гарнизоны есть только у внешних границ Империи. Оттуда добираться до столицы будет проще.

— Это долго, — рискнул перебить я, хотя вначале хотел просто промолчать. С такой кочевой жизнью — еще до рабства — я хорошо помнил все пять провинций. И в особенности восток, где воздух с каждым вдохом мерзко оседал в легких, принося жуткую боль. — Если придется карабкаться по влажным лесам Азумы, к Ледяной декаде мы не успеем выбраться даже к торговым путям. А без крыши над головой просто замерзнем.

— Да, но здесь на границе с Сентой всего два города. Большой риск, что там уже будут нас ждать.

Об этом я не подумал, опять убедившись, что мне никогда не стать для нее равным. Но не стоит сейчас об этом. За своими мыслями я чуть не потерял нить разговора.

— ...и раз нет статуса стражей Службы, придется раздобыть доспехи. К тому же нам нужно оружие.

— Мы так или иначе привлечем к себе внимание, — вмешался Ариэн, осознанно или нет коснувшись пальцами свежего шрама на загорелом лице. Как это, должно быть, больно: следы, которые никогда не исчезнут, останутся напоминанием. Но злости в его взгляде я не видел. — Если не стражей, то горожан.

— И что тогда будет? С нами... — не знаю, зачем я спросил. Наверное, хотел убедиться, что даже в таком случае Госпожа найдет выход. Она задумалась, покачала головой, в появившихся на лбу морщинках залегли тени, а глаза вдруг загорелись.

— Если раздобыть третью лошадь... Ближе к богатым городам я знаю несколько семей,

к которым часто присматривалась Служба. Можно попытаться успеть добраться до них, если вдруг начнется погоня. А там... Возможно, у тех есть связи с ополчением.

— Будем рассчитывать только на их помощь? — подал голос Ариэн, покрепче запахнув одеяло. Кажется, его начало знобить.

— Да, пока твоя сила не восстановится, опрометчиво являться к Императору. Потом... он может почувствовать, что ты жив и находишься близко. Ополчение — пока наш единственный вариант удержаться. Все-таки это будет уже не юг: такая глубинка, что никто не торопится покинуть столицу и проверять, как здесь устроился прокуратор. А устроился он хорошо. Зрелища, развлечения, наложницы. Только Тайную Службу он всегда считал бесполезной тратой денег, — я вспомнил их первую встречу на тех самых гладиаторских боях. словно это случилось в прошлой жизни. — Да и нечего тут особо защищать: хватает и природного барьера. А там сердце Империи. Военные лагеря и полигоны. Чуть что, нас поймают в тиски, и исчезнуть уже не получится.

Я невесело хмыкнул. В Сенте появилось так много городов, разрослись территории прежних за счет переселенцев с севера. И почти не осталось лесов. Оказаться там без легенды и опоры значило умереть.

— Хантан успел отправить гонца, так что Служба о нас знает. Но, думаю, и ополченцам что-то уже известно. Маук тоже позаботился разослать новости, пока не... — при упоминании о нем как-то замутило, и я с сомнением посмотрел на почти готовое мясо, с которого медленно капал жир. Есть больше не хотелось, вместо поджаренных костей животных я увидел обугленные человеческие и с трудом удержал в себе переваренный завтрак.

Госпожа тоже запнулась, растерянно помяла в руках почти сплетенную из липкой молодой коры веревку, но продолжила уже ровно:

— Ливень мы переждем, надо только раздобыть все необходимое. Обувь, оружие, еда. В конце концов, вода быстро уйдет, и если что-то пойдет не так, можно будет остаться здесь. А вот к началу Ледяных декад стоит подобраться как можно ближе к столице, иначе придется ждать, когда вернется солнце и растопит все завалы. Потом... нужны деньги. Все, что есть, уйдут хозяевам трактиров на молчание. Если все пройдет удачно, попытаемся связаться с теми, кто...

— А если их нет? — неожиданно даже для себя перебил я, хотя был уверен, что уже почти успокоился.

— Кого? — сбившись и немного растерявшись, Госпожа вытянула шею. Я избегал смотреть ей в глаза, но сейчас не мог отвести взгляд: слишком громко внутри была тревога.

— Ополченцев.

— Есть, — четко и уверенно опровергла Она, так посмотрев, что и я поверил. — Да, из пяти провинций Сента самая богатая. Да, именно она больше остальных зависима от столицы и воли возглавляющего Тайную Службу. Но там постоянно ловят и отпускают беглых рабов. И я точно знаю, что сбегают они не благодаря своей смекалке и удаче, — я перевел взгляд на Ариэна, заметив краем глаза движение. Он начал медленно раскачиваться из стороны в сторону, прикрыв уцелевший глаз: неприятные воспоминания. — Ты наверняка помнишь ту усадьбу близ устья Рейфа. У Службы были подозрения, что ее хозяева помогают беглецам по воде перебраться к востоку и дальше — в вольные земли.

Я вспомнил, как мы наскоро объезжали эти владения вокруг закрытого города. Вереница построенных вдоль берега богатых усадеб, так отличающихся от тех, что

возводили на юге. Тогда по городку — его название не сохранилось в памяти — пробежал слух, будто кто-то видел Темных, и сразу же начались поиски. Я хорошо помнил перепуганные лица домашних слуг и их хозяев, многие из которых наверняка понимали настоящую причину вторжения, но, к счастью, ничем себя не выдали.

— Думаю, нам нужно добраться именно до них. Если еще живы...

— Но что потом? Даже если мы найдем поддержку... — Что-то внутри скреблось, мешая просто поверить. Реальность не чувствовала своих героев, предпочитая скорбеть над их уже остывшими телами. Это я хорошо понял. Но Госпожа не ответила, только как-то сникла и обернулась к Ариэну, словно прося поддержки.

— Дальше я доберусь до брата, — чуть хриплым голосом ответил он мне, и от насквозь пронизывающего взгляда стало не по себе. Его глаз горел. Даже тогда, когда мы говорили о возможности предотвратить казнь, в его взгляде не было столько желания и воли. Он расправил плечи и, оскалившись, гордо вскинул голову. — И уничтожу.

Я только кивнул в ответ. Больше, кажется, никому из нас нечего было сказать. Оно и к лучшему: слишком сложный день, чтобы вместо будущего думать и о прошлом.

Поворошив угли, я острием кинжала поддел мягкое мясо. Снял одну тушку с огня и протянул Госпоже. К моему удивлению, Она так искренне улыбнулась, истощенная, но собранная. Недостижимая. Уже почти отступившая тревога вновь зажала меня в тиски. Одни и те же глупые мысли опять лезли в голову, как и раньше, не давая ни на чем сосредоточиться. Я только надеюсь, Ариэн сделает все, что должен, и — я украдкой поднял глаза на Госпожу — когда-нибудь Ты по-настоящему меня отпустишь.

И тогда поймешь, что больше всего в этой жизни я хотел бы остаться.

Ариэн

Эвели посмотрела на меня, и именно сейчас я ощутил уверенность. Исчезла апатия, которая душила весь день так, что я даже перестал чувствовать жажду. Выбор оказался прост, и в голове даже не возник вопрос: «под силу ли?». Не знаю, что именно я увидел в ее глазах, их полностью скрыла тень. Но ответ слетел с губ сам по себе, я даже не успел его осознать.

Я уничтожу его.

Неважно, что тело болело от каждого движения, а езда верхом показалась не лучше изодранной и медленной пытки. Неважно, что исчезла сила и мерзли босые ноги, касаясь остывшей земли. Я был рожден для чего-то большего, чем бегство и страх перед тем, кто сломал мою жизнь. Теперь в ней появилось место для настоящей ненависти. Той самой, что, вопреки мнению многих, дает второе дыхание и закаляет волю. Не будет Ясона, и появится шанс что-то изменить. Остановить гонения и травлю, разрешить обычным подданным торговать с вольными землями, отменить гладиаторские бои на юге и изменить само рабство. Наладить торговые отношения с заморскими странами, которые так долго создавал мой отец. Понадобится время, чтобы вернуть истощенной Империи былую силу, равновесие, которое предотвращало голод и болезни. Когда каждый знал свое место и свою цель. Понадобится много времени, чтобы императорское богатство досталось и народу.

Подумать только, сколько времени я считал это недостижимым и потому неважным. Сломался. Склонил голову и смирился с тем, что до конца жизни буду Рэрном. Помню, как разочаровал Киана, но разве в той повозке — со следами бича на спине и кандалами на руках — я был сыном своего отца? Но после того как я вновь спустя целых десять лет вспомнил, каково спасать жизни... Я просто обязан выполнить свой долг. Сделать все,

чтобы уничтожение целого города было отомщено, и предотвратить все будущие смерти. Ни шагу назад, никаких сомнений, нужно продолжать бороться, но понять, что даже теперь не всех возможно спасти.

Сразу как вернулась обратно, Эвели — разбитая и подавленная — показала мне Маука. Схватила меня за предплечья и с ужасом в глазах повторяла, что нам нужно как можно скорее уходить. Следом за ней, я услышал его слова и ощутил ту решимость, с которой они были произнесены. Ее воспоминаний хватило, чтобы увериться: он сам выбрал такой путь, позволив нам уйти. Это шанс, и я был обязан им воспользоваться. Все это было не бессмысленно. Первые зачатки неповиновения, которые не удалось заглушить без применения силы. Люди узнают, что сделали стражи, услышат историю о чуде, которое даровала Природа и, возможно, тогда гнев на Императора станет сильнее страха перед ним.

Все эти мысли сплелись воедино в считанные секунды, не оставив никаких сомнений. Единственно правильное решение уже принято. Решение, которое — без сомнений — нам троим будет стоить жизни.

Глава 5. Быть или казаться

Ариэн

Лес был бесконечен. Чем дальше мы отдалялись от горных хребтов, тем более пологой становилась земля. Пейзаж не менялся: тонкие стволы сосен, поросшие подсохшим мхом гранитные камни, выглядывающие из такой же сухой земли. Солнце стояло в зените — хотя день только-только начался, — и одежда опять пропиталась потом и затвердела. Эвели то и дело тихо скрипела зубами от боли, пытаясь натянуть тетиву лука, но, как и в случае с Кианом, рука не слушалась. Я не особо обращал на них внимание: из-за ранения, чтобы их увидеть, приходилось поворачивать голову. Расслышал только начало.

— Я попытаюсь еще раз, Госпожа? — холодно предложил Киан.

— Тебе не нужно называть меня так...

Кажется, Киан просто промолчал. Сразу после он вновь догнал меня, но не остановился, а, ведя за собой лошадь, пошел дальше. Что-то с ним было не так, но я бы никогда больше не позволил себе залезть в чью-то голову, как случайно вышло с Эвели. Каждый должен иметь право на свои секреты — хотя один раз это решение и стоило мне свободы. Но сейчас это точно не мое дело: требовать объяснений.

Крепче сжимая ногами бока лошади, я потянулся за почти опустевшим бурдюком с водой. Кажется, я уже был готов оказаться под освежающим ливнем. Прямо в эту секунду. И стоять под ним целые сутки, пока его крупные холодные капли будут стекать по одежде и волосам. Скорее бы добраться до реки, передохнуть, поесть, смыть с себя вьевшуюся грязь и пот, щиплющий не затянувшиеся до конца шрамы.

От тревоги, предвкушения, сомнений иногда подрагивали руки — каждый раз, когда я, думая о будущем, вспоминал прошлое. Как-то само собой я оглянулся на Эвели — она все так же предпочитала идти пешком, — и в ее взгляде не было таких эмоций. Медленно натягивая тетиву, она не теряла сосредоточенность и не отвлекалась. От нее веяло уверенностью, и я немного успокоился. Ни к чему это сейчас.

Вдруг так сильно захотелось помочь поохотиться. Крупы хватило только на один завтрак, а мясо мы съели еще вчера. Забрать из ее рук лук — словно между делом, незаметно, предложив помощь так, как будто это что-то совсем не важное. Не хотелось лишней раз обнажать ее слабость: я прекрасно помнил, насколько это мерзкое ощущение. Но на то, чтобы вспомнить забытые навыки, ушло бы намного больше времени, чем у нас

есть. Даже не вспомнить, когда я последний раз держал в руках лук. Наверно, в то время, когда отец еще был жив, а Ясон казался любящим братом.

Вслед за переливающимся звуком между деревьев заблестела вода. Совсем близко к ней выходила дорога, ведущая к границе между Минами и Сентой. Всего полдня пути, и мы уже к вечеру могли бы к ней подобраться. Всего полдня или почти целая неделя, чтобы пройти в обход через Азуму. Глянув на мелькающий чуть сбоку маленький водопад, я почувствовал тревогу — какое-то нехорошее предчувствие, — но лишь сильнее тряхнул плечами, чтобы согнать морок.

Я постарался слезть с лошади сам и, к удивлению, смог. Эвели настороженно поглядывала по сторонам, по ее лицу, как и по моему, текли капли пота. Я поскорее скинул пропитавшуюся потом рубашку и повесил на ближайший куст. Вода притягивала, и я не стал медлить. Выгнув занывшую спину, шагнул вперед и опустил одну ногу в воду. Течение было быстрым, и та оказалась почти ледяной. Настолько, что сводило челюсти. Я оглянулся назад, Киан и Эвели о чем-то переговаривались, не торопясь идти за мной. Правильно: в случае опасности кто-то всегда должен быть готов к отпору.

Я нырнул быстро, чтобы не успеть передумать, и вода сразу обожгла раны на спине. И все равно ощущение было приятным: будто заново родился. Чистая кожа заблестела на солнце, и мокрые волосы упали на вымытый лоб. Я улыбнулся, с удовольствием подставив лицо солнечным лучам, и быстро выпрыгнул из воды. Когда я вытер ресницы и открыл глаз, Киан с Эвели скрестили два удлиненных кинжала и, постепенно набирая скорость, пытались друг друга атаковать. Они оба были слишком напряжены и наносили удары размыто, это было особенно заметно со стороны. Эвели каждый раз морщилась, делая замах, а Киан придерживал рукоять второй рукой, сдавая в маневренности. И поддавался, не решаясь бить в полную силу. Мне тоже стоило постараться вернуть себе форму, и на глаза как раз попался ровно выстроганный лук. Я осторожно подобрал оружие с земли, оценил его тяжесть, силу натяжения и закрепил на спине сделанный из той же коры, что и тетива, колчан. Вдруг удастся что-то вспомнить.

С меня все еще стекала вода, но я не стал ждать, пока штаны полностью высохнут на солнце. Вдоль берега, по самой кромке росла сочная мягкая трава, так что я направился вверх по течению.

Изредка поглядывая на заглушающий все прочие звуки водопад — кажется, высотой метра в три или четыре, — я оттягивал и отпускал тетиву, прицеливался и стрелял по заросшим пням, стараясь не затупить раньше времени стрелы. Те едва попадали в цель, но врезались в стволы крепко. Зачем-то я представил, как эта стрела на большую глубину вонзается в человеческую плоть.

С непривычки разболелось плечо, но я заставил себя не реагировать. Приметив на дереве поющего глухаря, сосредоточился и уже почти выпустил в него стрелу, когда тот, сначала даже не заметив меня, неожиданно развернулся и распушил хвост. За шумом воды я ничего не расслышал, но птица не могла ошибиться.

Мгновением позже я сам услышал стук копыт. Уже совсем близко воздух рассек свист кнута. Наспех оглядев тонкие сосны и бугристую почву, я остановил взгляд на водопаде. Между бурлящими струями воды виднелась маленькая ниша, и я метнулся туда так быстро, как только мог. Как только позволяли раны и босые ноги, в которые вонзались мелкие прибрежные камни. Успел в последний момент.

Перед мчащимися всадниками выбежал человек. Худой, но высокий. Не переходя на

шаг, он прыгнул с берега в воду, пытаясь противостоять течению. Сцепив зубы от холода, я наблюдал за ним. Юноша захлебывался и то и дело уходил под воду, пытаясь, наверно, нащупать дно. Я не мог услышать, но отчетливо представлял его надрывное дыхание и леденящий ужас.

Когда незнакомец только-только вцепился в растущий у откоса кустарник, на противоположном берегу показались вставшие на дыбы боевые кони.

— А ну, стой, падаль! — приструнив животное, закричал всадник. Я чуть отклонился, стараясь выхватить промежуток между потоками, чтобы разглядеть гнавшихся. Вначале не увидел, а потом содрогнулся: черные мундиры без сомнений выдавали в них слуг Тайной службы. Мужчины зарычали почти одновременно, но останавливаться не собирались. Пока беглец кое-как поднимался на ноги, всадники отступили назад в лес и, разогнавшись, направили коней на недалекий берег.

Мне не нужно было время на раздумья. Выступив из-под водопада, я прицелился и пустил первую стрелу. Пораженный в плечо всадник не удержал поводья и повис на стремени как раз в тот момент, когда до берега оставалось не больше полуметра. Конь сбил копытами верхний слой земли и сбросил с себя криво повисшую ношу.

Второй всадник, успевший притормозить своего коня, потянулся за кинжалом. Его секундная растерянность спасла мне жизнь, и стрела успела пронзить цель где-то совсем недалеко от сердца. Радости или облегчения не было: поблизости мог быть целый отряд, а для полноценного сражения уравнивать силы не получилось бы. Поэтому, даже не переведя дыхание, я рывком бросился к тому берегу, где, так и не поднявшись с земли, застыл ошалелый парень. Увидев меня, он приподнялся и на ослабших руках попятился к ближайшему дереву.

— Н-не надо, н-нет! — прохрипел он, все пытаясь отдышаться. Но даже сфокусировать на мне взгляд сразу не смог. Видимо, отдал все силы на то, чтобы бежать не останавливаясь.

Я не стал пока подходить. Оставшись у замершей с опущенной головой лошади, которая обнюхивала своего хозяина, я опустился на корточки. По виску всадника быстро текла кровь, впившаяся в плечо стрела после падения вошла еще глубже, так что теперь под углом вбивалась в правую грудь. Но, к счастью, мужчина оказался жив. Он медленно разлепил глаза и попытался дотянуться до меча. Я без труда перехватил его руку и до хруста заломил запястье. Нельзя его убивать. Не сейчас.

— Ты, — четко я обратился к юноше, стараясь не замечать его испуг. Если попытаться успокоить, он наверняка бросится бежать, как только я повернусь к нему спиной. И без кандалов или клейма сразу было видно, что передо мной раб. Мне очень не хотелось, но приходилось давить на вколоченное повиновение приказам. — Возьми лошадь за поводья и жди меня.

В пару рывков я быстро перебрался на тот берег и, убедившись, что второй всадник мертв, привязал было попятившуюся от меня лошадь к дереву. Потом оглянулся назад: парень так и стоял с поводьями в обеих руках, не решаясь ничего делать. Словно вся смелость ушла на побег. Ничего постыдного: у всех есть предел.

Вернувшись обратно, я быстро растер покрасневшую кожу и энергично покрутил стопами, которые все еще сводило судорогой. Парень не отрывал от меня взгляда и сжался, как только я закрепил на поясе ножны и вставил в них меч. переведя дух и убрав волосы за уши, я осмотрел беглеца. Из-под намокшей расплзающейся ткани виднелись шрамы и свежие ссадины, на тонких жилистых руках и покрасневшем лице тонкими

многочисленными линиями выступали мелкие капли крови. Надо было решать, что делать с незнакомцем и всадниками, изменяет ли эта встреча наши планы относительно границы. Но в одиночку принять такое решение я не решился.

Мужчина возле моих ног тихо простонал и, словно только сейчас придя в себя, попытался выдернуть из руки стрелу.

— Пойдешь впереди, — обратился я к парню. Уже не жестко и повелительно, но и не давая надежды на выбор. — И ты... — я легонько стегнул распластанного на траве мужчину упавшим рядом с ним кнутом. И тут же бросил его обратно. Мужчина поморщился и затравленно посмотрел на удерживаемый в моей руке его меч. — Поднимайся, пока я не передумал.

Цепляясь за стволы деревьев, мужчина кое-как поднялся и прижал руку к груди. По ней тут же тоненькой струйкой стекла кровь.

— Иди, — приказал я и осторожно направил в его сторону меч.

Оставалось надеяться, что я все сделал правильно. Нам ведь нужна любая информация.

Парень шел нетвердой походкой, а конь, чувствуя его неуверенность, то и дело кривился вбок, пытаясь вырвать из его рук поводья. Вдобавок, нервно дергаясь с каждым недовольным движением зверя, он постоянно озирался, поглядывая на обнаженный меч. Словно острие вот-вот упрется ему в спину. И как у него вообще хватило храбрости сбежать? Вопросов накопилось много, и все требовали незамедлительных ответов, но все же я поостерегся задавать их при живом еще пленнике. Кстати, тот шел прямо, даже не думая опускать голову и признаваться в том, что чувствует боль. Только походка уже не была такой твердой и невозмутимой.

Услышав ржание двух лошадей, я прибавил шаг и тихо позвал:

— Эв...

Не стоило этого делать, но я понял ошибку слишком поздно. Пленник почти не отреагировал, а вот парень напугано обернулся ко мне и, выпустив из рук поводья, сделал два шага в бок. Его реакцию я не понял, но ничего не успел сделать: едва услышав свое имя, ко мне подбежала Эвели.

— Кто? — только и смогла выговорить она, с неожиданным сожалением рассматривая парня, в глазах которого вдруг появилось столько отчаяния. Значит, узнал ее имя и понял, кто мы такие? — Что произошло? — уже обращаясь ко мне, проговорила она и тут же полным ненависти взглядом пронзила раненного пленника.

— Погоня. Вверх по течению еще один всадник, — лаконично ответил я. Она покачала головой, так и не убрав из рук кинжал. — Других вроде бы нет.

— Киан, Ариэн, помогите парню. А вот ты... — прошептала она сквозь зубы. Придирчиво осмотрела рассеченную кожу на виске и затылке и, опустив взгляд ниже, бросила: — раздевайся. Быстро.

И только сейчас я случайно заметил в его взгляде что-то новое. Зародившийся страх. Это я не заметил, а они... Они, кажется, сразу друг друга узнали.

Эвели

Кого я точно не ожидала увидеть в этой жизни. Без сомнений, теперь он тоже меня узнал. Один из первых мундиров, которых я встретила. Тот, что вломился в дом приютившей меня семьи. Холодные серые глаза, в которых не мелькнуло и тени жалости, когда он перерезал им горло.

Ариэн не стал мешать и тактично отошел, предоставив пленника мне. Тот держался как

подобаает слуге Службы, но уже не мог спрятать от меня страх. Видимо, о нас троих им уже многое известно. Смотрел и никак не мог сопоставить воспоминания с изменчивой реальностью. Я оценила иронию случая.

Пауза затягивалась, и я, из последних сил сдерживая себя, поднесла кончик кинжала к его подбородку. Чуть надавила, оставляя неглубокий порез.

— Мне повторить?

К моему удивлению, он подчинился. Осторожно дернул окровавленным плечом, чтобы снять мундир. Щеки чуть горели румянцем, но в глазах блестела сталь. Сгибаться и умолять не станет. Нас всегда учили держать голову прямо, несмотря ни на что. Но как хотелось сломать его прямо сейчас. За все, что произошло. Только это было бы неправильно: я тоже заслужила чей-то мести. Так что больше, чем нужно для нашего дела, я не посмею требовать. К тому же — я огляделась, пытаюсь отвлечься от его лица — он в любом случае не жилец.

Под моим цепким взглядом мужчина медленно снял штаны, оставшись в одном исподнем. И уже немного начал нервничать, заметив, что я так и стою без движения. Я и вправду на миг застыла, разглядывая крепкое мужское тело. На нем осталось множество старых отметин. Не меньше, чем у меня самой. Но жалости, какую я чувствовала к Вилару, не было.

— Подбери одежду, — приказала я. Он поднял и с презрением протянул мне, как будто сделал одолжение. Я с силой выдернула ее из его рук. Маленькую дырку можно было зашить почти не заметно, а после воды одежда немного сядет. Возможно, как раз придется мне по размеру.

— Что дальше? — испытующе спросил он, сжав кулаки, отчего кровь еще сильнее потекла из раны, окрашивая бок и руку.

— Дальше я хочу знать все, что известно Службе о нас. Что именно успел передать куратор и чего вы ждете.

В ответ мужчина, кажется, даже усмехнулся, но быстро взял себя в руки, возвращая лицу непроницаемость.

— Нет.

— Да, — мрачно опровергла я, резко ударив его рукоятью кинжала по челюсти. И уже не останавливалась, пока он не потерял равновесие и не упал на спину. Быстро оседлала его и, отбросив оружие, оглушила несколькими ударами по лицу. Надавила на рану, добившись тихого скулежа, и крепче схватилась за его виски, в ту же секунду заглядывая в душу.

Мне не хватило времени, чтобы отдернуть руки. Всего за один миг воспоминания его глазами всколыхнули во мне самые мерзкие чувства: страх, стыд, презрение. А он вдруг рассмеялся, обнажая затянутые кровяной слюной зубы.

— Ты тоже это помнишь, да? — прорычал пленник, перехватывая занесенную над ним руку. — Как ты кричала и умоляла тебя не трогать. Музыка, — теперь от бессилия зарычала уже я. — Как и твое имя. Настоящее нравилось мне больше. Рэйчел. Сладкая и трусливая Рэйчел. — Я наотмашь ударила его по лицу свободной правой рукой. Но удар получился совсем слабым. Тело против моей воли дрожало, а сердце выстукивало рваный ритм. — И вдруг Эвели. Ищейка. Это точно ты? — с издевкой бросил он, с усилием отводя мою руку от его лица.

Его прикосновения стали невыносимы, будто он пытался не отвести удар, а завладеть моим телом. Я отшатнулась, выдернув руку и, быстро подхватив с земли кинжал, коротким взмахом вонзила лезвие в пах.

Ублюдок закричал так громко, что у меня заложило уши, и в этот момент внутренний барьер разрушился. Несколько секунд агонии перед смертью, за которые я успела узнать почти все, что меня волновало.

Дымка рассеялась, но я не сразу смогла вспомнить, почему на моей руке было так много крови. Методично стряхнув горячие почти черные капли на траву, я медленно поднялась и посмотрела по сторонам. В нескольких метрах на земле сидел Киан с парнем. Сейчас они, как тряпичные куклы, не шевелясь и опустив руки, ошарашенно смотрели на меня. А всего в двух шагах с горящими глазами и обнаженным мечом стоял Ариэн. Я кивнула ему молча, надеясь, что он ничего не слышал. А если и не так, то не станет спрашивать. Пора взять себя в руки — пусть прошлое навсегда останется в прошлом.

— Нам нужно торопиться. Приведи вторую лошадь, заberi одежду, — уточнила я. Глядя на расползающееся по тунике пятно я отстранено добавила: — Нам она пригодится. Тело сбрось в реку.

Ариэн повиновался без слов, совершенно спокойно реагируя на приказ. Все бы ничего, если бы не мелькнувшее в его глазах сожаление. Ощущение, как будто он тоже там был и все видел.

— Надо разобраться с еще одной проблемой.

Киан поднялся заторможено, почему-то смотря на меня так, словно я и его готова убить. Это неожиданно резануло по живому. Но то, что он сделал в следующий момент, довело меня почти до бешенства.

— Пстой! — он шагнул вперед и, подняв руку, перегородил дорогу. И взгляд такой же настороженный, нерешительный. Смотрел и думал, что я сейчас и парня так же убью. Эту мысль я быстро уловила в его сознании, но сдержалась. — Выслушай его.

— Я и собираюсь. А ты о чем подумал?

— Я не...

— Тогда отойди! — рявкнула я и прошла мимо, нарочно задев плечом.

Парень поежился и покорно опустил голову. Злость еще клокотала внутри, но я заставила себя ее задушить.

— Кто ты?

— Раб, госпожа, — сразу же ответил парень и еще ниже склонил голову. Не из благодарности за спасение, а только из страха и желания жить. Он и до этого испугался, как только услышал мое имя, но теперь не рискнул даже просто на меня посмотреть.

— Беглый, — добавила я, а он лишь вжал голову в плечи. — Почему за тобой гнались пограничники?

— Я... я разбудил одного, когда перебирался через забор.

— Значит, это была случайность? — Парень нерешительно кивнул, впервые подняв на меня взгляд. И даже не понимал, к чему я задаю эти вопросы. — Ты знаешь, как можно незаметно перейти границу?

— З-знаю, — заикнулся он, а зрачки опять расширились. По своему желанию точно никогда бы не вернулся обратно. Очевидно. Но сейчас его мнение не имело значения. Киан с сомнением посмотрел на меня и отвернулся. Конечно, ему было неприятно. Опять вспоминал себя на его месте и меня в той роли, от которой не получается отказаться. А что еще делать? Было еще несколько вопросов, и ценность ответов на них нельзя недооценивать.

— Ты нас знаешь? Почему испугался?

— Вы... — парень замаялся, опять опуская голову и теребя одной рукой рваный рукав

мокрой рубахи.

— Что ты о нас слышал?

— Что Служба убьет всех, кто вам поможет. Кто увидит, но не скажет, кто... — его голос задрожал, и теперь я в полной мере поняла, почему он так сильно нас боится. Потому что способен думать лишь о собственной шкуре. Не так давно я сама была ничем не лучше, но от этой мысли не стало легче. Совсем наоборот. Чужие друг другу люди не готовы довериться и объединиться, уповая на сносное существование, которое в любую секунду может прервать Империя. Отступник, беглый раб, обвиненный в укрывательстве член семьи... *Никто* без рода и имени, как только на него покажут пальцем.

Передо мной опять встал вопрос: стоит ли идти на такой риск, когда дорогу я могу узнать и без согласия мальчишки? Опять принимать на себя вину, которая будет скрестись и напоминать о себе каждую секунду. Впрочем, и здесь у меня уже отняли выбор: я не могу доверить такому человеку наши жизни.

Прищурившись и сведя брови, я медленно вытащила кинжал. На скрежетание пареня поднял глаза и, как от удара кнута, дернулся в сторону. Попытался подняться, но поскользнулся и опять упал на землю.

— Что ты делаешь? — испугался Киан, находя в себе смелость мне перечить. Помню, я когда-то ему говорила, что жалости не хватит на всех. И сейчас сочувствие становилось слабостью. Такое решение необходимо, но Киан уперся и, чуть ли не рыча, потянулся за кинжалом.

— Мы не можем так просто его отпустить. — Если не жизнь, то мне придется забрать хотя бы его голос.

— Ты и его убьешь? За что? Раз нет пользы, то и беречь не стоит? — зло рыкнул он, становясь напротив на расстоянии вытянутой руки. Я даже не нашлась с ответом. И не стоило ждать, что он поймет. Но почему из всех возможных вариантов, он так уверен, что я выбрала худший?! — Ты настолько циник?!

В другой день я бы, скорее всего, сдержалась. Но не сегодня. Под напором воспоминаний и его обвинений я выпустила на волю всю скопившуюся обиду и ярость.

«Не смей! Не смей обвинять меня!» — кричало что-то внутри и так сильно просилось наружу. Может, я и прокричала бы это вслух, но звук скрецающейся стали заглушил все остальные. Я сдавала позиции, но не могла остановиться. Не могла признать, что он прав, и история опять начинает повторяться. Только не сейчас.

Руки дрожали от напряжения, из распоротой метким ударом Киана рубашки текла кровь. Я уже не чувствовала, как кто-то оттаскивал меня, пытаюсь перехватить оружие. Что-то шептал и пытался успокоить. Мне так сильно хотелось выть в голос. До потери голоса. До потери пульса. Я так устала быть сильной, уверенной, беспощадной. Глаза щипало от сдерживаемых слез, и я смаргивала их, повторяя короткое «отпусти», пока Ариэн не сдвинул мне плечо. Одно нажатие, и реальность стремительно покрылась мраком.

Глава 6. Предел

***

Дыхания нет. Есть только страх — жертвы, намертво зажатой в тиски. Собственный громкий и отчаянный крик. Мольбы и его грубые прикосновения, приносящие только боль. Мозолистые, огрубевшие от меча и тетивы руки с жирными липкими пальцами, сжимающие до ослепляющей боли. Перед глазами — чернота, обтянутая кровавой коркой.

Бежать, вырваться и биться птицей в клетке — без единого шанса на победу. Царапать

его лицо и плечи. Пытаться удержаться за ножку стола. Плакать. Растворяться в боли, которую невозможно вытерпеть. Снова и снова слышать свое имя, ненавистное и отвратительное. Совсем чужое. Мечтать больше никогда его не услышать.

— Рэйчел-Рэйчел-Рэйчел...

И так до бесконечности. Шепотом, с придыханием и похотливой издевкой.

— Сделай мне приятно, Рэйчел, и они будут жить.

С глумливой усмешкой, обжигающей кожу.

— Давай же, сука, не ломайся!

С возбуждением и брезгливостью.

Есть только ненависть, стыд и толчки. Настоящее, которое никогда не останется в прошлом. Остается прижаться к шершавой поверхности стола, покрытой чужой и собственной кровью, и чувствовать.

Все.

Кажется, собственную смерть.

Впивающиеся в щеку и оголенную грудь занозы, резь ниже живота и страх. Ужас, панику и апатию, когда что-то вязкое и теплое касается покрасневшей от крови кожи на бедрах и пояснице.

Плавать в этих ощущениях, кусая потрескавшиеся зубы и слышать похотливый мужской смех. Ощущать бессильную, уже слепую ненависть и в ужасе умолять остановиться. Даже когда надломится голос, когда разорвутся от натуги разбитые губы.

Всегда.

Киан

Мне не было так больно даже тогда, когда спину полосовал кнут. Эта боль стала совсем другой. Я смотрел на Нее — на нее — сквозь пелену ярости и обиды, все еще сжимая двумя руками рукоять кинжала. И не мог расцепить зубы, когда Ариэн примирительно положил на мои кисти свою руку. Что-то внутри треснуло, расколось пополам, обнажив эмоции, которых я не испытывал, кажется, всю свою жизнь. Их невозможно было уместить в собственном понимании, когда меня прожигали ненавистью ее темные глаза. Уже не теплые и близкие: чужие, жестокие. Или они всегда были такими?

Эвели рычала, пытаясь скинуть руку Ариэна. Недолго. И когда стала оседать на землю, я не подумал ее подхватить. Просто стало словно все равно. Я плыл в тумане, впитывая горечь предательства. Будто это я был тем беглецом, судьба которого решила без его участия. Имени которого никто из нас так и не спросил. Всего лишь имени, на которое имеет право каждый человек — неважно, есть ли на нем клеймо или кандалы. И она не спросила. Даже не думала узнать хоть что-то просто потому, что подобное не имело для нее никакого веса.

Как я мог не понять это раньше?..

Я со злостью бросил на землю кинжал и повернулся к берегу, с разбега ныряя в ледяную воду. Наружу просились слезы. Хоть немного остудить разум. Понять, что делать дальше. Нет, я не хотел подпускать к себе вообще никаких мыслей. Потому что от любой из них становилось невыносимо больно. Не следить за беглецом, не спрашивать у Ариэна, что он сам об этом думает. Прятать трупы. Нет. Все это не со мной. Кажется, я впервые по-настоящему захотел вновь стать невольником, просто существовать, отрешившись от любых эмоций. Так было бы в сотню раз проще. Существовать рядом с ней, наблюдать и мечтать, что она когда-нибудь заметит.

Я зарычал под водой, выпуская почти весь набранный воздух. Течение было под колени, пытаюсь увести вперед, и на сопротивление почти не осталось сил. Ноги свело судорогой, в легких закончился воздух, но я до последнего держался за подводные камни, ломая ногти. Просто прячась. Еще мгновение. Еще одно. До тех пор, пока вода до онемения не сдавила грудную клетку. Ариэн что-то кричал мне с берега, но я не слышал.

Сегодня я лишился всего. Или у меня никогда ничего не было.

Ариэн

Все завертелось слишком быстро. Я не успел уловить суть зародившегося спора, когда стало поздно. И уже бесполезно было узнавать причину: Киан с Эвели вновь сцепились в схватке, только теперь по-настоящему. С такой яростью, как могут биться только заклятые враги, а ведь чего стоило заметить изменения раньше?.. После Нордона все расползлось по швам. Иллюзия выбора, защищенности, веры.

Найденный парень как-то совсем ссутулился, лишь раз посмотрев на меня. Но я обратил внимание, как он мельком поглядывает на густой хвойный лес, рядом переходящий в лиственный. Кажется, именно из-за беглеца и начался спор. И сейчас в его глазах плескался ужас, подкашивались ноги, но он упрямо продолжал стоять, каждую секунду мечтая сорваться на бег. Я аккуратно приоткрыл завесу в его память, но мельтешащие перед глазами фрагменты, от которых меня повело в сторону, не желали складываться в общую картинку. Ему по-прежнему было слишком страшно.

Тогда я спешно подвел лошадь к поляне и стреножил, лишь бы только не стоять в ожидании чего-то. Глупо, но глядя на лежащую на расстеленном наспех покрывале Эвели, я чувствовал абсолютную растерянность. Ее я тоже никогда не видел настолько... Даже не находилось слова. Разъяренной, злой. Отчаявшейся? Даже в тот разговор, когда я добровольно опустил перед ней на колени. Даже тогда ее слова не сопровождались никакими эмоциями, а взгляд оставался ясным. Но у всех есть предел, теперь он достигнут.

Как бы ни было сейчас, но моя жизнь до сих пор зависела от нее. Просто уже совсем в другом смысле. Я не верил в себя ни секунды, пока не оказался в ее плену. Пока не узнал родственную — изуродованную шрамами — душу. Без тени стыда, который испытывает раб в абсолютном подчинении господину, я по-настоящему захотел, чтобы она вела меня вперед. Это помогало сосредоточиться, не потеряться во всем, что происходит вокруг. Только уверенность, вера, что мы можем искупить свою вину. Что восстание — это мой долг. Кажется, я просто не смогу идти, если она сдастся.

Киан сильно задел ее своим обвинением, даже не понимая, как не вовремя посмел высказать ложные выводы. Да, я пообещал себе не заглядывать в ее воспоминания, но подобные моменты, пропитанные настолько бессильной ненавистью и страхом, просились наружу сами собой. Я увидел достаточно, и единственное, что удерживало меня от желания высказать Киану все, что горело где-то в груди — нежелание рассказывать об омерзительных призраках ее прошлого. И даже если проглотить, забыть хотя бы ненадолго причину их обоюдной ярости, Эвели без сознания, а с Кианом в ближайшие часы разговаривать нет никакой пользы. Он выбрался из воды весь раскрасневшийся, со сжатыми кулаками, напряженный до предела. Тут любой аргумент обтечет его сознание как вода — камень. Куда только исчез тот, кто с трепетом говорил о «Ней» и смотрел с преданностью и благоговением?.. Теперь, вероятнее всего, ничто не убедит Киана задуматься и понять, прежде чем бросаться обвинениями, а я совсем не мастер на нужные слова. Да и никогда им не был, как бы ни хотел этого отец.

В конце концов, я лишь устало выдохнул, стирая со лба опять проступивший пот. Жарко было даже в тени, а тучи все никак не могли настигнуть солнце. Скорее бы на наши головы обрушился ливень, быть может, остудил бы и хоть так заглушил ярость.

— Что произошло? — я обратился к замершему парню. Он опасливо покосился в сторону Эвели, но не произнес ни слова. Лишь чуть приподнял к груди руки, словно я вот-вот на него наброшусь. Опустил, опять поднял, облизал потрескавшиеся губы.

Можно сказать, что я спас ему жизнь, и все-таки для него это мало что меняло. В этот момент я не чувствовал к нему ни жалости, ни отвращения. Кровь уже не билась в висках от резкой смены ситуации, намокшая одежда заметней прежнего тянула к земле так, что даже клонило в сон. Вдобавок разболелось правое плечо от забытого ощущения напряжения при стрельбе. Чуть поднявшийся ветер охлаждал кожу, а от встревоженного взгляда, который словно просвечивал меня насквозь, становилось все более неудобно.

— Давай по порядку. Как тебя зовут?

От удивления парень вдруг как-то обмяк, светлые брови на миг взметнулись вверх. Руки повисли, словно плети. И опять понадобилось больше минуты, прежде чем он вновь приоткрыл рот.

— Ч-что?

— Я спросил, как твое имя.

— Нарк, — тихо произнес он, опять ссутулив не раз битые плечи.

— Так что случилось, Нарк?

— Она... — он показал пальцем на Эвели и с какой-то благодарностью посмотрел на Киана. Мне этот взгляд совсем не понравился, но уж парня я точно не собирался судить за неверные выводы, — сказ-зала, что... она хотела, чтобы...

— Эвели хотела его убить. Я не позволил, — резко вмешался Киан, хватая мертвого пленника за одежду. В его голосе презрение смешалось с разочарованием, и от того, как он зло произнес ее имя — будто выплюнул — у меня сами собой сжались кулаки.

Стало быть, мы поменялись местами, и в этом не было ничего хорошего: ведь в первую неделю после неудачного побега я ничего не знал о моей тюремщице, кроме твердости характера и стойкости духа. Но Киан, в отличие от меня, не мог отгораживаться от нее все годы своей службы. Я просто не находил в себе сил понять его изменившееся отношение и абсолютную веру в худшее из предположений.

— Что? Почему? — За тяжелым полуобнаженным телом по бугристой светлой почве протянулась тонкая кровавая дорожка. Со слишком явным усердием Киан упорно тянул за собой тело. Пыхтя и, кажется, ругаясь. Его руки дрожали, в легких свистел воздух.

— Потому что по-другому она не умеет, — совершенно безжизненно ответил он. Перед глазами на секунду показался миг их боя, но я поборол желание огрызнуться.

— Может, она не собиралась. Эвели говорила, что хочет...

Киан договорить не дал. С силой пнул стража под бок, скидывая с берега, и, даже не посмотрев в мою сторону, рывкнул со злой иронией и бессильной яростью:

— Конечно, ты ее защищаешь! Как же иначе.

Мне в глаза он больше не смотрел: тяжело дышал, теребя мокрые волосы, и все скалился, глядя на черную бурлящую воду. Отсутствие такта и выдержки в его словах лишало таких привилегий и меня. Я не мог коротко объяснить, что такого крылось в его словах, что приходилось бороться с подступающей яростью. Конечно, мне никогда не сопутствовали кротость или хладнокровие, я это помнил, но сейчас с каждым его словом мне все больше

хотелось взяться за оружие. Недалекие по сути воспоминания нашей вылазки в тюрьму, прямых разговоров и понимания оказались разделенными пропастью с настоящим. Другие люди, иные жизни.

— Что ты имеешь в виду? — Я невольно начал тянуться к его последним воспоминаниям, но Киан почувствовал и едва не физически выбросил меня из своей головы. Из осколков исчезающих мгновений на меня посмотрели его заледеневшие глаза с застывшей неуместной обидой.

— Я не слепой. И не дурак. Хотя и бесполезный, — последнее он сказал с надрывом и в несколько длинных шагов подошел ко мне почти вплотную. Глаза в глаза. — Лишний груз, так ведь? Ты — Темный, она — ищейка. А я — никто.

— Да ты...

— Мешаюсь под ногами. Лезу со своим мнением, — вновь перебивая меня и указывая на Нарка, процедил сквозь плотно сжатые зубы Киан. Его лицо исказила ярость. — Раз так, мне и смысла нет оставаться, к чему тебе помощь такого, как я?

Я не нашелся с ответом, продолжая завороченно впитывать его эмоции. Но Киан и не нуждался в ответе: лишь шагнул назад и попытался взять себя в руки. Потом во взгляде что-то вспыхнуло, и Киан мельком глянул за мое плечо.

— Только не думай, что я позволю убить парня. — Очередное обвинение, сказанное без раздумий и понимания, выбило из-под моих ног почву.

— Я и не думал так... — мой голос дрогнул.

— Думал. Еще как думал, — протестовал Киан, поднимая с земли нож. Теперь он точно не нуждался ни в спорах, ни в доказательствах. Я оглянулся на парня, ожидая какой-нибудь реакции, помощи, но тот, кажется, совсем нас не слушал: с каким-то предвкушением, с тревогой глядел куда-то вниз. Я быстро проследил его взгляд и охнул, тут же кидаясь к Эвели. Ее бежевая рубашка почернела от свежей крови.

За препирательством с Кианом я не заметил никаких изменений, а теперь на чистой штопаной одежде Эвели по правую сторону расплзлось большое пятно. Мной овладела паника, какой я не чувствовал с момента известия о наступающей казни. Возможно, и сильнее, а я просто не брался судить. Подхватив с земли кинжал, я принялся кромсать рукав: слишком дрожали руки, чтобы пытаться расстегивать мелкие пуговицы.

— Нарк! Живо носи сумку с седла. Ищи бинты. — Я даже не оглянулся, и в голову не пришло, что парень уже сейчас мог со всей возможной прытью нестись в лес — как можно дальше от нас. Нет, все мои мысли застыли вокруг кровоточащей раны, где черные швы порванными концами выглядывали из вздутой кожи. Вымокший насквозь бинт перепачкал мои руки. Я не знал, что делать.

Время, бежавшее беспощадно и неумолимо, вдруг замедлилось, давая возможность увидеть и осознать изменения: Эвели больше не шевелилась, ее лицо вдруг разгладилось, как бывает только с мертвыми, чьи муки, наконец, остались в прошлом.

Киан

Услышав крик Ариэна, я дернулся и в ужасе распахнул глаза. Гнев, обида, бессилие разом покинули мои мысли, и им на смену опять пришла вина. Ни следа злости не осталось, когда я грохнулся на колени рядом с Ариэном. Крови было так много, ее запах заставил закашляться и сглотнуть вязкую слюну. Все обвинения, которые секунду назад казались оправданными и справедливыми, камнем легли на сердце.

У меня отняли возможность злиться и обвинять, возвращая в самое начало. И я бы

разозлился, что позволил себе так скоро забыть истинную причину ссоры, но стоило только взглянуть на ее побелевшее лицо, по которому стекали крупные капли пота, накатывала паника. Я совсем разучился разговаривать, слушать, понимать. И вот чего добился.

— Если с ней что-то случится, — Ариэн схватил ворот моей рубашки горячими от крови пальцами, — я тебя убью.

Его слова звучали за мили. Я лишь ошеломленно открыл рот, растеряв всю силу воли. Исчезла даже способность мыслить, пока я наблюдал за его резкими неверными движениями, попытками вырвать из лошадиной гривы волос покрепче. Кажется, Эвели даже не дышала, вся ее фигура была преисполнена покоя и смирения. Ариэн попытался стянуть ее рукав еще ниже и оголил раненое плечо. От увиденных широких старых шрамов, уходящих по нему за спину, запершило в горле. Раньше я никогда их не видел и не знал об этом. Те же шрамы от бича, какие остались у Ариэна. Захотелось исчезнуть в ту же секунду, я же не знал, что ей знакома эта боль. Я ведь не знал. Не знал!

— Ну, же! Помоги мне. Киан? Киан?!

Лишь во второй раз я отреагировал на свое имя и повернул голову к Ариэну: безжалостные мысли рвали изнутри, я почти не слышал даже водопада. Открывал и закрывал рот, наверно, напоминая рыбу, выброшенную на берег. И все равно никак не мог остановить это, но не произнес ни слова.

— Ты знаешь, что делать?

Да, я знал. Но руки не слушались, я смотрел в никуда и боялся пошевелиться, испытывая самые омерзительные муки совести, какие только могут быть. «Если бы подхватил, если бы промолчал, если бы спросил, если бы смирился...» — слова друг за другом образовывали цепочку, обвивающуюся вокруг моего горла. Я ведь хотел справедливости, выхватил кинжал, сделал выбор, за который теперь не мог ответить. А правда в том, что изменения коснулись и меня, лишив самообладания, которому учили еще с детства. Но все эти эмоции — словно трупные черви, кишачие в плоти — походили совсем не на ненависть, как я считал иначе. Теперь, смотря на Эвели, я понял. И вот, в стороне за моим плечом кто-то глумливо смеялся над последствиями моих — только моих — действий.

— Киан?! Пекло тебя выжги! — прорычал проклятье Ариэн, не щадя ударяя меня по скуле. Я заскулил, но, наконец, очнулся и вцепился в его вновь занесенную руку. — Что делать?

— Я... я все исправлю... — голос меня не слушался, не слушались и руки, но я все равно потянулся к ее ране, стараясь ухватиться за порванные нити. И лишь одна мысль кульминацией билась в такт сердцу: «Я убил ее. Своими руками убил женщину, за которую, несмотря ни на что, отдал бы жизнь».

Ариэн

— Нужно срочно найти врачевателя, я немного умею, кровь все еще идет, и... — Киан схватился за голову, выдавая внутренние терзания, но я не ощущал злорадства, только раздражение: поздно было бить себя в грудь и виниться. Особенно передо мной.

— Нарк, — позвал я притихшего парня. — Сколько времени мы будем пробираться к границе?

Парень посмотрел на небо и зябко пожал плечами, с мольбой глядя на меня.

— К закату... доберемся до Калта, это самое близкое поселение.

— А если идти по дороге?

— Э-э-э... — парня передернуло, но под моим взглядом он быстро собрал все, что

осталось от воли. — Быстрее.

— Хорошо. И нет, ты пойдешь со мной и покажешь дорогу, — отсек я его еще не высказанную просьбу. — Когда доберемся туда, можешь идти куда угодно.

Мой голос звучал непреклонно — меньше всего я сейчас заботился о метаниях беглеца, — с нарастающей тревогой рассматривая содранную с трупов одежду и не решаясь касаться хрупкого женского тела. Эта одежда означала единственное прикрытие, мнимую безопасность. Обман, который мог раскрыться в любой момент. Слуге Службы обязаны помочь всегда и в любых обстоятельствах, но помощи сопутствовало неизменное внимание к нашей четверке. Раненая женщина и мужчина без одного глаза — две приметы из двух, по которым нас тут же могли опознать. Выходило, что нужно разделиться и надеяться на удачу. Но мог ли я позволить себе такое?

Если в Калте не повезет, спасти нас сможет только Киан: я здесь больше никого не знаю, кто мог быть хоть как-то связан с ополчением. Много лет прошло с единственной моей попытки вырваться, свидетелей не осталось. Но единственная сомнительная надежда все так же, словно тень умерших предков, стояла над Эвели, заламывая покрытые подсохшей кровью руки. Наверно, Киан даже не думал о том, чтобы выскрести из-под ногтей запекшуюся кровь, пребывая в состоянии, близком к панике, пусть и с открытыми глазами. Мне не хотелось добивать его, но решение я уже принял.

— Как только Эвели очнется, ты исчезнешь, — Киан ничем не выдал свое внимание, но я продолжил: — Заберешь парня, раз так им дорожишь, и уйдешь. — Он бессильно опустил плечи, постыдившись заглядывать в мой уцелевший глаз.

Возможно, Киан еще не понял, что так будет легче нам всем: и без того что-то вечно напоминает о прегрешениях. Новое мелькающее перед глазами напоминание о циничности не станет для Эвели чем-то хорошим. Я старался не обдумывать слова Киана на этот счет, но лишь потому, что боялся убедиться в их приближенности к правде — иногда необходимость сильнее моральных принципов. Иногда просто нет альтернативы, и у меня было время с этим смириться, когда за нашими спинами до углей сгорал город и все его жители. Киан тоже когда-нибудь смирится.

— Ты меня понял, Киан? — В иной раз я бы принял молчание за согласие, но сейчас стоило дожидаться до конца. — Эвели очнется...

— ...я исчезну, — тихо закончил он, едва шевеля губами. — Если только очнется. Ариэн, я не хотел, чтобы так.

— Замолчи и помоги поменять ее одежду.

Я не внял его мольбе выслушать: на это не было ни желания, ни сил. Все, что он бы мог мне еще сказать, я уже слышал и видел. Даже невнимательному человеку было бы видно, как сильно Киана гложет чувство вины, как ненормально дрожат его губы и трясутся руки. Сейчас от него будет зависеть абсолютно все, и это не давало покоя ни мне, ни ему. Любой нестандартный вопрос, любой напор может разоблачить их обоих, и тогда спасения не будет. Пусть даже я буду поблизости, вскоре нам все равно придется идти разными дорогами.

— Что делать, если... вы не доберетесь до Калта? — спросил Киан, опять избегая моего взгляда.

Я думал и об этом, понимая риск больше никогда не встретиться. Не знаю, хватит ли у меня мужества дойти до конца в одиночестве. Но постоянный навязчивый зуд в пустой глазнице не давал мне забыть, ради чего Природе были отданы человеческие жертвы. Это —

мой единственный долг.

— Главное, чтобы добрались вы. Без грамот на границе эта форма — единственная ваша защита. Если ты не будешь достаточно убедителен, Эвели умрет, — жестко произнес я. — Если же удастся доказать пограничникам и губернатору, что вы бежали из Нордона без всего, спасая свои жизни... появится шанс. Слугам Службы не посмеют отказать. Как только Эвели станет лучше, скажи ей идти вглубь Империи, как можно дальше от границы и Тайной Службы. Эвели говорила о какой-то усадьбе, где нам могут помочь.

— Да, она на границе со столицей, — глухо ответил Киан. — Не помню, как зовут господ, но там совсем рядом есть поселение — Сперро. То, что на торговых путях.

— Тогда мы встретимся там.

— Наверное, — прошептал он, но я ничего на это не ответил.

Киан застегнул черный мундир, осторожно поправив не по размеру большие плечи и распрямив мокрое пятно на груди, в центре которого за складками пряталась дыра. Поднял с земли оружие и аккуратно застегнул пояс. Издали все казалось правильным, но вблизи Киан не вселял ни чувство безопасности, ни трепет. Я едва удержался от того, чтобы цокнуть, и лишь обеспокоенно покачал головой.

— Помни, кто ты в этом облачении. Выпрямись и, если не можешь придумать ответ, лучше держи рот закрытым.

Киан только кивнул и быстрым движением оседлал лошадь. Вместе с Нарком мы осторожно подняли Эвели и посадили к нему спереди. Поводья гнедой второго стража я подвязал к верху приструги и осторожно хлопнул открытой ладонью по лошадиному боку. Киан не оглянулся, так что оставалось только догадываться, с какими эмоциями он обхватил бессильное тело, упавшее ему на грудь.

Стук копыт о сухую каменистую землю заглушил даже дыхание, и ощущение неправильности выбора только нарастало вместе с разделяющим нас расстоянием. Предчувствие большой беды.

— Эм-м... — чуть поодаль послышалось тихое шепуршание, и лошадь, с которой Нарк так и не поладил, недовольно заржала, словно подтолкнув его ко мне. — Перед водопадом есть переправа, нам нужно на другую сторону, — парень немного осмелел, подходя ближе, и даже попытался быстро глянуть на меня. Я не ответил, дожидаясь, пока Киан и Эвели полностью исчезнут из виду, и только тогда взобрался на лошадь.

Мысли закончились, и измотанное вечной болью тело требовало покоя. Но не здесь и не сейчас, не вдали от... Я зарекся думать об Эвели, пока не будет пройдена граница, и скопил предостерегающий взгляд на Нарка, неумело возившегося с закрутившимся стремяном.

— Не подведи, — с тревогой проронил я, но, кажется, он меня не услышал.

Глава 7. Бегство

Ариэн

В сумерках ветки все чаще царапали лицо, норовя попасть по глазу, но остановиться не получалось. Дыхание прерывалось, заставляя кашлять едва не через шаг, одежда липла к мокрой коже. Нарк все чаще переходил на бег, озираясь по сторонам. Как будто действительно что-то видел. Я все ждал, когда через плотные ряды деревьев покажутся слабые городские огни, но впереди оставался только мрак. Горло саднило. Лошади настороженно вертели головами, недовольно фыркая, и по очереди пытались вырвать из моих рук поводья. Темный лес не оставлял и следа от чувства защищенности, и я все больше тревожился, доехал Киан до города или нет.

— Мы ведь... должны были... уже дойти, — запыхавшись проговорил я.

— Д-да, — заикнулся парень и так быстро остановился, что я сильно подтолкнул его со спины. Нарк едва удержался на босых ногах, зацепившись за сброшенные оленьи рога, и зашипел.

— Ты знаешь, куда идти? — не отпустив поводья, я дернул Нарка за плечо и попытался поднять, поворачивая к себе. Следом за болью в его заслезившихся глазах отразился испуг.

— Я, я... — его плечи перекошились, когда он тихо-тихо промямлил ответ: — я-я ничего не вижу.

— Мы с тобой на одной стороне или нет?

— На одной! — быстро выговорил Нарк, смотря на меня с ожиданием. Лошади тоже притихли, опустив головы к высокой болотной траве.

— Тогда почему ты меня боишься? — он промолчал, потупив взгляд, а я еще отчетливее почувствовал себя дураком: доверился неизвестно кому, отпустил Киана с Эвели без возможности помочь, если вдруг что-то пойдет не так. Солнце уже почти зашло, а вокруг ни души, и ноги теперь все чаще утопали в склизкой жиже между островками жидкого мха. Я почти смирился с тем, что через пару миль придется оставить лошадей прямо здесь — пока мы окончательно не спустились в пойму Рейфа.

Нарк все так же выжидательно смотрел куда-то вниз, теребя одной рукой ремень опустевшей к вечеру сумки.

— Так почему?

— Не бей... — только и прошептал парень. Я почти не видел его лица, но ощутил, как напряглись его плечи, и резко — может, даже слишком — отдернул руку.

— Не стану. Послушай меня, — я шагнул вперед, смотря на Нарка сверху-вниз. — Я прошу тебя помочь, надеюсь на твою помощь. Ты понимаешь, что я говорю? — он неуверенно мотнул головой. — То, что ты о нас слышал — это правда, да. Но мы пытаемся найти ополчение, мы... — я запнулся: правильные слова так и не приходили на ум. Такие, чтобы в его взгляде хоть на секунду промелькнуло понимание. — Ладно, неважно. Мы хоть в ту сторону шли?

— Да. Наверн-но, да.

— Тогда идем быстрее, пока не наступила ночь.

Нарк уже сделал шаг в сторону, когда лошади одновременно выпрямились и наострили уши. Внутри все похолодело от появившихся из ниоткуда звуков. Я оторопело метнулся к ближайшему дереву, слепо таращась на источник едва уловимого звука и надеясь, что мне только показалось. Несколько мгновений стояла полная тишина, прерываемая лошадиным ржанием, а потом я увидел. Из мрака на нас, тяжело дыша и рыча, несся сторожевой волк.

Эвели

Усталость была дикой, давящей. Стоило на секунду вынырнуть из забытья, пульсация в плече усилилась в разы — словно там билось второе сердце. Я стиснула зубы, не чувствуя ничего кроме боли. Открывать глаза не хотелось, шевелиться — тоже. Но страх мгновенно развеял дрему: ни ветра, ни солнечных лучей, подо мной оказалось что-то жесткое, но не земля. Я распахнула глаза и дернулась вперед, попытавшись поднять перед собой сжатые в кулаки руки. Всплывшие воспоминания разом скрутили внутренности в жгут, вытравив из памяти ощущение прошлого. Кажется, я все-таки вскрикнула, хватаясь за темноту, раздирая ее скрюченными пальцами. Перед глазами все поплыло. Сердце забило через раз, а к горлу подкатил тошнотворный ком, хотя рвать чем-то кроме желудочного сока вряд ли бы

получилось. На секунду показалось, что меня ослепили, я почувствовала эту раздирающую боль в пустых, стянутых нитью глазницах. Но ее не было. Никто не удерживал мои руки, не сжимал шею. Я больше не жертва.

Ощущение угрозы отступило. Я еще раз протерла глаза, смочив слюной подушечки пальцев, но тени остались размытыми. «Большая кровопотеря, не смертельно», — резюмировал механический голос, не мужской, не женский. Короткие попытки вернуться к последним событиям дали нечеткую картинку, засвеченную и стертую до белых дыр.

— Госпожа?.. — робкий голос оказался слишком громким, из-за него еще сильнее сдавило виски и скрутило желудок. Я дернулась назад, но тут же выпрямилась, раскрыв глаза. Никакого наступления.

Где-то рядом горели свечи, так что я смогла разглядеть свои подрагивающие руки. Чужая, пропахшая потом и сыростью одежда висела на мне мешком, а на плече через съехавший ворот виднелась свежая повязка.

Несмотря на услышанный мужской голос, казалось, что в комнате никого нет. Словно то был призрак из давнего прошлого, не пожелавший меня отпускать. Когда от темноты медленно и несмело отделился силуэт, я — все еще живая — с облегчением поняла, что ошиблась, но, не реагируя на чье-то приближение, свесила босые ноги к полу.

— Госпожа, — повторили где-то уже совсем близко, и я наконец узнала этот голос. Но всколыхнувшаяся злость сразу же затихла, осталась только апатия. И разочарование.

— Где я?

— Нам выделили комнату в трактире... — Киан замялся, исподтишка смотря на мою кровать. — Приходил лекарь. — Теперь его глаза уставились в пол. На секунду — всего на одну — захотелось схватить его за плечи и хорошенько встряхнуть. «Тебе хватило мужества меня ненавидеть, так не смей теперь отступать».

Слова так и просились наружу, но я молчала.

Наверно, он что-то почувствовал — или подсказала рабская интуиция — и как-то неестественно, отстраненно проговорил:

— После... вы потеряли много крови тогда. И... нам пришлось рискнуть.

— Где Ариэн? — перебила я, отмахиваясь от его попытки помочь мне подняться. Спешно оглядела его выглядывающую из-под мундира черную безрукавную накидку, топорщающуюся и не высохшую там, где под золотой оторочкой виднелась дыра; узкое окно без штор, за которым искаженное слюдой серело бледное унылое небо и откуда тянулся устойчивый запах гнили и мочи. Яркий солнечный свет, исполосовавший ободранную стену, на которой присохли ошметки чего-то помимо пищи, больше походил на насмешку.

— Идет следом. Мы разделились, чтобы не привлечь лишнего внимания.

С точки зрения разума решение казалось правильным, но на секунду телом завладел страх — до самых кончиков пальцев. То самое чувство, когда сердце ухает и падает куда-то вниз от ощущения потери контроля над ситуацией. Знать бы, что произошло после... когда Ариэн меня остановил. Хотелось верить, что он понимал, кто я такая и почему собиралась лишить беглеца попытки разболтать кому о нас. «На войне все средств...», — начал хорошо знакомый, намертво вцепившийся в память голос Роверана, этого бездушного ублюдка. Остановить мысль не получилось. Она, заедая, снова и снова звучала в моей голове.

— И мы просто прошли через границу?

— Я старался быть грубым, потребовав вначале врача и ночлег.

— Но они ждут ответов... — сквозь зубы проговорила я, не нуждаясь в ответе, и

попыталась растереть онемевшую руку. — Мы опять у всех на виду.

— Да...

Мозг пытался составить пути отхода, перед глазами уже представлялся разговор с пограничными стражами. Как объяснить ранение и отсутствие инструкций и назначения? Как прийти в норму и постараться выпрямиться, как дожидаться Ариэна и не беспокоиться за него больше, чем за нас?

— Сколько времени мы здесь?

— Одну ночь и это утро, — виновато дал он ответ.

— Ариэн и беглец здесь?

— Еще нет.

Я бессильно поджала губы, чувствуя, как только зародившийся страх распускается во мне подобно цветку на солнце.

— Эвели, — спустя время с мольбой протянул Киан мое имя — уже совсем другим тоном, — и я подняла на него глаза. Отвлечлась от дурных мыслей, стараясь сохранить спокойствие и в то же время вернуть зрение. Голова опять закружилась. Я не сразу смогла сориентироваться, когда Киан неожиданно исчез из поля зрения, опустившись на колени.

— Прошу тебя. Прости меня за сказанное.

Опустив голову, Киан затих. От такой близости в мое сознание просились его эмоции. Обида, страх, боль и сомнения. Я вспомнила каждое его слово, горящие ненавистью глаза, день, когда он в Нордоне так же сомневался во мне, покорно стоя на коленях. И вздрогнула. Хотелось смыть с себя все ощущения, снять мерзкую одежду с символикой императора, переломать кому-нибудь ребра. Хотелось чего-то хотеть, чтобы отвлечься от его медленно вздымающихся плеч и глаз, спрятанных за челкой.

— Я прошу...

— Ты сделал свои выводы, высказал то, что думал. За это не стоит извиняться, — сухо остановила его я. Только этого мне сейчас не хватало: в такое неопределенное настоящее копаться в прошлом.

За окном предостерегающе завыл холодный ветер, проникая через широкие щели дверного проема. Мне стало слишком неудобно в этой мелкой и почти необставленной комнате со скошенной крышей. Слишком ярко работали ассоциации, заставляя вспоминать, и вспоминать, и вспоминать. Хотя та светлая чердачная комната в Нордоне ничем не напоминала эту.

— Поднимись. Сейчас есть дела поважнее, — было так некомфортно от его навязчивого присутствия, но встать или хотя бы просто отодвинуться не хватало сил. Он поднял на меня глаза, и я впервые не смогла разобраться, что там увидела. Но нам и вправду не о чем было разговаривать: с меня уже достаточно, я не смогу принять больше. И не хочу. — Киан! — прохрипела я со злостью, рывком поднимаясь на ноги. Киан и не шелохнулся, опять наклонив голову вперед. — Или ты так и будешь стоять на коленях, пока тебя не увидит кто-то еще?

— Я не смогу... уйти... если не простишь, — прошептал кое-как Киан, сглотнув и закрыв глаза. — Я так не могу.

Уйти, значит. Внутри что-то заныло, заскреблось после его слов, но теперь я разозлилась уже на себя. Хотя и обещала отпустить, если он захочет, но не думала, что когда-нибудь это произойдет. Удар в спину, на который Киан, наконец, решился. Но после нашей драки это единственный исход, который стоило ожидать. Остальное — просто

самообман.

Несколько мгновений прострации, и я через силу вспомнила все хорошее, что он сделал для меня не по приказу или из страха. «Пусть идет», — просил чей-то мягкий вкрадчивый голос, едва похожий на огрубевший мой. Я совсем забыла, что и у Киана была когда-то жизнь. Может, он захочет найти ту девчушку... как же ее звали?.. Так кто я, чтобы решать его жизнь? Или судить? Эйфория победы осталась в прошлом, и Киан стал достаточно свободным, чтобы наконец увидеть.

С тоской я оглядела его коленопреклоненную фигуру — так тяжело было сделать этот выбор — и тихо-тихо отпустила:

— Уходи.

Киан весь встрепенулся, как-то подобрался, вскинул на меня глаза. На секунду показалось, что он готов вцепиться в мои плечи и кричать, но учатившееся было дыхание, что так заметно распирало его грудь, быстро пришло в норму. В глазах, тут же потускневших, появилась боль. Этого я не понимала, но не успела сделать и шага навстречу. Киан неловко поднялся с колен, отступив к двери, и опять склонил в поклоне голову. Неужели я что-то упустила?

— Как прикажете, Госпожа.

Я запрокинула голову, прикрыла заслезившиеся глаза и медленно-медленно вдохнула. Когда хватило сил вернуться из полумрака мыслей, Киана уже не было.

Киан

Я просто шел, сторонясь редких прохожих, семенящих по узким смрадным улицам. Как сильно я себя ненавижу! За эту трусость. Мне стоило остаться, но я испугался. От этих воспоминаний опять огнем зажгло заросшие скулы. Я остановился посреди мощеной дороги, зажмурился, восстанавливая дыхание.

— Будь ты проклят! Ненавижу! — рыкнул я в никуда, запрокинув голову. Но молния так и не ударила с запеленованного дымкой неба, лишь поднялся холодный-холодный ветер. Какая-то женщина рядом ойкнула и ускорила шаг.

Что-то распирало изнутри, мешало нормально дышать, вынуждая давиться воздухом. Я не думал о том, что кто-то может следить за мной, не думал, что на растрепанной одежде может проглядывать грубая дыра. Все перестало иметь значение после короткого «уйди».

— Хватит!

Хотелось выплеснуть всю свою боль, настолько она становилась невыносимой.

— Чего разорался?! — крикнул кто-то из переулка, бросив в мою сторону подгнивший мягкий плод, замазав липкой мякотью одну штатину. — Ублюдкам тоже иногда не везет?

Сильно шатающейся походкой ко мне брели двое пьяниц, несмотря на жару закутанных в тряпье по самые уши. Я не думал о том, что их презрение адресовалось Службе, а не мне лично. Не думал о том, что только алкоголь придал им смелости. Ненависть просилась наружу, и я поддался.

***

Переминая разбитые костяшки пальцев, я с глупой улыбкой навалился на подпорку крыши таверны и дышал уже полной грудью. На меня с опаской косилась застывшая у порога детвора, не сводя взгляда с крупного символа солнца на потрепанном и кое-где разорванном камзоле. Они разглядывали мои руки со страхом и не меньшим любопытством, посмеиваясь и тыча в меня пухлыми грязными пальцами.

— А ну, брысь! — появившийся из-за крайней двери коренастый мужчина умело

взмахнул секачом*, разгоняя мальчишек. На нем дернулся кожаный фартук, и крупные капли крови стеклись в лужицу у его ног.

Заметив меня, мясник вначале встрепнулся и с тревогой сделал шаг навстречу.

— Тебе помочь? — спросил и тут же прикусил язык, поджав побелевшие губы. Я заглянул в его сузившиеся, загоревшиеся слепой ненавистью глаза: на миг показалось, что он готов разрубить меня пополам. Может, в обычной глубинке исчезновение случайно забредшего не туда стража и осталось бы без должного внимания, но здесь — на границе — на слуг Службы боялись даже смотреть. Тем более что в свете последних событий неразбериха могла только ожесточить и без того безжалостных людей. У меня была возможность в этом убедиться, отдавая приказы перепуганному конюху и раболепствующему хозяину единственного трактира.

Мужчина отступил, опустив руку с зажатым секачом. С удивлением я понял, что победил здравый смысл, а не страх передо мной. Еще несколько секунд он с вызовом смотрел прямо мне в глаза, а после без единого слова развернулся и хлопнул дверью.

Я тряхнул головой и, вытерев о подол опять проступившую на костяшках кровь, бездумно побрел дальше.

Наверное, я бы не остановился, пока не натер кровавые мозоли в неудобных и слишком тесных сапогах. Но тут мне резко перегородили дорогу, и я сбился, ударив кого-то плечом. Ощерился и от неожиданности по привычке втянул голову в плечи. Мысленно одернул себя, вспоминая, в какую одежду одет.

— Дорогу, солдат! — незнакомец неряшливо и зло отпихнул меня в сторону, из всего приметив только отличительные знаки на рукавах.

Я потерянно проводил его взглядом, но тут же застыл, открыв рот. Следом за спешившимся всадником, со связанными руками и туго затянутым арканом на шее шел Ариэн. Один. Я открыл было рот, чтобы позвать, но вовремя остановился. На его предплечье виднелись три совсем свежие продольные раны. Глубокие и все еще кровоточащие. У меня даже мысли не возникло пройти мимо. Воспользовавшись секундной заминкой оруженосца офицера, который вел на поводу его боевого коня, я выдернул кинжал и быстро прыгнул вперед. С первого раза веревка, стягивающая его горло, не поддалась, но Ариэн, только увидев меня, быстро потянул ее на себя. Лошадь заржала, забив копытом по мостовой, недовольно выдернув поводья из рук мальчишки. Офицер обернулся, одновременно обнажая клинок и направляя острие на меня. Я отскочил в сторону, ударившись о лошадь, и та встала на дыбы. На землю скатилась переброшенная через седло ноша, и за ударом последовал стон. Мне не хватило времени удивиться или обрадоваться — противник почти оцарапал мое плечо. Я с трудом отвел удар от шеи, перехватывая левой рукой меч. Ариэн напал на него сзади, и у меня появилась возможность перерезать веревки на запястье Нарка. Я быстро опустился на колени, пытаясь поднять его, дезориентированного и напуганного. По его лицу потекла тонкая струйка крови.

— Киан! — короткий вскрик инстинктивно заставил меня повернуться.

Прямой удар выбил из руки меч, повалив на бок. Я крутанулся влево, попытавшись подсечь противника ногой. Кажется, в глазах потемнело, и я не увидел блика на клинке, в то же мгновение распоровшего одежду. Почувствовал, как обожгло ребра, и против воли прикрыл рану свободной рукой. Ариэн с трудом двинулся ко мне, становясь спиной к спине. И только сейчас я заметил, что нападающих в два раза больше нас. Не просто патрульные — настоящие стражи, и без того злые, уже готовые атаковать.

На целую вечность все вокруг застыло, лишив ощущения времени. Набежавшие низкие тучи наслаивались друг на друга, мешая разглядеть окружение. Круг становился все уже. Я успел поймать едва заметный кивок Ариэна и без предупреждения прыгнул за мечом. Звук скрестившейся стали заглушил раскатистый гром.

Я выдыхался, с трудом отбиваясь и на последнем издыхании ставя блоки, отрезанный от общей слишком хлипкой линии обороны. Оглянувшись на Ариэна, я увидел, как весь его рукав пропитался кровью, а на лице застыла гримаса боли. Лишенный полноценного обзора, он крутил головой, сильно теряя в скорости, рискуя не успеть отразить удар. И эта короткая секунда едва не стоила мне жизни. Не заметив ложного движения второго противника, я рискнул пойти в атаку. Ударом исподтишка меня уложили на землю, с силой выбивая из руки кинжал. Оруженосец — мальчишка с только-только появившимся пушком над губами — перехватил занесенный меч, точь в точь как мясник. Быстро и безупречно.

Где-то над головой я услышал возню. Нарк? Я запрокинул голову и заметил, как в его округлившись глазах отразился страх. Он посмотрел на меня и, окончательно поднявшись на ноги, бросился бежать.

Гром прогремел еще раз. Над самыми нашими головами сверкнуло несколько молний. Я почти поверил: это будет последним, что я увижу. Яркий свет отразился от начищенной стали, занесенной над головой, а я думал лишь о том, что не посмел сказать.

И уже не скажу.

Смутно знакомый свист трижды разрезал воздух где-то совсем рядом, но следом два нависших надо мной человека со стоном грохнулись на землю. Со следующим раскатом грома пошел дождь.

Еще не поднявшись, я воткнул оружие побежденных в их податливую плоть, и устремленные на меня взгляды остекленели. Я подумал о том, как хочу пить, и лишь после — что все еще жив.

Не без труда я поднялся на ноги, ища глазами Ариэна, но стрелком оказался не он. В темноте, сквозь завесу косого холодного дождя, я разглядел женскую фигуру. С силой сжимая правое плечо, она смотрела на меня. Ее черные волосы завились и прилипли ко лбу, на щеках горел румянец. Рядом с ней лежало еще два тела, из-под которых пытался выбраться Ариэн. Лук в ее левой руке дрожал, но она не отпускала, отдернула левую руку и, убирая с лица волосы, побежала прямо ко мне.

— На лошадь, быстрее!

Дождь смешался с градом, больно ударяя по голове и плечам. Я стиснул зубы и потянулся за отброшенным клинком. За шумом дождя ничего не было слышно, но я знал, на нас уже донесли. Я взобрался на лошадь, но та, почувствовав чужака, тут же попыталась меня сбросить. Ариэн поймал двух других, послушно дожидаящихся убитых всадников.

Небо стало совсем черным. Я больше не видел двухэтажных домов в конце проулка и черных шпилей оказавшейся совсем рядом тюрьмы, не видел уродливого русла реки, не видел света в узких окнах. Все тело — разгоряченное после короткой драки — прошиб озноб.

Эвели что-то кричала, но я лишь увидел направление, которое она указывала, и пришпорил коня, крепко — крепче, чем было нужно — держа поводья.

Глава 8. Откуда не ждали

Ариэн

Холод проникал под липкую одеревеневшую одежду, выскабливая последние остатки

тепла. Я отчетливо чувствовал, как горячая кровь обжигала покрывшуюся мурашками кожу, пока ветер продолжал хлестать в лицо и напряженную спину. Мы мчались галопом, и каждый раз боль становилась все отчетливее. Глаз почти не видел, дыхание прерывалось на каждом скачке, и все сильнее ломило затекшую поясницу. Но я боялся остановиться, боялся потерять Эвели из виду, боялся задуматься о том, что в любой момент могу не удержаться в седле единственной здоровой рукой. Вода стекала за шиворот, заставляя содрогаться всем телом. Наружу — прямо из легких — просился тяжелый трескучий кашель. Конь тоже выдохся, постепенно против моей воли переходя на шаг. Граница между небом и землей почти стерлась, истончилась, угадываемая только там, где за в миг поседевшими деревьями белели горные пики.

Чувство времени исчезло. Мы могли пробираться по каменистым скользким тропам уже несколько часов, теряя все ориентиры на горизонте. Никого кроме нас, и неоткуда ждать помощи. Я прищурился, приставив ко лбу руку, лишь бы дождь не заливал глаза, и опасно покачнулся в седле. Лошади ржали и дергали мордами, становясь на очередной извилистый путь. Я опустил взгляд на клочьями сползающую с камней землю, на которой не таяли крупные белые комья града.

Киан следовал за мной, и я едва его увидел за стеной прямого непрерывного дождя. Он весь дрожал, вжав голову в плечи и подняв ворот почерневшего мундира. Заметив мой взгляд, неуверенно кивнул и дернул плечами. Обходя пальцами намокший лоскут на зудящей глазнице, я стряхнул с лица и носа воду, облизал губы и развернулся вперед, разглядывая почерневшие, слившиеся в единое уродливое тело деревья. Внутри поднялась волна тревоги, когда я заметил, как под вновь обрушившимся крупным градом Эвели убрала с головы руку. И через секунду она, больше не цепляясь за седло, начала медленно заваливаться в бок.

Я пришпорил лошадь, пытаюсь поймать ее до падения, но не успел: лошадь поскользнулась на растекшейся глиняной жиже. Только в последний момент соскочил с седла, едва успев убрать ногу. Удар пришелся на распоротую когтями руку, и я завыл от боли, зажмурил единственный глаз.

— Ариэн? — Киан резко спрыгнул на землю, едва сохранив равновесие, и почти что на ощупь наклонился ко мне, продолжая всматриваться в темноту.

— Ей помощи! — перекрикивая дождь, прохрипел я.

Грязь забилась под веко, расцарапывая глаз, и я больше ничего не видел. Все внутренности сжались, скрутились от сковывающего холода и усилившейся боли. Я просто не смог подняться и уже не увидел, как Киан, судя по натужному пыхтению, пытался поднять Эвели на руки.

Ледышка с силой угодила прямо в висок, и голова пошла кругом.

Эвели

Кто-то наклонился надо мной и, мягко зажав нос, влил в рот теплую жирную жидкость. Затянул смоченную чем-то холодным повязку потуже, стер с лица пот, сменил приобретающую резкий запах одежду и подоткнул одеяло. Я все время чувствовала только это тепло. Дни или, быть может, недели. И покой.

Будто уже умерла.

Приходила в себя, успевая выхватить из окружения чье-то заботливое лицо и языки пламени, прежде чем опять рухнуть в беспамятство.

После настойчивого конвоя в допросную к местному командующему, резкого прилива адреналина и натяжения лука, когда разошлись хлипкие швы, тело болело и требовало покоя.

Я не чувствовала ни качки, ни движения — лишь чьи-то попытки меня перевернуть или перевязать. Память перемешала последние часы после наступившей бури. Перед глазами — побелевший Киан, размытые контуры города, резко приближающаяся к лицу вытоптанная земля.

Невыносимо зудящее плечо напоминало, что я все еще жива. Но все реже — больше на периферии, — уже почти позволяя отгородиться от боли и выдохнуть. А иногда наоборот накатывало с головой после долгого затишья. Так, что во время пульсации хотелось вцепиться во что-то зубами, но тело не слушалось. Снова и снова пересыхало горло, мешая глотать, грудь распирали опасный кашель, который я почти не слышала за общим монотонным гулом. Так, что с каждым мгновением, существующим отдельно от времени, росла уверенность, что смерть теперь уже навсегда заберет меня к себе. С каждым рваным глотком воздуха, с каждой попыткой пошевелить затекшими конечностями и прочистить разодранное кашлем горло. Из раза в раз за провалом в темноту накатывала паника, будто тот, чье лицо я запомнила на всю жизнь, вот-вот опять схватится мертвой хваткой за мое горло. Приоткрывая глаза, я видела перед собой лишь мелькающие силуэты: болезненно-знакомые темные или поразительно-пестрые. Но только силуэты.

А потом тепло возвращалось. Неожиданное, желанное. Ощущение безмятежности и усталого счастья. Это не Ботфорд, всей своей уродливой громадой прижимающий меня к земле, не камера дознания, не выжженная по моей вине деревня, не затхлый сырой подвал. Все это осталось в прошлом, а я — живая — здесь.

Мне все казалось, сейчас — вот прямо сейчас! — хватит сил открыть глаза и увидеть, кому я обязана жизнью, но в такие моменты появлялись сомнения. Что-то внутри настойчиво держало, угрожая и уговаривая остаться в неведении и безопасности. Не об этом ли я мечтала, потеряв себя?

Тепло вновь приблизилось, коснулось груди, мягко и бережно проникло под ребра, пытаюсь согреть. Уголки смазанных жиром губ дернулись — или мне так только показалось. Плечо больше не напоминало о себе.

Сквозь поволоку и сонм искрящихся точек на меня смотрели чьи-то красивые слезящиеся глаза. Я не видела их цвета, не видела эмоций — ничего, кроме двух непроглядных зрачков, — но знала: в этих глазах горела искренняя успокаивающая любовь.

Кто-то повторял мое имя, настойчиво и просительно. Звуки один за другим медленно отделялись от шума дождя и размеренного стука моего сердца: треск сухих поленьев, фыркание лошадей, бульканье, стук ложек о металл и разномастные нестройные голоса, лишённые твердых согласных. Где-то совсем рядом громко дышало животное.

Ощувив всю эту беззаботную, обыденную суету, я отчего-то вспомнила дом. То, что называют домом... Место, где тебе рады.

Ассоциации, заставившие думать и задавать самой себе вопросы, постепенно привели меня в чувство. Уже вполне осознанно я разлепила веки, увидев над собой низконатянутый бурый шатер, на котором играли шустрые мелкие блики. Мех, которым меня укрыли, неожиданно защекотал подбородок. Я с трудом повернула голову в сторону не утихающих звуков.

— Очнулась, деточка? — прозвучал чей-то удивленный и вместе с тем облегченный женский голос. Это невинное обращение вдруг задело до глубины души, и в то же мгновение я ощутила, как губы сами растянулись в грустной благодарной улыбке.

— Живая! — Ко мне подбежал Ариэн. Я сразу узнала его голос.

Он выглядел почти счастливым: круги под глазами стали бледнее, аккуратно затянулся побелевший шрам, выглядывающий из-под неровного зеленоватого слоя мази. В уголке губ блестело белое зернышко риса. Ариэн наклонился ко мне, но смотрел куда-то вперед. Я последовала его примеру.

Из другого конца длинного шатра ко мне со странной радостью шла-прихрамывала грузная низкая женщина. Ее смуглая кожа почти светилась под яркой разноцветной одеждой, а выбеленные возрастом кучерявые волосы ложились на узкие плечи. В руках у нее скрипел наполненный чем-то ароматным котелок. Если акцент еще позволял усомниться, то вблизи по ее лицу можно было точно сказать: женщина не из наших краев.

— Это они нас спасли, — тихо прошептал Ариэн, наклонившись к уху.

На протянутой между опорными столбами веревке сохла моя одежда. Одежда слуги Службы. И тем не менее я жива.

— Кто «они»? — с трудом прохрипела я, ощущая, как дерет горло.

— Кочевники.

Невольно я подскочила, вспоминая, как по указу Роверана все земли Сенты были пройдены по дюйму в поисках кочевых поселений. Официально бандитов и чернокнижников. Чье преступление лишь в нежелании поверить в ложь. Тех, кто встал на защиту Темных после переворота и поплатился за это. На миг я вспомнила горящие шатры, мимо которых неслись снаряженные кони, как копья всадников жадно вгрызались в живую плоть. Лязг стали, свист кочевых стрел, крики раненых, детей, женщин, стариков, собственные страх и бессилия. И едва успела удержать пальцем задержавшееся веко.

— Они нам не враги, — остановил меня Ариэн, настойчиво опуская руку на здоровое плечо. «Как же...»

Он хотел сказать что-то еще, но женщина подошла уже достаточно близко, чтобы нас услышать. Теперь я увидела на ее лице нити старых зарубцевавшихся шрамов, в ухе повис маленький ловец, в середине его паутины блестела жемчужина.

— А мы так волновались. Голодная, наверно?.. — улыбаясь, спросила женщина, опускаясь ко мне на подстилку. В ее котелке плескался суп. Над головой послышался лай, и я дернулась от неожиданности, запрокинув голову. — Не бойся. Это Войссе. — Навстречу, размахивая хвостом, неслась огромная серая волчица, опустила огромную голову к моим сбившимся в колтуны волосам, обнюхала и, сверкнув светло-серыми глазами, тут же утратила ко мне интерес. — Хорошая девочка, — женщина потрепала довольную, наверняка сытую волчицу и вновь отвлеклась на меня. — Сможешь подтянуться, Рэйчел? — растягивая рот в добродушной улыбке, с притупившимся на имени акцентом спросила она.

Я думала, что сил удивляться уже нет, но брови сами взметнулись вверх, когда я услышала от чужого и незнакомого человека свое прошлое имя. С опаской и недоверием я встретила ее теплый взгляд, замечая висящие на груди обереги, широкие блестящие браслеты на толстых запястьях, скрывающие руны выцветших татуировок. Жрица?

— Смогу, — проронила я, все еще не отводя взгляд.

— Нет, я не читаю мысли, — женщина, прозорливо улыбнулась, видя мое недоумение. — Ты говорила во сне.

— Лучше Эвели, — с недоверием буркнула я.

— Хорошо. А меня зовут Мия. — Зачерпнув отвар, она подняла ложку и уже собиралась протянуть ее мне.

— Я сама.

Ариэн помог мне подтянуться, опереться о вбитый в покрытую ковром землю столб.

— Ладно, поешь, а я потом поменяю повязку.

Мия ответила на мою немую просьбу и оставила нас двоих. Двоих, если не считать копошение у края задернутого полога, где возле маленького костра играли трое детей. Я дождалась момента, когда она отойдет подальше и только теперь позволила себе поморщиться от накатившей ноющей боли. Но сейчас было не до нее.

— Где Киан?

— Он... он вышел. Эвели, все в порядке. Не волнуйся, тебе нельзя. Нам повезло оказаться рядом с лагерем.

— Что у тебя с рукой?

— Стражи натравили. Уже почти зажило, — Ариэн нервно потер перебинтованное предплечье. — Еще когда мы налетели на пограничный патруль, я решил, что это конец. А потом погоня... ты упала с лошади, и я тоже. Потом уже очнулся, и когда увидел, куда нас привели... И не объяснить же, откуда эта форма и кто мы такие. Но представь, ни одного вопроса не задали, допрашивать не стали... или мстить.

— Не верится... — с сомнением прервала я, с трудом перестав метать в рот суп. Я четко слышала каждое его слово, и мне все больше не нравилась интонация.

— Мне кажется, Мия почувствовала, что нам доверять можно. Тут еще есть... один парень, он... — Ариэн запнулся, глянув, как в шатер проковылял незнакомец, держа в обеих руках наполненную чем-то землянистым корзину. Я тоже оглянулась, ошарашенно разглядывая его замызганную и затертую одежду, но все еще узнаваемую. Темно-серая безрукавка, черная рубашка, заштопанная в том месте, где должна была быть символика императора. Сверкая светлыми намокшими волосами, незнакомец натужно пыхтел у костра. И совершенно не обращал на меня внимания. Я же не могла проронить ни слова, застыв с поднятой над котелком ложкой. — Эвели, — предостерег Ариэн, привлекая внимание, но я ничего не смогла с собой поделаться. Инстинкт кричал об опасности, хотя в движениях и действиях незнакомца не было и намека на угрозу. — Это Эрд. Его тоже нашли: под лошадью со сломанной ногой. Почти три недели назад, когда еще не началась декада. Выходили, — Ариэн резко затих и требовательно повернулся ко мне. — Эвели! — Это имя неожиданно показалось чужим.

— Да, прости. — Наклонив котелок, я медленно зачерпнула последнюю ложку грибной похлебки. Вкус почти не ощущался.

— Эрд?

Незнакомец оглянулся и едва заметно напрягся, увидев меня. Поначалу мне показалось, что он откуда-то меня знал, но, скорее всего, такая реакция была вызвана неизвестностью: ведь, раз он до сих пор находится среди беглых кочевников, то стал предателем Императора и Тайной службы. В отличие, как он думает, от меня.

— Когда освободишься, позовешь Киана? — вполне спокойно попросил Ариэн, игнорируя мой испытующий взгляд. Эрд кивнул, шепнув что-то затихшим мальчишкам, и вышел.

— Что они о нас знают?

— Совсем немного. Я лишь сказал, что мы бежим и ищем ополчение.

— Ариэн! — хотелось грязно выругаться, но пока я сдержалась.

— Не надо упрекать, прошу тебя. Эти дни были очень тяжелыми. Знаешь, каково чувствовать себя дармоедом в гостях у тех, кто должен желать каждому стражу смерти? У

нас с Кианом даже оружие не забрали. Люди Май и о лошадях позаботились, и шатер для нас освободили, еду выделили, — лицо Ариэна удивленно вытянулось, будто он снова переживал тот момент, о котором рассказывал. — На добро отвечают добром, — а потом тихо добавил: — Или хотя бы правдой.

Комья града глухо топали по плотному навесу, из щелей между вбитыми по периметру кольями тянуло сыростью и холодом. Молчание прервал звук отдернувшегося полога. Стряхнув с промокшей шляпы воду, Киан отдернул с черного мундира плащ и коротким шагом направился в нашу сторону. С какой-то настороженностью глядя на меня. Мне вдруг остро захотелось подняться, чтобы больше не задирать голову.

— Госпожа... — начал Киан, прочистив горло. Я лишь коротко кивнула и ухватила за кисть сидящего на корточках Ариэна.

— Поможешь подняться?

Второй рукой я вцепилась в распорку, на другой подтянулась следом за Ариэном. Киан застыл, потупив взгляд, а я старалась не показывать, как удивлена тем, что он все еще здесь. Не Ариэн ли постарался?

— Все это... звучит слишком... хорошо, не думаешь? — запыхавшись, я обхватила гладкое дерево двумя руками. Длинная исподняя рубаха подтянулась вверх, обнажив покрытые ссадинами колени. — Им нельзя... доверять.

— Они не такие, — вступился Киан, но совсем не контролировал голос. За одно предложение проявилось столько эмоций, совсем не уместных для воина, или солдата, или...

Я вспомнила калтскую площадь, на которой мы вдруг встретились, как по благословению Природы.

— Тот беглец с границы тоже был не таким? — возможно, мои слова прозвучали грубо, но я не пожалела.

Киан вскинулся, поджав губы, но перечить не стал: понимал и сам видел, что я права. Расправив рубаху, я направилась к костру, вокруг которого никого уже не было, и сдернула с веревки свою одежду. Еще мокрая, она пахла какими-то цветами и почти неощутимо — потом.

В неожиданно показавшийся тесным шатер вновь вошел Эрд. Застав меня в неглиже, он смутился и попятился назад.

— Да что ты, оставайся. Все свои ведь! — напряжение последних месяцев дало о себе знать, и я начала заводиться. И Киан еще так смотрел исподлобья, будто не было никакого разговора, будто сам не показал, что хочет уйти. Слов не находилось, а вот желание почесать кулаки становилось прочнее.

Эрд выдержал мой тяжелый взгляд и молча опустил к костру, жилистыми загорелыми руками подтянув к себе принесенную корзинку.

— Нам некуда сейчас идти, мы опоздали, слышишь? — Ариэн не приближался, но никак не мог найти дела для своих рук, начав перебирать лежащие на высоком сундуке поношенные тряпки. — Когда закончится Ледяная декада, Мия отправит с нами проводника. До ближайшего города. А в такую погоду нас унесет на первом же спуске, или на патруль напоремся.

Слабость коснулась ног, совсем не вовремя задрожали колени, но я упрямо сжала зубы и, натянув штаны, закрепила ремень. Водоворот мыслей затягивал. В какой-то момент я задалась вопросом: куда спешить и от кого мне так хочется бежать? Ответа не было. Я

смотрела на окружающих меня мужчин и не могла понять, о чем они думают. Как будто дар отказывался меня слушаться.

Именно сейчас, растерянно оглядываясь и ничего не понимая, я подумала, что с каждым разом возвращаться в реальность было все труднее. Хотя я и продолжала почему-то за нее держаться. Из-за чего-то. Или кого-то?

— Остановись, — мягко попросил Ариэн, перехватывая мою руку. — Если бы они хотели, мы бы не выжили. Здесь нет врагов.

Я опять глянула на очищавшего земляные плоды Эрда. Сейчас он, перевалившись на колени, рылся в разложенных на переносной полке колбах. Поднес одну из них к свету и спокойно протянул мне. На его несимметричном лице не прослеживалось презрение, губы не искажались в усмешке. Только не пропала настороженность в узких раскосых глазах.

— Настойка. Должна успокоить, — прокомментировал он. По привычке я подумала о ядах, но Ариэн был прав, останавливая мою паранойю: если бы не эти люди, я бы уже не дышала.

***

Я боялась засыпать. Стоило однажды потерять доверие к чужакам, теперь казалось, что моей слабостью непременно воспользуются. Чему удивляться, если даже Киан не видит во мне человека?.. Достаточно только закрыть глаза, и начнется суд. Справедливый суд. Я же помню, как мы прореживали их селения в поисках Темных и бежавших из столицы отступников. А они уж точно не могли забыть.

Вскоре Мия вернулась, вынесла помойное ведро и плюхнулась рядом со мной на пуф, настойчиво рекомендуя смазать все мои раны и ушибы. Я ждала подвоха молча, следя за каждым ее движением, пытаясь уловить малейший намек на притворство. Незаметно поглядывала и на не сидящего на месте Эрда, то и дело убегающего под ливень по поручениям Мии. Его кроткая покорность меня напрягала, но, судя по всему, так он пытался отплатить за спасенную жизнь. Больше в шатре никого не было: лишь пару раз дети прибежали с сырым валежником, оставляя его сушиться на теплых камнях вокруг костра. Так что я не знала, сколько еще людей находилось в округе, и были ли среди них воины.

Я не заметила, как Мия осторожно потянулась ко мне, и вздрогнула, когда ее пухлые намозоленные пальцы коснулись повязки. В защитном жесте приподняла сжатые кулаки к груди. Только на инстинктах, за что стало стыдно. Мия смотрела на меня с сочувствием, не как на побитую собаку — как на ребенка, ободравшего при падении колени. И в этом сочувствии не ощущалось лжи или наигранности. Заставив свой разум работать, я осторожно потянулась к ее мыслям. Они оказались светлыми, лишенными так хорошо знакомых человеческих пороков. Сидя передо мной, она думала о кипящих над огнем истолченных травах, сне и меховой накидке, которую придерживала на ее плечах чья-то рука. Ни мести, ни злости, ни страха. И я поняла, что с радостью хотела бы оказаться на ее месте. Там, где всегда тепло и можно без страха закрыть глаза, когда кто-то обнимает со спины.

Но это не моя жизнь.

— Рану нужно обработать, а то останется шрам, — просительно произнесла Мия, выдергивая меня из ее мыслей, и я, сдерживая вдруг навернувшиеся на глаза слезы, только коротко кивнула в ответ.

Глава 9. Если позволишь

Киан

Кажется, дождь прошел, но я не сразу заметил, как гул и стук по крыше сменила

тишина. Все вокруг как-то терялось, и мысли тоже никак не желали собраться воедино. Я медленно расчесывал пальцами длинную белую гриву необъезженного молодого скакуна, вспоминая жизнь, которой, казалось, у меня никогда не было. Императорские конюшни, где мне позволяли проводить свободное от службы время, веселые вечера в припортовых тавернах — жизнь до рабства. Уже давно я об этом не думал — просто вычеркнул из памяти, — но сейчас, среди покоя и беззаботности кочевой жизни, воспоминания возвращались. Кажется, я просто искал способ не думать о настоящем. И у меня не получалось.

Будто почувствовав мое настроение, жеребец извернулся и вопросительно толкнул меня головой в плечо. Я провел рукой по его шее и почему-то улыбнулся, хотя от холода все тело пробрал озноб. Но я бы не нашел в себе сил вернуться к очагу в шатре, где осталась Эвели. Снова встретиться с Ее взглядом, в котором было столько разочарования. Она была права, не доверяя незнакомцу. Я же совсем не подумал о том, что Она всегда знает больше, чем можно увидеть или услышать. И если бы не оказалась тогда рядом, я точно был бы мертв.

Холодный ветер трепал свешенный набок полог, в темноте декадного дня прорезались слабые просветы. Я знал, что это ненадолго, и скоро небо вновь затянет черными-черными тучами.

Жеребец фыркнул и потянулся за сеном. Я тоже вспомнил о голоде, но не хотел отсюда уходить, не хотел шататься по лагерю между рядами палаток, повозок, шатров и отхожих мест, пытаясь найти себе хоть какое-то применение. Но пришлось: живот урчал, до жгучей боли скручивая внутренности.

Попрощавшись с жеребцом, я вышел на улицу, и в кожу мгновенно впиталась сырость. Подняв ворот мундира, я осмотрелся. Сейчас в лагере почти не было мужчин, только женщины сновали между неровными рядами, шелестя разноцветными юбками и пытаясь поймать балующуюся детвору. Стараясь остаться невидимым, я пригнулся и, перевалив через пустую коновязь, направился к шатру Мии.

Женщина отерла тыльной стороной ладони лоб и с наигранным неудовольствием отложила невыжатые мыльные простыни.

— Давайте я помогу, — предложил я, задергивая полог ее шатра.

Над костром дымились какие-то сухие корешки и травы, обтянутые грязно-серыми лентами, и от их запаха вдруг захотелось улыбаться.

Хозяйка задумчиво покачала головой, но согласилась и, раскатав рукава, без слов полезла за съестными запасами. Стало как-то стыдно отвлекать женщину, но я не мог просто вернуться в отведенный для нас троих шатер. Остаться один на один с Эвели. На это мне не хватит мужества.

Я со злостью одергивал топорщащиеся рукава, когда Мия посмотрела на меня так, будто увидела каждую мысль. Но ничего не сказала, поджала пересеченные старым шрамом губы и протянула мне кусок жирной речной рыбы. Поблагодарив, я вытащил нож и, опустившись на сундук, принялся отдирать шкуру. Кусок не лез в горло. Глаз от еды я не отрывал, но чувствовал, как на меня смотрят, и от этого становилось еще гаже.

В мутном блеске затертой стали я следил за своим отражением, а в голову все просились и просились глупые вопросы. Я так устал их отгонять, словно вернулся в ту пещеру после бунта — беспомощный и никому не нужный. Хотелось бы верить, что я ошибаюсь, что Эвели спасала и мою жизнь там, на площади. И я, распластанный на мощеной булыжником земле, не просто попался на глаза.

Пальцы почти не гнулись. Я тяжело вздохнул, не найдя сил взять себя в руки. Плечи опустились, и как-то слишком быстро накатила усталость: сказывались бессонные, проведенные рядом с Эвели ночи. Но я резко открыл глаза и, зевнув, уставился на затухающий огонь. Свежий хворост чуть дымился, и оттого, как только ветер сквозь щели сменил направление, защипало глаза. Вытерев о рукав слезы, я заметил, что на меня все еще смотрят.

Мия сложила на груди руки и едва заметно закусывала щеку. Одна рука теребила висящий на груди металлический оберег в форме какой-то птицы.

— Что? — не выдержал я, но вопрос прозвучал слишком грубо, и я на миг виновато опустил глаза.

Но Мия не обиделась, подошла ближе и, чуть помедлив, присела рядом со мной. Я почувствовал ее дыхание на лбу и напуганно вскинулся. Ее пухлые короткие пальцы легко легли на мое плечо и сдавили, заставляя расслабить мышцы.

— Скажи ей.

Слова застряли в горле. Мне захотелось вскочить и бежать до тех пор, пока не кончатся силы. Бежать от слов Мии, означающих, что она все видит. Как будто меня выгнали из последнего укрытия и разложили на земле. Без единой возможности увернуться от самого болезненного удара.

— Что... сказать? — осторожно спросил я, стараясь скрыть страх, на что Мия по-матерински улыбнулась и опустила руку к моей груди. Уверен, она услышала, как забилось мое сердце.

— Правду. Пока есть время, пока вы оба еще живы... Я ведь вижу, Киан, — я плотнее сжал губы и едва не порезался о нож, лезвие которого вдруг легло на открытую ладонь. — Неизвестность тебя убивает.

Я ощущал, как с каждым ее словом что-то меняется. Женский голос завораживал, избавляя от лишних мыслей, будто Мия, подобно жрецу, начинала ритуал. И мне бы не достало силы воли, чтобы его прервать. Запахи тлеющих трав становились насыщеннее, и птица-тотем, покоящаяся на ее груди, вдруг расправила крылья, колыша ставший вязким воздух.

— Не надо бояться.

Наваждение спало. Птичий силуэт развеялся в воздухе белым дымом, и я со страхом понял, что до этого даже не дышал. А теперь не мог сориентироваться и изумленно хлопал глазами, пытаясь понять, что произошло и кто сидит передо мной на коленях. Вначале женское лицо даже показалось незнакомым, и я успел испугаться. Но потом воспоминания вернулись. Мия еще раз улыбнулась, прощаясь, и, прежде чем подняться, осторожно разогнула мои пальцы, забрав как-то оказавшийся в руке нож.

— Сделай правильный выбор. Расскажи.

Словно в бреду, я поднялся на ватные ноги и взглянул на неглубокий порез поперек ладони — я даже не почувствовал боли. Вдохнул уже полной грудью, гоня прочь сомнения, и решительно сделал шаг наружу.

***

В лагерь возвращались охотники, которых счастливые дети встречали радостным нестройным гулом. Я маневрировал между собравшимися в стайки женщинами, которые — все до одной — глядели сквозь меня, с нетерпением высматривая отцов, мужей, братьев. Сапоги чавкали по подмерзшей грязи, и я злился, что приходилось идти медленно. Казалось,

каждая секунда промедления может что-то изменить, отобрать эту потаенную надежду на настоящую жизнь. На взаимность.

Мое сердце словно замерло где-то в глотке, когда я увидел у шатра одинокий женский силуэт. На мгновение мне захотелось просто обнять Ее со спины, почувствовать тепло, убедиться, что Она доверится и закроет в моих объятьях глаза.

Эвели стояла ко мне спиной, полуобняв себя за поднятые плечи, и в этом жесте было что-то уязвимое, потерянное. Я тихо сделал два шага к Ней, но по-прежнему боялся дать о себе знать. Не шевелясь и, кажется, не дыша, Она смотрела куда-то вперед, ветер трепал Ее темные волосы, в которых застряла пара иссушенных лепестков.

— Они счастливы, — неожиданно проговорила Эвели, и я вздрогнул от того, каким надломленным вышел Ее голос.

Быть может, Она даже не услышала меня, обращаясь к самой себе. Я лишь выдохнул, сглатывая горечь, и подошел так близко, что почти коснулся чужого плеча, следуя за Ее взглядом, и на секунду краем глаза запечатлел улыбку на осунувшемся выцветшем лице — в ней не было ничего веселого.

Между рядами шатров беременная женщина положила руки на широкие плечи мужчине и смеялась, наконец дотянувшись до его губ. С его волос на ее лицо капала дождевая вода, но женщина со страстью продолжала что-то ему шептать, и вдруг перехватила покоившуюся на ее талии руку, приложив мужскую ладонь к округлившемуся животу. Их взгляды были полны любви и радости, и теперь я тоже улыбнулся, хотя и чувствовал, как уголки губ с каждым вдохом опускались вниз.

— Оставили боль... ненависть. Нашли свой дом. Стали смыслом жизни друг друга. Обрели покой... — Эвели замолчала, наблюдая за тем, как будущая мать ведет мужа за руку и исчезает за рядами. — Я им завидую, правда. Наверно, по мне и не скажешь, что я способна на эмоции, но я тоже человек. Была когда-то... А теперь уже и не знаю, что позволило бы мне жить дальше... и чувствовать, что живу... — со страхом слушая голос Эвели, я не сразу заметил, как Ее тонкие, ободренные о камни пальцы сильнее сжались на предплечьях. Это казалось несправделивым: застать Ее здесь в такой момент, но уходить было бы хуже. — Все теряет смысл. Абсолютно все... — я сделал еще один шаг навстречу, пытаюсь найти хоть какие-то нерабские слова, извиниться за жестокие обвинения, пусть даже я никогда не умел говорить. Но с моих губ так и не сорвалось ни слова. Эвели вдруг повернулась, проникая в самое сердце немигающим остекленевшим взглядом. Ее глаза покраснели и сузились. — Ты остался... Зачем, если хотел уйти?

«Не хотел!» — я открыл рот, но с ужасом почувствовал, как в горле встал ком. И сквозь боль и панику, заставляющую сердце ухать, шагнул вперед, почти соприкасаясь с ней носами. Эвели не отступила, даже не напряглась, продолжая с отчаянием смотреть мне в глаза. На слипшихся коротких ресницах застыли слезы. Блестящие губы чуть подрагивали, на лбу собрались морщинки, а глаза... в этих темно-карих глазах было столько боли и жажды тепла, что я наконец решился ответить.

— Из-за... тебя... — голос не слушался, и шепот получился едва различимым. Я сглотнул и, понимая, что к прошлому пути нет, прижал ладони к ее щекам. — Потому что люблю...

С ресниц сорвались слезы — горячие-горячие, — касаясь моих огрубевших рук. И страх прошел. Прошла боль, все закончилось, исчезло, потеряло смысл, когда я нагнулся и коснулся ее губ. Я слышал, как Эвели шмыгала носом, стараясь сдержаться, и робко

ответила, как будто все еще боялась поверить. Не думал, что это может быть настолько больно: держать в объятиях свое счастье. Тело сводило судорогой от давно забытой, такой искренней нежности. Что бы ни было дальше, я никогда не буду об этом жалеть.

Холод исчез, остались только Ее горячие губы на моих губах. Только Ее холодные руки, опустившиеся на мою шею, только Ее дыхание на моем лице. Только здесь и сейчас. Пока мы еще живы. Пока не забыли окончательно, какой может быть жизнь.

Я не хотел останавливаться, но Эвели все сильнее начинала дрожать, совсем теряя самообладание. Оказывается, я тоже плакал, жмурясь до боли в глазах и боясь увидеть, как рассеивается желанный и недостижимый образ. Но, когда я мягко отстранился и открыл глаза, он не исчез. Эвели вдохнула, приоткрыв рот, и закачала головой. Я провел большими пальцами по линии заплывших прикрытых глаз, успокаивая, и крепко-крепко обнял. Это не было проявлением слабости — так выглядела человечность.

— ...всегда любил и всегда буду... — шепнул я. Подбородок Эвели лег на мое плечо, и я сам уже закрыл глаза, отдаваясь моменту без остатка. — Если ты позволишь...

Ее тихий ответ заглушил дождь.

Часть 10. Жертва

Эвели

— Я тебе не верю.

Но Киан как будто не услышал. Мои ладони легли на его грудь, отталкивая, пока по щекам текли злые слезы, которые я так и не смогла сдержать. На секунду захотелось забыться, и теперь эта чертова слабость всегда будет вспоминаться в кошмарах.

Киан разжал объятия, отступил, смотря словно сквозь меня. Как будто даже опарашенно, как будто не ждал подходящего момента, чтобы заставить довериться. Но зачем? За что нужно так сильно ненавидеть?

Я так злилась, что готова была его ударить. Один раз, два... сколько понадобится, чтобы сбить костяшки в кровь о его щетину. Стереть с лица это выражение мнимого сочувствия и обиды.

— Не верю, слышишь?! — Киан молчал, слизывая с губ капли дождя, но глаза загорелись вызовом. — Что ты обо мне знаешь, чтобы говорить такое? — Эмоции так и просились наружу. Такой позор — показать слабость, самой наметить уязвимые места, открыться... Для пылающих щек ливень казался ледяным.

«Дьявол! Ненавижу!» — кричало что-то внутри, подминая под себя самообладание. Рвало и метало, поднимая на поверхность все самое мерзкое и постыдное в моей жизни. Больше никакой апатии, никакого холодного рассудка. Внутри заворочился готовый к нападению зверь.

Вдруг Киан сделал решительный шаг навстречу, пытаюсь поймать мою руку, но я не дала. Ударила по протянутой кисти в попытке перекричать дождь:

— Еще после Нордона ты даже смотреть на меня не хотел! Словно мы вообще никогда друг друга не знали и противно даже просто находиться рядом с такой мразью, как я. А теперь говоришь, что любишь?! Как ты смеешь... как... ты...

Киан перехватил обе мои руки за запястья, а я замолкла на полуслове и сжала челюсти, готовясь не обороняться — атаковать. Но что-то в его взгляде заставило меня остановиться, и я в недоумении застыла, пытаюсь это понять. Хватка Киана немного ослабла, но когда я поняла, что можно было попытаться вырваться, Киан уже положил мои раскрытые ладони на виски и накрыл своими руками. Его сердце колотилось так же рьяно, как и мое.

— Загляни, если не веришь. Прошу тебя, — вопреки выработанной привычке, я не жала губы и не попыталась поставить его на место. Даже не подумала об этом. Потому что перед глазами было уже не его лицо, а я сама. Молодая, испуганная, милосердная — давний образ из его сокрытых воспоминаний, который я раньше и не пыталась уловить. Но сейчас Киан не пытался закрыться, и меня напугала неожиданная догадка. Неужели еще с тех пор? Тогда что означали последние недели?

Профессионально усиливая напряжение, я пробиралась через тягучие одинаковые воспоминания, наполненные смирением, и скупые на мечты мысли, едва удерживаясь от того, чтобы отстраниться. Слишком это личное, слишком много из увиденного раб предпочел бы унести с собой в неглубокую могилу. Но Киан позволил мне увидеть, а добровольное согласие открывало замки на любых дверях. Я вновь ощутила его преданность, в которой посмела усомниться, реакцию на мои прикосновения, на брошенный вскользь взгляд, на сдержанное беспокойство, наказания, ругань. Нет, такого я никогда не видела. В Нордоне, касаясь его лица в поисках причины побега, я была слишком взбудоражена знакомством с повстанцами, чтобы копать дальше. А все остальные, кто попадал ко мне на допрос и не мог оградиться, редко сохраняли светлые воспоминания на поверхности, когда оставались только боль и бессильная ярость. Но Киан... Осознанно или нет, все это бесчисленное множество мгновений последних лет было связано со мной. Каждое из его воспоминаний. Будто до того дня, когда я выкупила его и Келлу, не было ничего. Так или иначе, но я видела себя. Ноги, спину, лежащие на плечах волосы, напряженные руки, сжатые кулаки, но почти никогда — глаза.

Едва не потеряв связь, я выхватила из бегущих вне пространства и времени событий его обещание не предать — еще там, в степи, когда эйфория от находки захлестнула меня и не хотела отпускать. В то время как Киан боролся с самим собой, давая клятву не мешать и собираясь ее сдержать. Эхом зазвучали его вкрадчивые, полные веры слова, его попытка достучаться до меня перед казнью. Тесный чердак, дорога, еще несгоревший Нордон, когда Киан впервые посмотрел на меня прямо и понял, что хочет стать для меня... человеком?

От воспоминаний той ночи перед казнью начинало мутить, но Киан помнил только свою попытку потянуть для нас время и страх, когда в тюремный лазарет внесли полуживого Ариэна. Только страх — не ненависть или презрение, не разочарование, — когда понял, кто нанес эти увечья. А потом из всполохов адреналина, страха и напряжения я уловила заглушившее все прочие эмоции отчаяние. И, когда я поняла его причину, стало физически больно. Оно завладело мной с той же силой, что и Кианом, когда он увидел, как я, стоя у края обрыва, удерживаю от падения Ариэна.

Его глазами эта сцена выглядела совсем иначе. Я видела на своем лице мечтательную улыбку, которой, казалось, тогда не было, и тяжелый взгляд Ариэна, в котором горели едва заметные искорки. Солнце освещало наши лица, но я чувствовала до ужаса сковывающий холод под ребрами, не сразу вспомнив, что все это — лишь воспоминания. Настоящий страх появился, когда я поняла, что не чувствую рук и не могу остановиться.

Меня затягивало все дальше. Тяжелый разговор у костра, чувство безысходности, хлипкая надежда на лучшее, напуганный Нарк — тот беглец, которому я хотела отрезать язык, разочарование и попытка смириться со своим статусом, ярость и страх за мою жизнь, самобичевание и ненависть, откуда-то взявшаяся ревность. Я не могла выдержать все это сразу, но время не останавливалось, все сильнее ударяя по сознанию, пока я не увидела происходящее у шатра под усилившимся дождем его глазами. Для него я выглядела совсем

иначе, нежели видела себя в зеркале. Без изъянов. Мои глаза были закрыты, мышцы лица напряжены, но я больше не чувствовала своего тела — только боль, которую из последних сил терпел Киан сейчас из-за моего вмешательства.

«Очнись!» — прокричала я, кажется, чужим голосом, и на мгновение меня словно не стало. Но тишина пустоты быстро сменилась шумом косого дождя и собственным отрывистым дыханием.

Киан вздрогнул и, лишь раз взглянув на меня, в замешательстве отступил.

— Вот... ты уви... у... видела, — с трудом вытолкнул из себя Киан, и у меня защемило сердце. Да, я увидела даже больше. Больше, чем могла бы однажды мечтать. Хотелось извиняться снова и снова за ту пытку, которую испытал на себе единственный, кто всегда считал меня человеком. Несмотря ни на что. Я ведь тебя не достойна... Но даже сказать что-то просто не хватало сил, я лишь продолжала шевелить дрожащими губами, ловя воздух и пытаюсь хоть как совладать с захлестнувшими меня эмоциями. Со страхом, для которого не находилось объяснения.

Дождь усилился, но мы так и стояли без единого движения. Киан сразу как-то сдался, ссутулился, словно до этого что-то его подтолкнуло. Или кто-то, но это воспоминание оказалось вне моей досягаемости. Он больше не пытался напирать, но взгляд поднял. И усталые-усталые глаза посмотрели на меня из-под выгоревших бровей. Его лихорадило, и через вдох стучали зубы, но плечи не поднимались, и уже разжались кулаки.

Это было слишком. Сколько лет я воспринимала Киана как раба, невидимку, едва ли не вещь, сколько раз заставляла отринуть все человеческое? И как ему после всего удалось сохранить это светлое чувство, которого я не достойна?.. Но я поймала себя на куда более страшной мысли: что забыла бы обо всем на свете, отдалась ему целиком и полностью. И ужаснулась от того, что на это способна.

Видимо, шок и сомнения отразились на моем лице, и Киан понимающе, с безграничной тоской в глазах улыбнулся.

— Я никогда не предаю, не обману тебя... Но не могу больше оставаться для тебя лишь рабом, которого ты однажды пожалела.

Голос казался выцветшим, обезличенным, и Киан уже собирался повернуться, но я, даже не думая, попыталась схватить его за предплечье, объясниться. Рука легко соскользнула с намокшей ткани. Киан даже не заметил.

Я молча смотрела ему вслед, порываясь догнать и, повернув к себе, заглянуть в напуганные глаза. Коротко прошептать: «не оставайся». Но могла ли? Обещать ему, что не принесу еще больше боли, и себе — что пойду до конца?

Если это и правда был мой шанс, я его упустила.

Но эта близость... Как хождение по минному полю с поясом смертника. Я так не могу. Нет. Не сейчас. Много бы отдала, лишь бы забыться в этих крепких объятиях, но даже сейчас не могла себе этого позволить. Без разумных объяснений, без ожидания понимания и принятия. Прости, Киан. Но лучше так. Пока не поздно. Пока не струсил, бросая из-за тебя, ради чего решила жить дальше. Если бы еще дождался. Если бы знать, что не все сама же сейчас разрушила. Если бы объяснить...

Дождь смешался с градом, и стало еще холоднее, но ярость — абсолютная животная ярость — просилась наружу. Приглядев в паре шагов вбитую в землю толстую распорку, я, не примеряясь, врезала по оструганному бревну кулаком. Боль врезалась в костяшки, но не остановила, заставив зарычать и замахнуться снова. Острое жжение разогнало мысли, и я

резко распахнула глаза, с силой зажимая дрожащую покалеченную руку ладонью. Кожа между опухшими красными от крови костяшками натянулась, становясь сине-зеленой. Спокойно. Хватит. Надо остановиться, пока никто не увидел, нельзя показать слабость. Но легче почти не стало.

Косой мелкий град хлестал в лицо, и я, потеряв онемевшую руку, поспешила вернуться в тепло.

У костра, млея, с миской в руках полулежал Эрд. Мокрая одежда сушилась на вновь натянутых веревках. Пахло чем-то вкусным и жирным, но желудок лишь скрутило рвотным спазмом. В свободных сапогах хлюпала ледяная вода, и я медленно стянула их непокалеченной рукой, переворачивая вверх подошвами и насаживая на вбитые у костра колья. Здесь и правда было тепло, но тело продрогло словно изнутри, и начался озноб. Я расстегнула пуговицы и закуталась сильнее в мешковатый под мое телосложение мундир, смахнула с ресниц перемешанные с дождем слезы.

Навстречу мне уже шел обеспокоенный чем-то Ариэн. При виде его я вдруг вспомнила ту пару, совсем недавно привлечшую мое внимание, и почувствовала укол вины. Это они должны принять удар, если я отступлюсь от долга, если струшу и останусь в стороне? Чтобы огонь забрал еще столько же жизней? Или больше... Чтобы из-за моих эгоистичных желаний на дереве висельников не осталось свободных веток?!

Злость почти выплеснулась наружу, но я ее остановила, сжав кулаки так сильно, что натянулись края защиты раны. Никогда! Никогда больше не посмею поставить свою жизнь выше. После всего... она больше мне не принадлежала, и я не имею права ей распоряжаться. «Вначале солдат, потом — человек», — вдруг вспомнились мне наставления Роверана, вдальблываемые в сознание вместе с болью. Но теперь эти слова приобретали совсем иной смысл. Не будет больше чувств и желаний, не будет слабости, которая помешала бы достигнуть единственной цели. Цели, ради которой я должна отдать себя всю. Без остатка.

Я резко подобралась, сцепляя за спиной руки, и приготовилась слушать. Вначале нужно искупить вину, хоть так попытаться вернуть душу, и только тогда, я возможно — если останусь еще в живых — получу право на свое счастье.

— Все... в порядке? — вдруг остановившись в паре метров от меня, уточнил Ариэн. Эрд тоже как-то дернулся, недоверчиво посматривая мне за спину.

— Так точно, — я кивнула. Коротко и четко. — Что-то случилось?

На секунду Ариэн словно растерялся, и его лицо немного вытянулось. Но я искренне надеялась, что он не высматривал сейчас на свету мои недавние воспоминания. Совсем ни к чему говорить о том, что не повлияет на наши решения.

— Нет, но меня беспокоит то, что будет дальше, — словно о чем-то догадавшись, произнес Ариэн и как-то странно посмотрел на меня: с сожалением, в котором я более не нуждалась. — Ты ничем не обязана... это я не оправдал ожиданий и...

— Этот разговор у нас уже был, — не слишком тактично прервала я, не желая развивать эту тему при сомнительных посторонних, ненавязчиво греющих уши. — С тех пор ничего не изменилось. И, если тебя беспокоило только это...

— Только это, — подтвердил Ариэн.

— Тогда вопрос исчерпан.

Я села поближе к костру, вытягивая к пламени руки. Эрд удивленно уставился на мою кисть, едва не выронив пустую миску, но ничего не сказал.

— Есть еще один разговор, раз ты не изменила решения, — опять начал Ариэн,

принимаясь снимать с меня полностью намокший мундир. Минутой позже на плечи легло теплое одеяло. — Дождемся Киана и можем...

— Начни сейчас, — «или ждать придется долго», — хотела добавить, но промолчала, стараясь не думать о том, что Киан и вовсе может не вернуться. И все же, мой выбор был единственно правильным, честным.

— Ладно, — Ариэн запнулся, коротко посмотрев на меня, и сосредоточенно продолжил: — после окончания дождей нужно поторопиться к столице. — Не прерывая, я лишь глазами указала на сидящего совсем близко парня, и Ариэн, поняв мой вопрос, одобрительно кивнул. Оставалось только надеяться, что он действительно порылся в его воспоминаниях и убедился, что неудавшийся страж не затеял диверсию. — Ты говорила, нам помогут попасть в столицу...

— Семейство К'иорт, в Сперро. — Эрд коротко глянул на меня, прося уточнений и в то же время впервые давая мне возможность его рассмотреть. Пожалуй, я была не права, подмечая в этих обычных и не запоминающихся чертах что-то хищное.

Обгоревшая кожа медленно слезала с переломанного когда-то носа и лба, оставляя красные пятна, короткие жидкие ресницы, выгоревшие вместе с бровями, были едва видны, а на глаза то и дело падали ломкие светлые волосы. На военного он никак не походил внешностью — только выправка выдавала в нем воина. И прямой взгляд.

— Им принадлежит усадьба у самого устья Рейфа. Странно, что тебе не знакома эта фамилия. Несколько лет назад Служба все владения прошерстила в поисках беглых рабов и Темных. Я тоже там была. Говорят, они в последний момент успели всех попрыгать, и нам не повезло найти какие-нибудь следы.

Ненароком из общего бесстрастного пояснения я выделила местоимение, пытаюсь понять реакцию Эрда. На упоминании про беглых его лицо странно исказилось, что редко бывало с опытными воинами, умеющими держать маску до последнего. Меня удивило то, насколько отчетливо в изгибе губ и собранных на лбу складках читалась вина. Видимо, за то, что он и сам не так давно был по другую сторону. Конечно, этого было недостаточно, чтобы поверить, но я доверяла Ариэну, а он, в отличие от меня, был на ногах уже больше недели и уж точно не терял время зря.

Заметив, что его разглядывают, Эрд вскинулся и, помолодев с этим жестом лет на пять, показательно сложил на груди руки.

— В общем... с твоего позволения, — Ариэн привлек к себе мое внимание и медленно опустился рядом, потянувшись за болтающейся в нагретом котелке ложкой. — Эрд разведчик.

— Я был разведчиком, — сразу же своевременно вмешался парень, — и могу показать дорогу, на которой точно не будет стражей.

— Зачем? — резко и напористо спросила я, и обстановка вновь стала напряженной. — Я не слишком тебе верю.

Без усмешки, просто констатация факта. Совсем нет смысла провоцировать, когда честность ответов можно почувствовать ментально. А сидели мы почти что близко, в эту паузу не отрывая друг от друга глаз. И это тоже многое значило: я бы не приняла собеседника за равного, отведи он после моего вопроса взгляд.

Эрд не отвел. Ответил без вызова и тоже на военный манер.

— Потому что хочу исправить свои ошибки, — парень помедлил, словно решаясь. — Как и ты.

И в его ответе я не уловила лжи. Только внутри как-то тоскливо заняло сердце от разочарования, что не Киан сейчас рядом, но я быстро прогнала эти мысли. Лишние и слишком пугающие.

— Допустим. Что дальше? — спросила я, обращаясь к Ариэну. В этот момент он осторожно размешивал закипевшее содержимое котелка.

— Дворец я знаю. Все тайные лазы, проходы... нужно только не выдать себя у ворот.

— Эту проблему я решу, когда доберемся до Сперро, — заверила я. Хотя попытка довериться не совсем чтобы надежным людям могла стоить нам жизни. Все же, когда входов в столицу всего два, на небдительность караула даже не стоило рассчитывать. — Но как мы обойдем дворцовую стражу, и... что потом? В смысле, как...

— Я тоже об этом думал. Не знаю, — Ариэн склонил голову и зажмурился. — Он был моим братом, и я его ненавижу. Но...

Я тоже не могла представить себе эту сцену. Когда по прошествии десяти лет заклятый враг пускает корни и обзаводится детьми... На какое-то мгновение месть показалась нелепой. И Ариэн тоже поубавил пыл, все шурясь, словно что-то разглядывая.

— Я слышал, его старшая дочь много приговоров смягчила. Несмотря на непримиримость императора, — слишком невовремя заметил Эрд, отвлекая нас обоих от тяжелых размышлений.

Ариэн проигнорировал его замечание, с тоской посмотрев сквозь меня, и, вложив мне в руки миску, наполненную до краев густым супом, неловко поднялся.

— Думаю, стоит оставить этот разговор. Я... — он с сомнением посмотрел на меня, будто искал подходящее слово, и выдал: — не готов.

Я не стала настаивать. Голод дал о себе знать. Но грибной суп, который я медленно хлебала деревянной ложкой, не имел никакого вкуса.

— Зря ты это сказал. Легче ему точно не станет, — произнесла я, не глядя на Эрда. Кажется, он был со мной не согласен, но тактично промолчал.

По навесу уныло тарабанил мелкий град, почти заглушая тихое бормотание в противоположном углу шатра. От меня не укрылось, как постепенно исчезала в глазах Ариэна уверенность, но боялась сделать хуже. Я ведь это умею.

Когда разговор закончился, тело непроизвольно расслабилось, и в голову опять полезли непрошенные мысли. И уже не уходили, заставляя вздрагивать и выворачивать руки. Ариэн здесь, и он не отступится, наверняка как и я, чувствуя на шее удавку совести. Мне тоже хотелось волноваться о предстоящем пути и решать, на кого можно было положиться в восстановлении справедливости. Но не получалось. Не находилось желаний испытывать Эрда, который продолжал вполглаза за мной следить. Град уже настойчиво забил по крыше, и стало очень холодно. Я натянула к подбородку одеяло и устало закрыла глаза, проваливаясь в свои кошмары.

В бреду я снова и снова хватала стоящего под дождем Киана за руку и решительно поворачивала к себе, наталкиваясь на пустые глазницы.

Ариэн

Оказывается, здесь было совсем нечем дышать, и я уже почти решил выйти под град, но вовремя одумался. И так с трудом удалось избавиться от рвущегося из груди надсадного кашля. Глазница зудела изнутри, и я подрагивающими руками зачерпнул из бадьи дождевую воду. Тут же мое внимание привлек Эрд, прислоня указательный палец к губам и показывая глазами на Эвели.

Эвели... Что-то сильно ее покорило, но я не рискнул вмешиваться. Теперь жалею. Если всегда показывать силу, уязвимость будет слишком унижительно, по себе знаю. И все-таки жалею, что не спросил, что случилось с Кианом. Ко всему прочему примешалось чувство вины: в конце концов, это я заставил его дать обещание уйти. Эвели поправилась, и, похоже, Киан его исполнил. Только злости на него я уже не чувствовал, совсем тогда позабыв, чем был ему обязан. Но все воспоминания после смерти Маркуса тогда, вслед за бойней на арене, и моего наказания все больше теряли четкость, походя на перемежающиеся с грезами кошмары. И сейчас казалось, что события последних месяцев, изменившие для меня все, не могли произойти в реальности. Я тряхнул головой в попытке поставить мозги на место.

Эрд медленно поднялся, поправляя кончик покрывала, которым с головой укрылась Эвели, и прихрамывая подошел ко мне.

— Если хочешь, могу выпросить у местных чего крепкого, — вполголоса предложил Эрд.

Но вместо выпивки мне до жути захотелось остаться в одиночестве и просто расслабиться, потому что сил на борьбу уже не оставалось. Напряжение никак не желало спадать, и теперь нечем было занять голову, чтобы об этом не думать. Эрд все еще встревоженно ждал ответа, а я стыдливо и совершенно не к месту вспомнил, как давно в последний раз чувствовал удовольствие в постели с женщиной: в бараках и подсобках, когда тягучее желание подстегивал страх разоблачения и неизменного наказания.

— Женщина тебе нужна, — вздохнул парень, пугающе точно определив вдруг возникшее желание, но я предпочел промолчать, резко опуская руку к паху. — Бывает...

— Замолкни, — не выдержав его сожаления, оборвал я. Желание тут же спало, но мерзкое чувство разочарования все еще валило с ног.

— Извини, я хотел как лучше, — Эрд поднял открытые ладони и отступил. Но все же он был прав: нужно отвлечься хоть на мгновение, не думать о том, как избежать крови и не подставить тех, кто доверится, как быть с семьей брата и старшей дочерью, которая совсем на него не похожа? Кто из знати еще помнит меня и поддержит мое право на престол? И достоин ли я, потерявший вначале свободу, а теперь — дар, вообще чьего-либо доверия?

Единственная поддержка, на которую я смел рассчитывать — Эвели. И это все больше меня пугало. Я заглянул Эрду за спину, чувствуя острую необходимость ее увидеть, но и этому желанию было не суждено сбыться.

Когда-нибудь я скажу ей о том, что меня гложет, но это будет не сегодня. В таком состоянии Эвели вряд ли по-настоящему меня услышит.

— Эй, Эрд, — тихо позвал я, останавливая парня на полпути к выходу, он недоверчиво покосился на меня, но тут же остыл, столкнувшись со мной взглядом, — если твое предложение еще в силе... Я согласен.

***

Оказывается, весь лагерь праздновал возвращение мужчин с охоты. И довольно шумно, раз иноземные напевы прорезались даже сквозь шум дождя. Язык лишь отдаленно напоминал общеимперский, только более мягкий, глубокий и эмоциональный. Кажется, в нем не нашлось бы ни одного грубого слова. На миг я задумался, а откуда вообще они пришли, так сильно отличающиеся от нас, лишённые предрассудков, ярости и презрения, но вместе с тем решившие остаться на нашей земле? Может, Мия поведала бы мне часть этой тайны, попроси я ее сейчас? Я улыбнулся сам себе — конечно, нет. Подобно нашим жрецам,

владеющим особым неведомым даром, она не поможет мне решить еще одну загадку этого мира. Слишком много в мире вопросов, на которые можно всю жизнь искать ответ. Одним больше, одним меньше.

Под высоким навесным потолком клубился белый дым, а над тремя очагами на вертелах зажаривалась крупная дичь. Хмель быстро поглотил сознание, и после пары кружек я уже не различал сидящих вокруг меня по лицам. Среди мелькающих разноцветных силуэтов я уже давно потерял Эрда, и просто продолжал веселиться, слушая похабные шутки под перебор расстроенной гитары. Два или три десятка кочевников порхали вокруг длинного узкого стола, на котором почти ничего не осталось. Фоном звучали залиvistый женский смех и шипение жира на раскаленных углях. Голова кружилась от травяного запаха, и тело вновь подчинилось желанию. Чьи-то тонкие пальцы касались моих волос, и от напряжения становилось даже немного больно. Я расслабился, отдаваясь ощущениям и попутно расстегивая пуговицы, сдавившие шею.

Кто-то пронесся мимо, шурша юбками и проливая на мои брюки часть настойки, но я даже не дернулся, не замечая больше ничего вокруг. В голове было абсолютно пусто, и это давало возможность почувствовать свободу. Чуть приоткрыв глаз, я мягко взял за руки женщину, сидевшую рядом со мной. Ее узкое лицо в обрамлении темных вьющихся волос смутно казалось знакомым, кажется, это она все время кружилась вокруг с тех пор, как нам позволили остаться.

Заметив мой взгляд, наверняка затуманенный, она повлекла меня за собой, помогая подняться. Мир закружился, а по телу побежали мурашки. Ее пухлые накрашенные губы сводили с ума, заставляя из последних сил сдерживать стон, но истома уже разлилась по всему телу. И я только блаженно зажмурился, на миг теряясь в пространстве.

— Мы... скоро уедем, — прохрипел я, когда мы оказались наедине в ее маленькой палатке. На входе мне пришлось нагнуться, и я тут же едва не упал, хватаясь за тонкие ветки распорок одной рукой и за нее — другой.

— Я знаю, — тихо, но страстно прошептала она мне в ухо.

Я положил ладони на ее бедра, жадно целуя в шею и опускаясь вместе с ней к полу. Маленькие язычки огня от только что зажженных свечек расплывались, превращаясь в яркие атласные ленты. В затылок теперь упиралась крайняя распорка палатки, шею щекотал густой длинный мех. От избытка давно забытых ощущений я потерял возможность двигаться и, только жмурясь в предвкушении разрядки, ловил ощущения. Женщина перекинула через меня ногу, осторожно развязав шнуровку на моих штанах, и коснулась покрывшейся мурашками кожи горячими пальцами. Тело отреагировало, и я выгнулся в пояснице, цепляясь руками за ее талию. Она наигранно застонала, хватая меня крепче и уверенней, и я наконец очнулся от хмельной полудремы.

Удовольствие было томительным и таким желанным, но, когда я без цели посмотрел на светящееся в полумраке лицо, оно исчезло. На мгновение — всего на одно короткое мгновение — я увидел совсем другие черты лица и быстро дернулся в сторону, едва не сбросив с себя напуганную женщину. Неожиданное и такое ясное видение ошарашило, но заставило прислушаться к настоящему желанию. Признать, кого единственного я хотел бы видеть рядом с собой.

Буркнув какое-то невнятное извинение, я выскочил из палатки и, кое-как поправив одежду, прикрыл руками голову. По телу бродило неприятное чувство, которое не получалось сбросить. словно я предал человека, который никогда не требовал от меня

доказательств. Но теперь я понял причину, по которой не пропадало ощущение неполноценности. И одно только знание сделало меня почти свободным. Столько времени не видеть главного, а теперь понять... действительно понять, как сильно меня изменила бескорыстная доброта.

Сердце забилось громче, мешая дышать и вторя сумасшедшему порыву, но я уже не мог остановиться. С трудом разбирая в темноте дорогу, я добрался до нашего шатра и едва не упал, у самого входа поскользнувшись на грязи. Колени глухо ударились о застеленную ковром землю, на ладонях выступили капельки крови. Голова опять пошла кругом, и я лишь засопел, пытаясь найти то, за что мог бы ухватиться. Пульсация от паха поднималась к груди и заставляла дрожать пальцы. Мне не хватило сил даже обернуться, чтобы удостовериться в отсутствии лишних глаз. Я просто, тяжело хрипя, шел вперед, к огню, возле которого спала Эвели. Теперь на ее лицо падал свет, и я видел каждую мелочь. Наметившуюся над переносицей глубокую морщинку, поджатые тонкие губы, подрагивающие ресницы, на которых застыли слезы. Кто-то сделал ей больно, но я все исправлю. Я сделаю ее счастливой, свободной, живой.

Мне хотелось кричать от счастья, от осознания того, что я нашел лекарство от всего. Любую боль можно пережить, если рядом есть любимый человек. Все, что может случиться. Только так, только вместе.

Неловко опустившись рядом с ней, я с нетерпением отыскал в складках покрывала ее замерзшие мозолистые руки, сжатые в кулаки, и взял в свои. Сейчас для меня они были самыми нежными, нежнее шелка. Эвели улыбнулась и легонько дернула головой, размыкая тонкие бледные губы. Она была так красива в этот момент, что я не выдержал и коснулся ее губ своими. Напористо, с мольбой, тут же обнимая за плечи. И, когда почувствовал ответ, уже не смог сдержаться, крепче сжимая ее в своих объятьях и сходя от этой неожиданной близости с родственной душой с ума.

Но радость длилась секунды. Неожиданный оглушающий удар по уху заставил дернуться в сторону, опрокинув бадью с водой, и застонать от боли. Я грохнулся на бок, зажимая ушибленное место, и попытался сфокусировать взгляд на Эвели, после ответа на поцелуй вдруг давшей такой отпор.

— Ариэн? — в ее хриплом голосе было столько разочарования, что я потерял возможность дышать. Вдруг стало тяжело смотреть ей в глаза. Даже больно. — Ты что творишь?

Я поджал под себя ноги, опираясь о балку и хватаясь за пульсирующие виски. Зрение восстанавливалось медленно, а к горлу подкатывал горький ком. Все-таки я слишком давно ничего не пил.

— Ариэн! — позвала Эвели, судя по звуку, заворачиваясь в покрывало и, кажется, пригнувшись. Я разлепил веки, перекатываясь на колени и ловя ее руку.

— Я... просто хотел сказать тебе... то, на что раньше не хватало сил, — мысли так сильно кружились в голове, что я не заметил ни усталости в ее взгляде, ни напряжения. Мне важно было сказать обо всем, что занимало мои мысли, будто секунда промедления может стоить жизни. — Я бы так и остался никем, если бы не ты. И я...

— Пожалуйста, не надо, — тихо прошептала она, не дав мне договорить, и мягко отстранилась. Ее глаза блестели — то ли от дыма, то ли от слез, — а я не понимал, почему она вдруг с такой мольбой просит остановиться.

— Почему? Ты считаешь, что долг превышает всего? — Эвели опустила голову, не

решаясь опровергать мою догадку. Зажмурилась и подняв плечи, всхлипнула так, что у меня сжалось сердце. — Но я... так благодарен тебе, только сейчас это понял. Я уверен и хочу, чтобы ты знала...

— Остановись, пожалуйста.

— Но почему?!

— Потому! — вдруг взорвалась она, сдергивая с себя покрывало. — Потому что я... я... Киан... — едва сдерживая слезы, прошептала Эвели его имя, и я замер. Кажется сердце должно было остановиться от осознания того, что она хотела сказать. Но я смотрел в ее глаза, наполненные тоской, и не мог думать о своих чувствах. Обрывки того, что я вопреки своей воле улавливал в ее воспоминаниях, состояли из череды надежды и разочарования. Даже страха, причину которого я понять не мог.

Эвели — сильная женщина, никогда не позволявшая себе показать слабость, — спрятала лицо в ладонях и беззвучно заплакала. Я не посмел ее упрекать. Сознание прояснилось, и я кое-как осторожно придвинулся к ней, обнимая правой рукой и стараясь успокоить. Сразу стало не до желания, не до собственной боли. Как же все-таки поломала нас жизнь...

— Тихо, тихо... — почти беззвучно прошептал я, чуть покачиваясь из стороны в сторону. Неожиданное откровение отрезвило, и теперь я чувствовал жуткую неловкость от того, что застал ее в таком состоянии. Но просто обязан был как-то помочь.

— Он ушел... ушел... — с трудом выговорила Эвели, утыкаясь мне в грудь. — Я сама... ему поз... волила.

Дождевая вода капала с моих волос на ее шею, и я осторожно натянул покрывало выше, опрокинул голову назад. Перед глазами забегали зеленые точки, и я сосредоточился на них, стараясь не пустить в сознание ее воспоминания.

В костре трещали догорающие поленья, и я потянулся к сухим запасам, кладя на угли срубленные палки. Огонь вспыхнул, и я ощутил, как лицо обдало жаром.

Мы сидели молча — возможно, целую вечность, — все еще покачиваясь вперед-назад, пока Эвели прятала от меня слезы, но так и не решалась оттолкнуть. А я почему-то не чувствовал разочарования, хотя и должен был. Наверно, потому, что в глубине души знал: на Киана она всегда смотрела иначе, чем на меня, и не решился бы разрушить связь между ними ради собственных желаний, особенно зная, скольким им обязан. Это было бы просто нечестно. Я же хотел сделать ее счастливой, но тогда зачем...

— Почему ты его отпустила? — осторожно спросил я, заметив, что Эвели больше не плачет. Я не собирался упрекать, но голос сам по себе дрогнул. — Испугалась? — предположил я, не решаясь уточнить.

Она отняла руки от лица и отсутствующим взглядом уставилась на огонь, опять поджав губы так, что уголки сползли вниз. Мне показалось, что она и сама не знает ответа.

— Нет, — ответила четко и глухо и, я почти уверен, соврала. Да и не страшно, что мне: но ведь и себе тоже. — Я просто не могу... Пока все не кончится... — безжизненно ответила она, подтверждая мою догадку. Я убрал руку с ее плеча и, чуть подвинувшись, сел напротив. Ее щеки, на которых блестели подсыхающие дорожки слез, покраснели, почерневшие глаза превратились в две узкие щелочки. Я заметил, как она осторожно сжимает правой рукой левую, на которой виднелась запекшаяся кровь.

— Что «все»? — уточнил я, подтягивая упавшее покрывало к ее плечам, но уже догадывался. Хладнокровие — это тоже своего рода проклятье, видимо, после него слишком

сложно довериться обычным чувствам.

— Это... — неопределенно пожала плечами Эвели, все так же не поднимая на меня взгляда и время от времени надолго прикрывая глаза. — Мой долг — отплатить за сохраненную жизнь, и я не могу позволить себе...

— ...любить? — удивленно закончил за нее я, почувствовав, что она не может заставить себя произнести это слово. Эвели кивнула и сникла, натягивая покрывало еще выше, словно пыталась за ним спрятаться. Я подобрался, стараясь придать голосу уверенности: — Эвели, любовь — это не слабость.

— Она делает меня уязвимой...

— Тебе страшно довериться? Ты же знаешь, что Киан никогда тебя не предаст.

— Не предаст... — повторила за мной Эвели, но так, словно не понимала смысл этих слов. — Но я могу... — она напряглась и резко вскинулась, с вызовом распахнув глаза. — Как мне быть, если встанет выбор? Если опять заставят выбирать? Ничто не должно мне помешать... никто.

— Тебе не придется выбирать одной... когда ноша слишком тяжелая, ее нужно с кем-то разделить. С тем, кому ты доверяешь. Разве Киан не заслуживает твоего доверия? — слова сами выстраивались в предложения, неожиданно точно донося вложенный в них смысл. Я чувствовал, что прав, и это придавало уверенности.

Эвели не ответила, но задержала дыхание, вновь опуская голову. Все-таки услышала. И я почувствовал совершенно искреннюю радость за Эвели, потому что она этого заслуживала. Как бы только и ее заставить это понять?.. После всего кошмара, что сопровождал ее жизнь, после предательств и боли, разочарования и страха ощутить близость, чтобы вновь лишиться дорогих людей, она заслуживала покоя, который может дать взаимная любовь. А в том, что Киан тоже не находит себе места, я больше не сомневался. Все становилось на свои места.

— Послушай, — попросил я, привлекая ее внимание, — не надо ждать, когда станет лучше. Повод отказаться от счастья всегда будет, а ты его заслуживаешь. И это не лесть, — твердо прервал я ее попытку поспорить. — Возможно, наше время уже заканчивается, но рядом с любимым человеком оно покажется вечностью. Будет чего-то стоять, слышишь? Я знаю, о чем говорю.

— Прости... — отозвалась Эвели, видимо, по-своему истолковав мои слова и, очевидно, не поняв их смысл.

— Не надо извиняться передо мной. Я просто благодарен тебе за все, что ты сделала, и хочу хоть как-то отплатить. Потому что не могу смотреть на то, как тебя ломает.

Как-то сразу я вспомнил ее сегодняшнюю попытку проявить стойкость. Почти удачную, если бы я ее не знал. А в глазах опять появилась эта отрешенность, с какой смертники ступают на эшафот. Такими же пустыми были ее глаза в то утро, когда мне накидывали петлю на шею. Когда даже на страх уже не осталось сил.

— У тебя есть право любить. Жить человеком, а не солдатом на войне. Я не позволю тебе рушить свое счастье ради ошибок прошлого.

— Но я тебя не оставлю, — решительно отозвалась Эвели, упрямо поджимая губы.

— Не оставляй. Просто пойми, что я не заставлю тебя выбирать. И упрекать не буду за то, что позволила себе чувствовать. Ты свободна, и никто больше не сможет эту свободу у тебя отнять, — я чуть наклонился к ней, но, удостоверившись, что Эвели меня слушает, продолжил: — Не вини себя за то, что невозможно исправить, и не наказывай. Ведь Киану тоже больно и тоже страшно, — Эвели как-то удивленно и нервно закивала на последних

словах, едва заметно застонав, и улыбнулась. Так беспомощно что ли, мягко.

— Ты меня насквозь видишь, да?.. — грустно спросила она, пряча от меня глаза.

— Просто знаю это ощущение, когда совсем не хочется жить и страшно вновь начать во что-то верить.

Эвели больше не улыбалась, закрыла припухшие глаза, поджимая губы, и потянулась руками к огню. Я последовал ее примеру. Осторожно вытянул ноги поближе, чувствуя, как по-тихоньку отпускает. Сильная получилась встряска, так что сразу стало клонить в сон. Хотел уже устроиться поудобнее, но Эвели молчала, даже не шевелилась, не моргая смотря на огонь.

— Хочешь, чтобы я оставил тебя одну?

— Нет, останься, — она пододвинулась ко мне и положила голову плечо. — Спасибо... за все...

— Не благодари, — искренне улыбнулся я и пообещал: — Просто знай, если что, я всегда буду рядом.

Ее дыхание постепенно стало глубже и ровнее, я и сам не заметил, как начал засыпать, но поборол это желание, и осторожно уложив Эвели на бок, поднялся. Надеюсь, наш ночной разговор действительно что-то изменит. Я смотрел на нее сейчас, вымотанную до предела, похудевшую после нашего побега так, что еще сильнее заострились скулы. И все-таки она улыбалась во сне. Едва уловимо, но я заметил.

На душе было легко, и выпивка не имела к этому никакого отношения. Я выпрямил затекшую спину и, накинув на плечи еще не высохший плащ, направился на поиски Киана.

Мой внезапный порыв сейчас казался глупостью, а не трагедией. Не думал, что будет так просто отпустить, если вдруг... да и вообще никогда не думал, что смогу так привязаться. Но эта невидимая глазу зависимость не обременяла, наоборот, вдохновляла, как и ее обещание меня не бросить. Я знал, что это правда, и был благодарен за то, что даже в такой момент Эвели не забыла обо мне. Не отступила. Но принесла при этом жертву, которую я и не подумал бы от нее требовать. Вот, что мне хотелось изменить, чем помочь. Так что я не стеснялся настойчиво звать Киана по имени, проходя мимо рядов пустующих палаток и шатров. Не так давно я заметил, что у него есть одно маленькое увлечение, которое он сохранил еще со времени службы моему отцу, но о котором никому не рассказывал. У Киана даже любимчик появился: молодой вороной жеребец, которого здешняя детвора прозвала Молнией. Когда мы начинали спорить об их с Эвели стычке в лесу и том трусе, который при первой же возможности нас бросил, Киан обычно всегда сбегал сюда. А я слишком сильно напирал, давя на чувство вины, которого, как я думал, он не испытывает.

Оказалось, все куда сложнее... И одновременно проще.

Приметив в темноте через стену дождя очертания конюшенного ряда и услышав тихое ржание, я прибавил шаг. Даже если сейчас Киан не здесь, есть целая ночь для ожидания — в компании не самого дружелюбного к чужакам животного. Не страшно. Главное только не продрогнуть до костей в мокрой одежде. С этими мыслями я откинул тяжелый полог в сторону, пропуская внутрь призрачный ночной свет.

Но за шумом морозящего дождя не пряталось ни тихое сопение, ни цокот копыт. Даже не всматриваясь в темноту, я понял, внутри никого нет.

Часть 11. В последний путь

Ариэн

Недоумеваю, я вглядывался в темноту, вылавливая из нее сколоченную из рубленых веток коновязь, одеяла, упряжь. И не мог понять, откуда такая решимость? У Киана... Внутри что-то неприятно оборвалось, когда я наконец понял, что не смогу помочь единственным близким людям. Из глубины так и норовила выползти тоска, собирая воедино все прошлые неудачи, но я не мог ей поддаться. Не сейчас. Сделал шаг назад — под холодный колючий дождь — и взглянул на слабые мелкие прорехи в полотне облаков. Он ведь не успел далеко уйти — в ночь, еще и под дождь. Эта мысль почти не успокоила, и я побежал, приводя в себя всех, кого успеваю заметить. Но надежда таяла быстрее комьев града под моими ногами: в такое чахлое утро после бурной ночи никто не смог узнать даже меня.

Наверное, со стороны это выглядело донельзя глупо, но ничего большего я придумать не мог: любые следы на земле уже смыло дождем. Мерзкое ощущение опустошения после данного Эвели ночью обещания вкупе с передержанной выпивкой мешали ясно мыслить. Я лишь нервно озирался по сторонам, остановившись посреди нестройных рядов палаток. Один. Прислушался, надеясь застать тех, кто уже проснулся или еще не засыпал. Из того самого шатра, куда меня вчера позвал Эрд, доносились несвязные разговоры, но это казалось всяко лучше нетрезвого бормотания.

От дыма горячий воздух так загустел, что я ничего не разглядел под ногами и неловко споткнулся обо что-то, наугад выбрасывая вперед руки.

— Осто... рожно! — ойкнул кто-то, зло отпихивая от себя мою руку. Я оперся о скамью и поднялся с колена, быстро стряхивая с волос и одежды ледяные капли и протирая заслезившийся глаз. Из-за спины на меня тихо зарычала крупная гончая, но тут же затихла, признав своего, и ткнулась носом под локоть.

— Чего надо? — недовольно спросил другой, чей силуэт едва угадывался около затухающего костра, и свистнул, зовя гончую.

Хмель заглушил даже запах благовоний, которые любила жечь Мия. От почти затухших очагов пахло паленым мясом. Я мельком глянул под ноги, сквозь плотный белый дым замечая блики на разбросанных тут и там стеклянных бутылках. Кажется, по углам пряталось человек десять-двенадцать, из которых только двое были в состоянии меня слышать. Отчаяние прошлось ознобом по телу: кто за таким гуляньем вообще заметит пропажу?

— Кто-нибудь видел Киана? — с надеждой спросил я чуть громко, почувствовав, как дерет после крика горло.

— К-кого? — с искренним удивлением переспросил тот же мужчина, кажется, даже не смотря в мою сторону.

— В обмундировании Службы, белокурый.

«Угрюмый и молчаливый», — едва не добавил я, раздраженно смотря по сторонам и все больше убеждаясь, что Природа явно сводит со мной счеты, обрывая под самый корень любое начинание.

От терпкого запаха начала кружиться голова так, будто я снова перебрал. Хорошо, ближайшая ко мне распорка выглядела достаточно крепко, чтобы о нее опереться.

— Ну же! Хоть кто-то, может, видел его ночью? — Мне с трудом удалось остановиться, чтобы хоть как-то успокоить бьющееся в глотке сердце. Плохое предчувствие до боли сводило скулы — даже знание, что непременно случится что-то плохое, если мы не догоним Киана. Я опять попытался сквозь дым разглядеть остальных, но на меня смотрели только двое: недовольно и в то же время равнодушно. — Пожалуйста.

Мужчина — тот, которого я задел на входе — подтянулся к распорке и протер засаленным рукавом глаза, другой рукой потянулся к почти распитой бутылке.

— Киан... — неопределенно прохрипел он, заглядывая в горлышко и поднимая бутылку доньшком ко мне. — Так... э... был, да. Домой поедет, ска... зал.

— Угу, — утвердил второй.

Домой? Это слово как-то резко меня остановило, оборвало на полуслове, заведя в тупик. Я не смог сразу поймать зародившуюся и тут же угасшую мысль, а потом понял: может, у меня бы и не вышло его остановить. Я ведь почти ничего не знаю, вдруг сам ошибся в том, что могло быть лучшим для них обоих?

Недавние воспоминания о том, как Эвели неожиданно пугливо куталась в одеяло и смотрела на меня, засыпая, причинили непонятную боль. Как и воспоминания о собственном гневе, когда я тогда — декады две назад — едва не проклял Киана на берегу реки за его слова и действия. Нет, он все еще любит, не может не любить, я же видел. А еще обещал Эвели, что выбирать больше не придется, дал слово, что помогу, а теперь... Очередное поражение, которое придется проглотить.

— Домой — это куда?

— А мне откуда з... нать? — беззлобно спросил мужчина. — А... ну, встань с моего плаща, эй!

По телу неприятно расплзалась усталость, и я сильно сжал переносицу в попытке привести мысли в порядок, прежде чем выйти. По волосам медленно потекла холодная вода, капая за шиворот, и я, не представляя, что говорить и делать, почти не разбирая дороги, поспешил к Эвели.

Эвели

Дурной и неприятный сон никак не хотел меня отпускать, и когда я наконец вырвалась, тело пронзила досаждающая боль. Затекшие мышцы ныли, а лоб и волосы были мокрыми от пота. Спросонья вчерашний день тоже показался сном. Ариэн обещал помочь... с чем-то... Я схватилась за раскальвающуюся голову, едва открыла глаза. Сквозь слипшиеся ресницы все вокруг показалось сплошным чернильным пятном. Огонь погас, и, оказывается, ноги даже в шерстяных чулках жутко заledenели. Усталость давила на виски, я не сразу пришла в себя, и едва не подпрыгнула на месте от страха, наконец, отделив реальность от приснившегося кошмара.

— Я же его оставила... — вырвались сами собой слова, когда я глянула вглубь шатра — в уголок, где ночевал Киан. На душе опять заскреблись кошки. Как же я жалела, что, даже увидев себя глазами Киана, не нашла в себе сил его остановить. Как солдат на войне: никаких привязанностей. И я позволила себе вчера зацепиться за эту мысль, словно шагнула к обрыву... и сорвалась — настолько пугающим казалось это недавнее решение теперь. Если бы не Ариэн... Я бы окончательно потеряла себя. Ведь так бы и случилось.

«Не надо бояться», — приободрилась я, наспех зачесывая за уши волосы и поднимаясь на колени. Я все исправлю, если Киан позволит. Пока мы оба еще живы, я не должна быть верна одному лишь долгу.

Губы тронула мечтательная улыбка, а в глазах застыли слезы. Было почти не страшно признаться самой себе в том, что из меня вышел не самый хороший солдат. И не самая сильная женщина тоже. Но я так устала просто быть сильной, принимать решения за себя, за других и нести эту ответственность в одиночку. Ариэн говорил правду: мне очень хотелось разделить эту ночь и получить взамен нечто большее, чем просто существование.

В полумраке я нашарила брошенную рядом одежду и принялась спешно натягивать на себя, думая, что скажу ему. Представляя, как обниму, отвечу на поцелуй и признаюсь, что люблю. Что не смогу жить как прежде, если его не будет рядом со мной.

Как-то слишком резко в голове родилась странная и слишком несвоевременная мысль, но вместо того, чтобы ее отбросить, я непроизвольно начала расчесывать руками волосы, пытаюсь придать им хоть какой-то вид. Киан за четыре года — уже почти пять — видел меня и злой, и уставшей, и раздраженной, играющей на публику очень жестокие роли, но все равно сочувствовал. Видел измученной и совсем не женственной в этой чертовой форме, которую я все равно не смогла бы променять на чуждые и неудобные бальные платья. Но почему-то мне вдруг захотелось выглядеть лучше. Для него. Почему я не признавала этого раньше? Ведь такое сильное чувство не могло зародиться только сейчас. Не просто забота или привязанность, потому что нельзя, просто невозможно было так злиться на человека, который безразличен.

Я вскочила с топчана, не в силах совладать с эмоциями, и быстрой походкой направилась к выходу. Ноги словно пружинили, и я наслаждалась этим ощущением полета, будто вдруг отрастила крылья. А может, они и вовсе всегда были за спиной, но только теперь хватило смелости их расправить.

Резко влетевший в шатер Ариэн едва не сбил меня с ног. От неожиданного удара по лбу я чуть не потеряла равновесие и в последний момент наугад зацепилась за его протянутую руку. Тревогу в его распахнутом глазе я увидела сразу.

— Что случилось? — быстро спросила я, предчувствуя беду.

— Киана нет. — Кажется, сердце пропустило удар, я открыла рот, но слова застряли в горле. Мне показалось, чьи-то ледяные пальцы с садистским наслаждением перебирают внутренности и прорезают их острыми ногтями. — Я пошел искать его... Он взял лошадь...

Я обернулась, пытаюсь разглядеть в углу его походную сумку, одеяло и оружие. Все осталось лежать на своих местах. Но и Ариэн не мог ошибиться или солгать мне.

— Вещи... — сил хватило только на это слово. Я обхватила себя руками, чувствуя слабость, как при сильной кровопотере. Спокойно засыпая вчера вечером рядом с Ариэном, я и не думала, что такое может случиться, что уже в тот момент Киан мог... — Он же... без всего... как? — простонала я, не желая верить. Значит, вчера я сама все разрушила. Как и хотела. И из-за меня Киан сорвался с места, ничего не взяв с собой.

Я смотрела прямо перед собой, будто лишилась воли. Казалось, будет больно даже вдохнуть. Это я сделала выбор, я. И что теперь, куда теперь? Мысли о столице, Ясоне, Нордоне и справедливости словно поблекли, хоть и не перестали быть грузом. Но Киан... один... Без оружия и хоть каких-нибудь документов. Я вспомнила прихрамывающего после падения с лошади Эрда и едва не всхлипнула, понимая, что Киан в темноте мог уйти слишком далеко, чтобы кто-то увидел и помог, если что-то случится. И достаточно далеко для того, чтобы наткнуться на патруль или рабский караван.

— Эвели, — негромко позвал Ариэн, смотря на меня с искренним сочувствием, от чего стало еще хуже. — Мне сказали, он едет домой... — прошептал он, положив руки мне на плечи.

Я растерянно посмотрела на него и запоздало поняла, что наверняка знаю то место, которое Киан мог бы назвать домом. Облегчение прошлось по телу, заставив вздрогнуть и отступить. Надежда еще есть. Есть! Я бросилась к открытому чемоданчику, судорожно впихивая в более-менее свободные отсеки развешенные пучки трав и полупустые колбы с

лекарствами. Голова закружилась, и от резких движений разболелась покалеченная ударом по бревну рука, но я не могла остановиться, даже когда Ариэн непонимающе перехватил мою кисть.

— Что ты делаешь?

— Я знаю, где он. Дом. Келла. Это Заррэт... там усадьба, куда я отдала Келлу. Это место... Ты... нам надо... — мысли мельтешили, и я не могла ничего сделать — даже просто перевести дыхание, чтобы объяснить, куда нам ехать. Не могла оставаться на месте, не могла ждать ни секунды, не...

И тут же застыла, ошеломленно открыв рот, вновь ощутив себя предателем.

— Ариэн, — сдавленно простонала я, не в силах озвучить то, что вертелось на языке. Столица находилась совсем в другой стороне.

Невыносимое чувство рвало изнутри — до дрожи в коленях, до желания кричать, пока не исчезнет голос. «Но ведь ты обещал! Что выбирать больше не придется...» — я едва не выкрикнула это вслух, но Ариэн словно и правда меня услышал, отпустил мою руку и принялся быстро, но аккуратно закручивать походные одеяла, которыми мы укрывались сегодня ночью. Все так же не глядя на меня, он вложил в боковые карманы нить, скрутил ветошь на бинты и, закрыв на защелки сундук, потянулся за походными сумками, сложенными за моей спиной.

Я встретила с ним взглядом, почему-то не рискуя спросить, что это значит. Ариэн на секунду замешкался, а потом ободряюще потряс меня за плечо.

— Мы идем за ним, — улыбнулся Ариэн, протягивая мне верхнюю одежду и раскрывая первую попавшуюся сумку. — Вместе.

Киан

Я не видел дороги. Даже не был уверен, что здесь она есть или когда-то была. Пальцы, впившиеся в поводья, замерзли и почти не гнулись, но не получалось заставить себя покрепче закутаться в мундир и хотя бы немного натянуть рукава на кисти. Дождь наконец прекратился, но в сырой потяжелевшей одежде было до одури холодно, и я вроде как понимал, что совсем скоро появятся симптомы простуды. Понимал и то, что наверняка вел Молнию не в ту сторону, но продолжал идти, не вглядываясь вперед, и думать, что совершил самую большую ошибку в своей жизни. Но вернуться... как, да и зачем, если теперь все встало на свои места?.. Если здесь я больше никому не нужен.

Лужи медленно покрывались тонкой ледяной коркой, которая тихо хрустела под копытами. Я не знал, что буду делать, когда землю до самого горизонта скует льдом и снегом, чем можно будет прокормиться в мертвом на недолгую зиму лесу. Загнанный жеребец шел медленно и тяжело, не привыкший к такой ноше, но я даже не сообразил хоть раз остановиться на привал, пока тот сам не встал, как вкопанный, посреди покрытой белосиним инеем пустоши.

— Ну, что ты... — обеспокоенно прошептал я, как будто не своими руками проводя рукой по его черному боку, пытаюсь успокоить. Ноги и спина онемели, и я с трудом опустил на землю. Мне казалось, что воздух загустел, словно вода, и все звуки, нечеткие и глухие, доносились с таким же опозданием. — Давай посмотрим, что тут у тебя...

Я заглянул под боковые подушки седла, осторожно проводя рукой по их гладким краям. Ощущений не было, я не мог — просто не хотел — собираться с мыслями, и все получалось само собой: руки лишь делали то, что помнили.

Жеребец опустил морду к земле и чуть попятился назад, не желая подпускать меня

ближе. В звенящей тишине, от которой закладывало уши, я слышал его тяжелое быстрое дыхание. Рукой я опустил по боку вдоль подпруги, пока не заметил кровавые мозоли, и стыдливо прикусил нижнюю губу.

— Прости.

Я давно не чувствовал такого опустошения. Даже когда был убит отец Ариэна, я продолжал надеяться на то, что Ариэн выжил и обязательно объявится. Когда за меня выложили больше сотни золотых на первом аукционе, я верил, что смогу сбежать и выполнить свой долг перед законным императором. Когда очнулся после наказания, а Келлы не оказалось рядом, я знал, что ее судьба решена в лучшую сторону, а я сам в благодарность буду верно служить благодетельнице, пока долг не позовет меня. Когда я встретил Ариэна, понял, что имею право не просто существовать в ожидании чужих свершений, но и сам могу помочь что-то изменить. И доказать, что раб с рождения тоже может быть человеком. А теперь я не понимал, зачем вообще миру может понадобиться моя жизнь, и что мне самому теперь с ней делать. Наверное, дело в школьном воспитании: я не мог отделаться от ощущения, что должен жить ради чего-то. Или кого-то.

Решение поздней ночью за бутылкой крепкого терпкого напитка пришло само собой. Я должен найти Келлу и убедиться, что она жива и здорова. Помочь, если она узнает меня и примет, а затем... Затем я поступлю так, как должно воину императорской гвардии, лишенному цели.

Я осторожно оторвал лоскут ткани с подола исподней рубахи и обкрутил им подпругу. Жеребец повернул ко мне голову, будто всматриваясь в мое лицо черными глазами, и жалобно заржал.

— Придется нам с тобой пройти пешком, да, малыш?

Облака медленно уступали место раннему блеклому солнцу, позволяя мне сориентироваться и определить путь. Залитая солнцем бугристая равнина тянулась до самого горизонта, разрезанная мелкими быстрыми ручьями, которые блестели под солнечными лучами, стекаясь в глухую топь между провинциями. Я медленно повернулся в сторону юго-запада, обрамленного побелевшими горными пиками, прощаясь, и легко потянув жеребца за поводья, сделал первый шаг на восток.

Часть 12. Ни конца, ни края

Эвели

— ...я думаю о врачевании... — мысленно расставляя фрагменты памяти на свои места, я очень старалась взять себя в руки и не дергаться, чтобы ничего не упустить из виду. Ариэн быстро распахивал по карманам сумки всю мелочь, изредка смотря на меня и подтверждая, что слушает. — Эта топь вокруг плохо влияет на здоровье селян. И дорога по сути всего одна. — Ариэн вытащил на свет походной бурдюк и начал аккуратно заполнять водой. — Мы можем попробовать пройти через границу как лекари.

— У тебя есть лекарская грамота? — удивленно спросил Ариэн, не поднимая головы.

Я схватилась за недавно свитую из кишок веревку и принялась скручивать в клубок.

— Нет. Но начались морозы. Это отличная возможность убедить пограничных стражей в важности моего присутствия для Азумы. Мол, не до формальностей. А обратно, — голос предательски вздрогнул, но я через силу продолжила: — повезем Киана... и Келлу как больных. Корь, чума...

— Я там не был. Неужели на востоке настолько все плохо? — Ариэн быстро глянул на меня, и я уловила в его взгляде укор.

— Я бы не оставляла Келлу там. Не думай, что мне было плевать, — спокойно пояснила я, хотя его молчаливое обвинение меня задело. — Но я не принадлежу к патрициям, мой статус бы не позволил подписать ей вольную и провести за пределы Азумы без дозволения Службы, поэтому пришлось... — я вспомнила, как пришлось просить позволения сделать бывшего воина своим личным рабом, и содрогнулась.

— А как же Киан?

— По приказу он принадлежит Службе, а не мне, — я поморщилась, стараясь до последнего держать лицо, но выдох все равно получился слишком нервным.

— Ладно, прости, с этим разберемся позже, — пробормотал Ариэн, потянувшись вглубь сундука за огнивом. — Но у лекаря должна быть повозка, да и ты еще в седле еле держишься.

— Я уже в порядке, — резко остановила я. — А по тем прогалинам мы на телеге никогда не доедем. Нет, только верхом.

Не стесняясь, я принялась быстро менять обмундирование на зимнюю кочевую одежду. Верхняя безрукавка из лисьего меха оказалась маловата и давила в плечах, но я честно надеялась на то, что сражаться не придется. Не в той я форме, чтобы что-то противопоставить. И тем не менее, пару метательных ножей от прошлого... владельца я оставила при себе, спрятав в сапоги.

— Сента откладывается? — неожиданно прозвенел настороженный голос Эрда, и я против воли вздрогнула. На секунду показалось, что воспоминания опять вылезут наружу, но в этот раз пронесло.

Я мельком скептически глянула на вошедшего. Возможно, нам бы и пригодился третий человек, но бегло объяснять все, что успело произойти, чужому человеку... Нет, на это я не способна.

Кажется, Эрд и сам понял, что ответа не дождется, и неожиданно проворно метнулся к своим вещам, укутываясь в меховой плащ и застегивая фибулу.

— Мы уходим. На восток. За Кианом, — между делом бросил Ариэн.

— Хорошо, я с вами. Помогу.

Желания спорить у меня не было, и я лишь коротко покачала головой — но так, чтобы Эрд видел.

— Вместе безопаснее. Трое калек лучше двоих, командир, — серьезно закончил он, зачесывая светлые волосы за уши и расправляя складки одежды. Его блеклые глаза, светящиеся в полумраке, испытующе смотрели на меня в ожидании приказа.

— Допустим, — бросила я, — но нужна другая одежда. Мы пересечем границу, предлагая гуманитарную помощь. Никакой Службы.

— Что? — не понял Эрд, а я на секунду остановилась, приоткрыв рот. Но тут же себя поправила:

— Лечить будем. Больных. Все по дороге. Выходим сейчас. Ариэн, готовь лошадей, а я за припасами.

Ариэн кивнул и вышел наружу, таща за собой собранную посуду и теплую одежду. Я крепко закутала мундир в тряпки, и прихватив сумку с лекарствами, вышла следом.

Ледяной северный ветер подул прямо в лицо, заставляя скорее запахнуть полы одежды. Солнечный диск на блеклом небе едва-едва освещал низину, глина под ногами покрылась коркой еще уже толстого льда. Свернув на левый ряд к местному мяснику передвижного лагеря, я закинула на голову капюшон и натянула вязанные рукава до самых костяшек. Кто бы знал, как сильно я ненавидела морозы. Даже сейчас дышать становилось почти нечем, и

губы, не смазанные жиром, моментально потрескались.

Но долго думать об этом не получалось. Я шла быстро, сильнее прижимая к себе походную сумку, и не могла отделаться от мысли, что Киан, в отличие от нас, ничего не взял с собой.

Это стоило мне невероятных усилий, но я отогнала страх и панику, ступая увереннее и быстрее. В худшем случае Киан ушел вперед на полдня. После утреннего похолодания галопом скакать будет слишком опасно, и сегодня мы его точно не нагоним. До Заррэта пробираться дня три, и, если не будет диска и звезд, ночь мы тоже потеряем. По пути — до самой границы — нет никаких поселений, а торговый путь один. И, если Киан тоже выйдет на эту дорогу вовремя, мы обязательно встретимся.

«Когда выйдет», — мысленно поправила себя я, стараясь хотя бы сейчас не терять надежду.

Киан

К вечеру тучи заволокли небо, и впереди не осталось ничего, кроме мрака. Сколько бы я ни вглядывался себе под ноги, но раз за разом поскользнулся и цеплялся обеими руками за жеребца, чтобы не упасть и ничего не сломать. В том, что здесь меня не найдут даже вестники Природы, я не сомневался. Но на страх сил не оставалось. Голод все сильнее скручивал живот, заставляя впиваться ногтями в ладони. Я в очередной раз обернулся на идущего с опущенной головой жеребца, не представляя, как его прокормить. По пути попадались лишь мелкие кустарники, а деревья повыше, огибающие топь, уже давно сбросили листву. Их тонкие стволы заледенели и потеряли гибкость, так что надежду смастерить лук пришлось отменить сразу.

Впереди послышалось тихое журчание воды, и я слабо улыбнулся, стараясь при этом не закашлять. Горного хребта за мной уже не было видно, и эту темную ночь надо было где-то пересидеть. Но весь путь вокруг не попадалось никаких укрытий — лишь небольшие, покрытые сухим кустарником валуны, едва достигающие мне до плеч. Я брел на звук, осторожно уговаривая жеребца двигаться за мной. Надо будет попытаться промыть мозоли, чтобы не началось заражение.

Под ногами хрустел толстый слой снега, чуть посеревший от поднятой ветром каменной пыли. Я чувствовал, как под пяткой неприятно хлюпает вода. В голове звенела тишина, от которой мне не хотелось отвлекаться. Но мысли то и дело возвращались к теплым воспоминаниям, в те короткие эпизоды, когда появлялась надежда.

Казалось, я прожил целую жизнь с того момента, когда очнулся с перебинтованной спиной на мягкой перине господской кровати. Там было тепло, и раны от кнута почти не ныли. Я помнил, как, когда попытался подняться, меня остановили мозолистые женские руки, уложили обратно на кровать. Я помнил, как, находясь в сознании, первый раз услышал этот жесткий, но не пугающий голос. Обещание позаботиться обо мне и Келле.

Я вспоминал прошлое, и от этого опять становилось холодно.

Наконец, впереди едва замерцал маленький водопад, верхняя плита которого поднималась над землей всего метра на полтора. Но, если не пойдет снег, ночь можно пересидеть и здесь.

— Давай, родной. Еще немножко, — обратился я к Молнии, хотя вряд ли он бы меня понял. Жеребец протестующе заржал, но все-таки спустился следом.

Я присмотрел в темноте торчащий между камней корень и привязал к нему поводья. С первого раза ничего не вышло: пальцы напрочь отказывались гнуться, и я осторожно

приложил их лодочкой к лицу, пытаясь согреть. Попробовал ими пошевелить и опять взялся за непослушные поводья.

Сцепив зубы, я быстро окунул руку в ледяную воду, чтобы прополоскать снятую с подпруги полоску ткани. Грязь с боков смывал уже на ощупь, стараясь не причинить новую боль. Подумать только... мне не хватило ума и самообладания выбрать в соседнем шатре ездовую лошадь, привычную к долгой дороге. Ни запасов, ни оружия. В глуши, где, наверное, вообще нет дорог.

Я заставил себя не смотреть в будущее и, молча выжав комок, замотал на прежнее место. Ногами расчистил землю от снега и, выдрав несколько клочков пожухлой травы из расщелин, примостился рядом с конем. Подтянул ворот мундира и обхватил колени, не особо надеясь, что завтра проснусь.

***

Холодно.

Сильный удар ветра разбудил меня, заставив поежиться и стряхнуть с влажной одежды медленно тающий снег. Разболелись почки, мешая выгнуться, но мне было необходимо разогреть кровь. Я рывком выдохнул через рот воздух, вставая в нужное положение и изо всех сил игнорируя озноб. Суставы как будто застыли, и каждое выверенное движение в имитации удара приносило глухую боль — такую, что в первый раз не получилось сдержать стон. Жеребец тут же обернулся на меня, как будто даже удивленно.

Я старался не усердствовать, чтобы сберечь оставшиеся силы. Память отказывалась давать ответ, но я был почти уверен, что идти пешком придется несколько дней: загонять жеребца у меня бы не хватило совести. Я бессильно опустился на прежнее место, с упоением протянув ноги. Природная стена за спиной хоть как укрывала от ветра, создавая иллюзию тепла и защиты. Я повернул голову влево, глядя на иссякающий поток воды, до Ледяной декады пробивший в податливой земле глубокую борозду. Глядя на тонкую пенящуюся струю, я не сразу заметил растущие под ней кусты брусники. Желудок требовательно заурчал, когда на крайних ветках я заметил сморщенные, покрытые инеем красные ягоды.

Набралась всего одна маленькая горстка, и ощутить вкус, хоть как-то продлить удовольствие у меня не получилось. Мороз так и подстегивал либо двигаться как можно быстрее, либо остановиться — но уже навсегда.

Я приподнялся на корточки и цокнул языком, привлекая внимание жеребца. Стебли никак не получалось порезать ногтями, но выдергивать маленькие редкие кусты с корнем было жалко.

— А это для тебя... — я собрал в охапку несколько коротких веточек с почти опавшими листьями и протянул их Молнии.

Низкое солнце почти не грело землю, и лед под ногами даже не собирался таять. Я поднялся по камням на возвышенность, стремясь хоть что-то разглядеть, но либо глаза подводили, либо кроме тонкой серо-зеленой полосы впереди ничего не было. В Минами, да и Нишши, такой горизонт никогда не пугал — скорее, оставлял абсолютно равнодушным, когда за плечами есть все для ночлега и охоты. За спиной поблескивали белыми шапками горы, и на какое-то мгновение мне захотелось вернуться. Я сделал один шаг вперед, в прошлое, но тут же остановил охватившее меня наваждение. Если Природа благословит, я выживу.

К концу дня жеребец опять встал, недовольно потянув меня назад так, что я чуть не свалился с ног.

— Что... такое? Идем... — тихо прохрипел я, пытаясь задушить зарождающийся кашель и не оглядываясь назад. Но сил не хватило.

Жеребец протестующе заржал и навалился на одну ногу, поджимая кверху другую. Догадка заставила завывать в голос. Я облокотился о колени, пережидая боль в животе, и двинулся к жеребцу, очень надеясь, что его успели подковать. Но мелкий острый камень почти прорезал ороговелый покров на передней конечности и намертво застрял.

— Нет... нет-нет...

От охватившего меня отчаяния я, даже не задумываясь, пнул припорошенную снегом кочку. Боль вгрызлась в пальцы, и по стопе потекло что-то горячее.

— В пекло! — прорычал я сквозь зубы, оседая на снег и хватаясь за сапог. Я и сам не заметил, как успел натереть на стопе кровавые мозоли. А теперь, кажется, еще вывихнул пальцы.

Очередной порыв ветра, и кожа опять покрылась мурашками. Я задрал голову, прикрыв глаза, и попытался успокоиться. «Эта долина никогда не кончится. Никогда», — настойчиво билась в голове мысль, но пришлось заставить себя обкрутить лопнувшие мозоли тканью и подняться. Чуть прихрамывая, я подошел к жеребцу, поглаживая по спутавшейся отросшей гриве.

— Руками мне камень не вытащить, прости... — успокаивающе проговорил я, наклоняясь к его морде.

Я с трудом отдышался и принялся отстегивать седло: теперь оно точно уже не пригодится. Пальцы дрожали, и я ничего не чувствовал подушечками, кроме слабого покалывания. Для крепости перекрутил мокрый бинт и аккуратно подтянул конечность, чтобы жеребец больше на нее не ступал.

Близилась ночь. Небо позади разгоралось, словно пожар, а с востока медленно тянулась темнота. Я без особой надежды и с липким страхом взгляделся вперед, пытаясь обозначить начало топи, но снег слишком хорошо припорошил землю. Я уже почти отвернулся и тут заметил впереди рыхлую, совсем свежую колею, тянущуюся куда-то вперед. Сердце подскочило от радости и никак не желало останавливаться.

Быстро идти не получалось: в темноте каждая кочка так и норовила попасть под ногу, но, когда я наконец ступил на протоптанную дорогу, идти нам обоим стало чуть легче. Нога подгибалась, а надсадный кашель заставлял останавливаться и сгибаться пополам. Тут же, не давая опомниться, напоминал о себе пустой желудок. Я наклонился, собирая колкий снег, и с силой втер его в щеки и виски. На подъем — пусть и совсем небольшой — не хотелось даже смотреть. Но любое промедление будет стоить нам обоим жизнью: как над головой сомкнется ночь, я не смогу различить на земле дорогу.

Когда впереди слабо замерцал свет, над которым поднимался дым, я отпустил поводья и побежал. Снег забивался в сапоги, и все тело горело, не переставая ныть. Глотку рвало от боли, но я не останавливался, силясь перекричать ветер.

Я не чувствовал желания жить, которое, говорят, приходит к человеку, срывающемуся с обрыва, но не хотел умирать здесь. Не так. Я звал и звал, растопырив руки в стороны для хоть какого подобия равновесия, но, в конце концов, споткнулся и кубарем покатился со склона, глотая снег.

Что-то острое сильно процарапало бровь, и глаз тут же залила кровь. Я захрипел, уже даже не пытаясь встать. Обида захлестнула меня, и я едва удерживал слезы, пытаясь просто понять: «за что?». Сердце ухало в груди так громко, что я, словно оглушенный, больше

ничего не слышал. Только почувствовал, как проваливаюсь куда-то, прежде чем чьи-то руки расторопно перевернули меня на спину. Последним я увидел чей-то расплывающийся силуэт и черное беззвездное небо.

Эвели

— Я надеялся, что учуют, — раздосадованно буркнул Эрд, вглядываясь в горизонт сквозь мерно падающий с самого утра снег.

Лай двух гончих, рыскающих носами по припорошенной промерзлой земле, сильно сбивал. Никогда бы не подумала, что несколько часов в седле могут стать проблемой, но они стали. Голова кружилась, и в галопе я с трудом удерживала равновесие, один раз чуть не упав. Но, перейдя на шаг, мы словно застыли здесь в вечном движении. Минуты шли, а вокруг ничего не менялось — даже наши следы постепенно заметало снегом.

Покрепче натянув варежки, я только крепче ухватилась за поводья, стараясь не накручивать себя. В таком положении смотреть в одну точку, абстрагируясь от происходящего, было проще всего, но обрывки нестройной беседы нет-нет да проскакивали.

— ...домой. А то, если снег повалит, уже не доберутся... — произнес Ариэн осипшим голосом, и следом послышался свист.

Я знала, что самобичевание сейчас не поможет, но любая естественная мысль заканчивалась именно этим. Без меча на поясе я чувствовала себя абсолютно незащищенной, и слабость в ведущей руке давала о себе знать, хотя рана от стрелы уже давно затянулась за эти три недели. Но физическая боль хотя бы отвлекала.

Лай затих. На долгое время в воздухе повисла тишина, и я все ждала, когда Эрд спросит, что именно произошло, и почему мы сорвались с места в самый разгар декады. Но он тактично молчал: либо хорошо контролируя любопытство, либо боясь что-то выдать. Я притормозила коня, пытаюсь понять, что помимо очевидного, меня беспокоило. Оба путника молча взглянули на меня.

— Мы здесь как на ладони, — пояснила я, просматривая неровный горизонт. Бугристая местность могла таить в себе много опасностей даже сейчас и вкуче со всем остальным действовала на нервы.

— Спустимся к лесу? — осторожно предложил Ариэн, указывая направо, где вдоль границы тянулась узкая лесная полоса. По левую сторону не угадывалось ничего, кроме выпавшего снега, но безопаснее от этого не было.

Солнце постепенно клонилось к закату, и наши и так длинные тени растягивались на несколько метров. Перспектива ночевать посреди ледяной пустыни на таком ветре несколько не радовала.

— Спускаемся, — подытожила я, чувствуя, как сами собой прорезаются в голосе командные нотки. По привычке.

В низине ветер и правда почти утих, а сосны казались достаточно надежным укрытием. Я взглянула на небо, смутно надеясь разглядеть хоть что-то, кроме туч и снега. Не вышло.

«Ну, почему? Почему ты так долго молчал?!» — прозвучало в голове обвинение, на которое тут же появился ответ: «А то ты не знаешь!». Я встряхнула головой, чтобы прекратить бессмысленный спор и не отвлекаться. Чувство опасности не отпускало, и я постоянно пыталась коснуться запеленованных ножен, спрятанных за закрепленными на седле сумками. Не до переживаний.

Когда лошади начали оступаться в темноте под плотными кронами деревьев, мы остановились. Среди молодняка на глаза очень вовремя попала небольшая поляна. Я

спрыгнула на замерзшую землю и наспех выскоблила из складок одежды снег.

— Остановимся здесь.

— Тащи хворост, — прокричал вполголоса Ариэн, обращаясь к Эрду.

Я немного размяла ноги, закрепила поводья на стволе покрепче, и, сломав пушистую еловую ветку, принялась расчищать поляну под костер и палатку. Показавшийся из-под снега лед оказался до жути скользким, и пару раз я чуть не навернулась в темноте, но упрямость взяла свое.

Молотый валежник немного подмок и отсырел, пока мы ехали, а с дровами все оказалось еще хуже, но, в конце концов, вслед за густым дымом разгорелось пламя, давая тепло. Я вбила последний колышек, закрепляя палатку обратной стороной к северу, и принесла под одеяла еще несколько веток побольше. Эрд спокойно размешивал в котелке кусочки вяленого мяса, периодически подбрасывая туда снег. Почему-то это зрелище меня успокаивало, ассоциируясь с чем-то приятным и смутно знакомым.

— Грибной суп... тоже ты готовил? — с неожиданным для самой себя интересом спросила я. Эрд вскинулся — показалось, даже глаза под соломенными волосами немного загорелись, — улыбнулся и кивнул. Все-таки он был молод, в отличие от нас. Даже медленно слезавший загар не добавлял лет. Я уже плохо помню, но, кажется, именно в этом возрасте парни начинали строить планы на жизнь и заводить семьи. А у нас что?..

— Меня сестра учила... — начал Эрд, видимо, заметив, что я больше не улыбаюсь, — готовить, — он мечтательно протянул это слово, на несколько секунд переставая мешать.

— А я не умею... Чтобы от начала и до конца, — улыбнулась я, но разговор не клеился.

Очень вовремя с мисками вернулся Ариэн и присел на подстилку рядом с огнем.

— Готово? — устало спросил он у Эрда.

— Почти.

Ветер уныло завывал где-то там, не тревожа ни нас, ни огонь. И я почувствовала, что вот-вот засну. Осторожно сняла холодные сапоги, оставляя сушиться у огня, и закутала ноги в одеяло. Ариэн подсел поближе, накидывая на меня свой плащ, и потянулся за разлитой по мискам похлебкой. Одну сразу отдал мне, вложив в руку ложку, и эта забота грела. Я грустно улыбнулась, встретившись с неполноценным взглядом. Его шрам, более не стянутый швами, тоже затянулся, словно выцвел, приобретя бледно-розовый оттенок, и выглядел почти аккуратно, но даже при таком освещении было точно ясно: веки сомкнуты на пустой глазнице.

— Руки!

Чужой голос прямо за спиной прозвучал так неожиданно, что я дернулась и разлила половину миски себе на брюки. В горле встал ком, а по позвоночнику до самого затылка прокатилась волна паники.

— Кто такие?! — повторил тот же мужчина, но уже ближе. Из-за кустов я разглядела блеск металла, но силой воли заставила себя сидеть на месте. «Мы не солдаты, я врач», — повторила я про себя, стараясь придать словам уверенности. — Кочевники?

Из-за кустов медленно выходили солдаты-пограничники, держа в руках обнаженные мечи. Двое — напротив нас с Ариэном. Эрд тоже застыл, настороженно смотря на меня и медленно переводя глаза мне за спину, давая возможность понять, сколько врагов за нами. Тоже двое.

Тот, что говорил, медленно вышел в свет костра и обошел нас по кругу, ни на мгновение не опуская меч. Почему-то мне на ум пришла глупая мысль, что сейчас было бы самое

подходящее время нас предать.

— Хорошенькая, — неожиданно подал голос второй, очень знакомо смотря на меня. Рассматривая. Я стиснула зубы, гоня воспоминания прочь, но руки сами собой сжимались в кулаки. Ариэн мельком глянул на меня, но ничего не смог бы сказать незаметно. — Друг, — заискивающе прошептал он вожаку, который теперь тоже не спускал с меня глаз.

А мы ведь все не в лучшей форме. К оружию быстро не дотянуться, а метательных ножей всего два. Я понимала, что надо бы срочно взять все в свои руки, сбить оцепенение, но этот жадный взгляд...

— Не смей трогать моего врачавателя, — вдруг зарычал Эрд, заметив движение в мою сторону.

— Чего?

— Ты меня услышал, — четко проговорил он, под тяжелыми взглядами солдат поднимаясь на ноги. Пользуясь коротким замешательством, он заглянул мне в глаза, ожидая согласия. — Мешать Тайной Службе чревато. Как и проявлять неуважение.

Тот солдат с масляным взглядом, кажется, ни слову не поверил, зато теперь понял, что среди чужаков есть, как минимум, один воин, умеющий сражаться. Я с тоской глянула на сапоги, стоящие в полуметре от меня. Наши мечи, обмотанные шарфами, лежали в ворохе вещей за спиной. Погасить огонь и биться вслепую я не успею: за спиной продолжал прятаться еще один противник, страхуя тыл — наверняка лучник.

— Приказ! — потребовал мертвым голосом командир, широко улыбнувшись и протянув раскрытую руку.

Очень медленно я попыталась подтянуться к сапогам, даже увидела на боковой стороне металлический блеск, когда Эрд неожиданно с презрением фыркнул, уверенным движением распахнул плащ и распорол подкладку расстегнутого сине-черного мундира. Навострившиеся было солдаты чуть опустили оружие, увидев в его руках запечатанный сверток.

— Эрдар Р'иши, разведчик Тайной службы. С депешей от Хантана М'иирша в Сент-Роверану Д'аиру, — коротко отрапортовал Эрд, вытягивая руки по швам.

Командир с сомнением выдернул депешу из рук Эрда, разглядывая на свету целую черную печать. Я так сильно растерялась, что не смогла никак отреагировать на всплывший факт. Вот почему Эрд меня побаивался и не рисковал рассказывать о себе: это именно он был одним из тех гонцов, которых куратор послал в последние дни Нордона на границу и в саму столицу. Возможно, мы даже виделись, и, если так, Эрд хорошо это помнит.

Я убедилась в правдивости своих мыслей, когда он быстро отвел от меня взгляд и нервно расправил изрядно помятый мундир, который, оказывается, так и не сменил, пока была возможность. Как в воду глядел.

— Приносим извинения, но здесь рядом граница, много сброда по ночам, — быстро и бесцветно отчитался командир, с досадой глядя на подчиненных. Знакомая сцена: имперские солдаты и офицеры всегда болезненно реагировали на появление стражей Службы, чей статус определялся на порядок выше их. Вдобавок стражи всегда имели право карать и убивать всех, кто мешает выполнению миссии. Так что при любой возможности, кроме границ, нас очень старались избегать. Главное, чтобы и сейчас командир скорее ретировался, не требуя приказ о назначении и вольные грамоты.

Но мужчина не спешил уходить. Вложил меч в ножны, еще раз опустил к свету плотный конверт, долго рассматривая на правом верхнем краю подпись, и наконец отдал Эрду.

За спиной зашевелились кусты, тихо-тихо под солдатскими сапогами захрустел еще не примятый снег, и вскоре ничто, кроме остывшего пролитого супа не говорило о том, что мы были на волосок от смерти. Я вдруг ощутила, как сильно вспотели руки, мышцы чуть подрагивали от напряжения. И этот взгляд. До дрожи знакомый взгляд, который так долго снился мне в кошмарах даже столько лет спустя.

— Все, они ушли, — прошептал Ариэн, вставая и неуверенно оглядываясь вокруг.

Эрд молча прятал депешу, опустив голову так, чтобы скрыть от меня лицо.

— Так мы виделись в Нордоне, верно? — зная ответ, все же спросила я. Эрд вздрогнул, но глаза не поднял.

— Да, несколько раз. Впервые — когда куратор встречал вас у постоянного двора, — он глянул на Ариэна, не меньше удивленного ситуацией. Видимо, он, как и я, тоже не знал, как к этому относиться, хотя я была точно уверена, что пробежится по его воспоминаниям, прежде чем довериться. В худшем из вариантов такая неосмотрительность могла закончиться местной тюрьмой или Ботфордом, из которых мы бы никогда не вышли. — Но я не обманывал, — твердо произнес Эрд, рискуя встретиться со мной взглядом. — Правда хочу искупить все, что случилось из-за меня.

Мы втроем медленно вернулись к огню, и Эрд тихо продолжил:

— Со стороны мне все казалось правильным. Но я начал сомневаться, когда Хантан в ночь перед второй казнью доверил мне депешу и велел мчаться в Калт и столицу как можно быстрее. Я не знал, что среди осужденных есть женщины и дети, уже после — у кочевников — мне рассказал Киан, — обрывая повествование, прошептал Эрд и покачал головой, сомкнув веки. — Я отдал депешу коменданту Калта, но не знал, что там... А потом начался ливень, и я сбился. Когда... Мия меня выходила, я был просто по-человечески благодарен. Но что-то заставило меня вскрыть оставшийся конверт. Тревога. — Я вспомнила гладкую нетронутую, как показалось со стороны, печать, скреплявшую края бумаги. — Я сделал это аккуратно, меня научили.

Все мышцы в теле болезненно затвердели и напряглись от тех воспоминаний. Ночь, когда я под присмотром куратора воткнула в глаз Ариэна раскаленное железо. Болезненное ожидание показательной казни на рассвете. Конечно, уже тогда куратор если и не знал, то догадывался, к чему все идет.

— Куратор требовал немедленно прислать солдат с пограничного гарнизона, чтобы зачистить город от ополченцев и... сопроводить брата Императора до столицы, — Ариэн несколько раз качнул головой. Жалко, я не видела его лица. С другой стороны, если Эрд сразу уловил связь, мог попытаться поставить мысленный блок на такие воспоминания, а Ариэн слишком отвык использовать силу, чтобы почувствовать препятствие. Надо было сразу убедиться самой, а не играть в прятки.

— Да, я понял, что имя — не просто совпадение. Но тогда меня больше потрясло не это. Целый город... пара тысяч человек... И они все должны просто... умереть, потому что среди них оказались несогласные? В депеше Роверану дважды подчеркнуто указание, данное коменданту Калта: сжечь дотла. И прислать еще подкрепление из регулярной армии, чтобы проверить все близлежащие города. Но наш долг защищать порядок и людей, а не... — Эрд замолк, смотря на огонь. Ариэн подкинул пару поленьев, но не сказал ни слова.

Я очень хорошо понимала эти ощущения, когда даже себе признаться сложно. В сущности, до Нордона я выживала из себя любые сомнения, касающиеся данных сверху приказов. Наверно, если бы не первая попытка Ариэна обменять свою верность на жизни

осужденных, я бы не отправилась на площадь, не попала бы на глаза Мауку. Ничего этого бы не было, и город до сих пор существовал. Но нет, мы спровоцировали бунт, а Эрд — один из тех, кто доложил о нем.

Я поджала губы, прикрыв глаза. Не стоило ворошить уже случившееся. По крайней мере, мы выбрали правильную сторону и отстаивали правое дело. Но вина так просто не желала уходить, в этом смысле мы все на одно лицо.

— Ты мог бы рассказать нам раньше, — ободряюще произнесла я, берясь за остывшую похлебку. — Со мной ситуация не сильно расхожая. Знакомо, — Эрд опасно бросил на меня взгляд, пытаясь понять подвох. Видимо, точно слышал обо мне не самое приятное. — Сейчас твоя смекалка, вполне возможно, спасла нам жизнь, но, скажи ты об этой депеше сразу, заминки бы не было. А так... они могли заметить наше замешательство после твоих слов.

— Я... не рискнул говорить под такой настрой. Ты и так... волком смотрела на меня. И разговоры про тот пожар...

— Хватит... Главное, пережили, — неуверенно заключила я, пока перед глазами застыло веснушчатое лицо Маука в нашу последнюю встречу перед наступлением. Храбрость и отчаяние. Оставалось только верить, что он погиб быстро. — Но, я надеюсь, больше никаких сюрпризов?

— Никаких, — Эрд слабо улыбнулся и устало прищурился, пряча лицо в ладонях. Значит, ко мне не одной во сне приходит бушующее на городской улице пламя.

— Тогда... лучше больше об этом не вспоминать, — прошептала я, пытаясь успокоить и себя тоже. Не так-то легко отмыть руки от крови.

Ариэн продолжал молчать и вообще не шевелился — будто заснул, но глаз оставался открытым. Я коснулась его предплечья, привлекая внимание, и попыталась улыбнуться. Хотелось верить, что все получится.

Глаза жутко слипались после всего пережитого, и после такого неприятного разговора я уже не смогла противиться сну — даже понимая, что наверняка увижу очередной кошмар. Откинулась на подстилку, подтягивая к груди ноги, когда нервная мысль вдруг взбудоражила, заставляя уже засыпающий мозг работать.

— Я послежу, — успокоил Ариэн, словно и правда услышал меня, наклонился и убрал за уши щекочущие нос волосы. — Спи.

Я не стала спорить.

Часть 13. Я тебя отвоюю

Эвели

— Кажется, я что-то вижу, — неуверенно произнес Эрд, приложив руку козырьком ко лбу. Я перехватила покрепче миску и встала рядом, пытаюсь рассмотреть пустынный горизонт. Но из-за солнца, так некстати выглянувшего на третий день пути, снег искрился и до боли слепил глаза.

— Город? — севшим голосом с надеждой спросил Ариэн, протирая единственный глаз и морщась.

— Нет. Наверное, нет. Там что-то темное. Кажется, движется по дороге.

— Возможно, мы догоняем тех, кто недавно ее протоптал, — предположила я, чувствуя, как ухает сердце, хоть и по-прежнему ничего не видела. Но до города оставалось не более полдня пути, и Киан должен был быть где-то совсем близко. Может быть, он там?

— Хорошо, что болото замерзло. И солнце путь укажет, — произнес Эрд, неестественно

озираясь по сторонам, а по сути попытавшись меня успокоить. Но Киан мог быть где угодно. Упасть с лошади и замерзнуть в какой-нибудь канаве еще в первый день. Мы бы даже не заметили, проходя мимо. Только, даже если в пути ничего не случилось, если он нашел дорогу и не завяз в топи, его могли задержать на границе и подвергнуть допросу, как любого странствующего бродягу. Эти мысли заставляли выть в голос, но я сдержалась и так спокойно, как только могла, произнесла:

— Сворачиваемся.

Галопом мы не скакали уже больше суток, но я не смогла сдержаться, когда наконец сама увидела впереди медленное движение по линии горизонта. Это был небольшой караван, огибающий топь на пути к Заррэту. Я заметила с десятков повозок и чуть меньше всадников, ведущих за собой табун лошадей. И все силилась увидеть среди них Киана, но при такой тряске и с большого расстояния оставалось только гадать.

Скачка давалась слишком тяжело, и, в конце концов, пришлось опять перейти на шаг.

— Не волнуйся. Через час-другой догоним, — приободрил запыхавшийся не меньше меня Ариэн.

— Думаешь, он там?

Сердце билось прямо в глотке, мешая сглотнуть вязкую слюну. Я облизала холодные зубы, противно стучащие друг о друга от холода, и обернулась назад. Ариэн тяжело глотал ртом холодный воздух, сдерживая кашель, но не отрывал взгляда от востока.

— Они идут медленно. Скорее всего, он еще вчера их нагнал.

Как же мне хотелось в это верить...

— Можно попробовать договориться с торговцами, — пришла в голову мысль, — пройти вместе с ними через границу, — пояснила я, когда Ариэн непонимающе уставился на меня. — Там людей много, всех проверять не станут.

— Только непонятно, враг перед нами или друг, — почти что слово в слово озвучил мою мысль Эрд, и я инстинктивно потянулась рукой туда, где раньше всегда висел меч.

— Перевесьте оружие так, чтобы можно было быстро обнажить, — распорядилась я и, не дожидаясь ответа, отклонилась назад, на ощупь пытаюсь высвободить рукоять меча из крепко повязанного к седлу свертка.

— Мечи не помогут, их больше, — тихо констатировал Эрд. — А если опять представиться слугами Службы?.. И торговцам, и на границе.

— Ненадежно, — отрезала я, не давая договорить. — Деспеша Роверану, да хоть саму императору — смутное доказательство. Где Сента, а где Заррэт... — я вспомнила неудачную попытку так пройти через Калт и ужаснулась, представляя, что могло бы последовать за неудачным разговором с губернатором, не случись драка на площади. Но Киан навряд ли видел, какие именно документы я как командир всегда держала при себе для подобных случаев на весь отряд. А Эрду, скорее всего, не рассказывали о нашем побеге. — Ты знаешь, от командира потребуют приказ о назначении, а у нас его нет, — на всякий случай напомнила я, чтобы развеять сомнения. — Когда мы проходили границу у Калта, я была не в состоянии ответить на их вопросы, и только поэтому нам дали недолгую отсрочку.

— Но торговцы наверняка не знают о таких вещах, — не согласился Эрд.

— Не выход. На границе с попыткой сойти за целителей и без того возникнут трудности. Нам не нужны свидетели, которые могут опровергнуть нашу легенду, а они могут, если успеют нас нагнать. И ты не хуже меня должен понимать, что обычные странники будут торговцам куда больше «своими», чем стражи Службы.

Эрд замолчал, обдумывая мои слова.

— Для торговцев план с врачеванием может сработать, я согласен. Но они могут и не согласиться нас прикрыть. И что будет тогда, когда от тебя потребуют лекарскую грамоту на границе? У тебя ведь ее нет? — Мы с Ариэном коротко переглянулись, вспоминая незаконченный разговор в шатре три дня назад.

— Не знаю. Попробую убедить, надавить на жалость, — тихо произнесла я, невольно морщась.

— Мы не похожи на тех, кого ограбили в дороге, — задумчиво начал Эрд, показывая рукой на коней и сумки. — Но...

— Идея неплохая, но тогда нам не на чем будет ехать потом. И мне в любом случае необходимо иметь при себе лекарство. Вдобавок останемся без оружия, и вообще никакой защиты. Слишком рискованно.

— А если Киана нашли? — впервые за долгое время с трудом произнес Ариэн. Я повернулась вперед, смотря на неровную колею. — Вчетвером будет еще сложнее пересечь границу.

— А зачем ее пересекать? — не понял Эрд, и я опять пожалела, что оставила этот разговор о мотивах поступков на потом.

— В Заррэте есть кое-кто, кто Киану дорог, — нехотя ответила я, чувствуя, как физически становится тяжело говорить и придумывать план, когда хочется лишь пришпорить лошадь и гнать вперед.

— Но необязательно пересекать границу всем вместе. Разобьем лагерь в каком-нибудь овраге...

Я сжала заледеневшие пальцы, боясь представить, насколько холодно было Киану без зимней одежды. А я почти уверена, что он даже не подумал переодеться, полностью поддаваясь порыву.

— Посмотрим. Но Киану в любом случае понадобится тепло. И у Ариэна горло дерет скоро может стать хуже, — не вовремя я подумала о том, что все семь лет на службе у императора всегда пережидала декаду у теплого очага, но вслух ничего не сказала. — Если мы сами найдем Киана... — я запнулась, — надо будет разведать положение у границы. Если его подобрала караванщики, попробуем договориться пройти вместе с ними. Платить нам нечем, но хорошее оружие стоит дорого, — ответила я на не заданный Эрдом вопрос. — Или используем на границе легенду и будем искать Киана уже в городе, — ни Эрд, ни Ариэн не сочли своевременным что-то уточнить или исправить, а я не хотела больше тратить силы на разговоры, поэтому ненадолго замолкла, растирая друг о друга замерзшие руки, и коротко скомандовала: — Вперед!

Холодный колючий ветер бил в лицо, заставляя щуриться и прятать подбородок в складках одежды. Дыхание опять сбилось, но, пока боль оставалась терпимой, я не собиралась сбавлять темп. На примятом снеге виднелись широкие колеи повозок и свежие следы копыт, которые еще не успело замести. Поворот закончился, и теперь дорога прямой нитью вилась к линии горизонта. Впереди в плотной цепочке началась перестановка, и всадники постепенно стягивались в конец, видимо приметив нас. Я разглядела богатые белые меха, накинутые на их плечи, блестящую на свету сбрую и яркие шапки из лисьего меха, опущенные почти до самых бровей. Наемники, очевидно, за большие деньги защищающие идущий через пустынные земли караван.

— Оружием не светить! — быстро бросила я через плечо и подстегнула лошадь. — Не

провоцировать!

С нашим приближением четыре наемника, последними замыкающие караван, резко развернулись и почти одновременно коснулись рукоятей своих мечей. В любой момент готовые дать отпор. Караван тоже встал, и дородный торговец с повязанным вокруг шеи шарфом с золотой тесьмой, галопом проскакавший к хвосту каравана, остановился, прячась за напряженными воинами.

В оставшиеся метров тридцать я сбавила ход, пытаюсь уловить эмоции чужаков и их настрой, и окончательно остановилась на расстоянии в пару десятков шагов от наемников, пытаюсь определить главного среди них и не рискуя пока начинать разговор. Но меня опередили.

— Кто вы такие и почему пытались нас нагнать? — проглатывая окончания, недовольно спросил тот самый торговец.

— Не враги, — уверила я, на всякий случай показывая открытые ладони. Ариэн и Эрд последовали моему примеру. — Мы ищем человека, который день назад сбился с дороги.

Я тоже говорила мягко, просительно, стараясь при этом проникнуть в сознание тех, кто был ближе всего ко мне. Но удавалось с большим трудом, на поверхности находилась только решимость исполнить любой приказ и при малейшей опасности вступить в бой.

— Мы никого не встречали, — резко ответил торговец, нахмутив черные брови, но расстояние не позволяло понять, была ли это правда. Наемники лишь коротко переглянулись, не смея вступать в разговор.

Пять пар глаз нетерпеливо прожигали меня насквозь, точно ожидая извинений за задержку, но я не могла себя заставить что-либо сказать. Щурилась, поочередно рассматривая потенциальных врагов и пытаюсь пробиться к торговцу, за всех держащему ответ. Но тут вперед неожиданно выступил Ариэн, сходя с дороги и чуть обходя дугой наострившуюся стражу. Он протянул руку, показывая куда-то на повозки, но обращаясь ко мне:

— Жеребец Киана.

Теперь я поняла, на что он показывал, и заметив на Ариэне злой, почти разъяренный взгляд торговца, резко прищпорила лошадь.

— Лжец! — едва успела прокричать я, уже не глуша ярость, когда их вожак, еще даже не получив приказ, метнул в мою сторону топор. Я едва увернулась, надеясь, что никого больше не зацепило. Пригнулась, хватаясь за спрятанные метательные ножи. Лошади противника встали на дыбы, прежде чем броситься вскачь.

Рука не подвела, и первый нож достиг своей цели. Воя от боли, наемник вывалился из седла и едва успел уйти от удара копытом. Лошадь, оставшись без седока, испуганно заржала, но продолжила бежать вперед — прямо на меня. Я с трудом высвободила из ножен меч, лихорадочно соображая, как расчистить путь и на всякий случай никого не убить. Краем глаза заметила, как Эрд и Ариэн поравнялись со мной, держа наизготове мечи. Мысленно я отсчитывала секунды до столкновения, которого уже было не избежать.

Меня толкнуло назад, и я в последний момент перехватила поводья так, чтобы не упасть, накрутив их на свободную руку. Металлический скрежет почти оглушил, а рука сильно дрогнула под напором вражеского меча. Перед глазами все замелькало, закружилось, мешая сориентироваться. словно предчувствуя, я повернулась в сторону, отводя оружие, оказавшееся в опасной близости от шеи. Кони наемников заржали, вставая на дыбы и пытаюсь повалить наших, напуганных и непривычных к сражениям. Кто-то взвизгнул, падая

на снег, но у меня не было ни секунды, чтобы узнать кто.

Несколько мгновений в бешеном ритме, и противники оказались отброшенными за наши спины — всего на пару-тройку метров. И я наконец смогла взглянуть на Эрда и Ариэна. Живые, хоть и напуганные. Двое разозленных наемников в полной боевой готовности стегнули лошадей, собираясь вновь идти на таран. С другой стороны к нам бежали мужчины, вооруженные укороченными мечами. На секунду я столкнулась взглядом с торгашом, смотрящим на меня уже без прежнего презрения, но еще не со страхом. Не успела опомниться, как на этот раз удача нас покинула: оказавшийся впритык к врагам Эрд не смог удержать удар и полетел вниз, не успев выпутать ногу из стремени.

Времени не было, и замахнувшись я бросилась навстречу растерявшемуся торгашу, оставшемуся без охраны. Мой удар он с трудом попытался отразить кинжалом, в который вцепился обеими руками, но не смог и завалился на бок, с криком отползая от падающей на него лошади. Через силу не отвлекаясь на то, что происходит за спиной, я спрыгнула на землю и метнулась к нему, выбивая из рук его единственное оружие. Торгаш приподнял в защитном жесте руки, не переставая отползать назад, пока вдруг не остановился, замороженно глядя сквозь меня. Лишь сейчас я заметила, что удары прекратились, и, быстро вжав окончание лезвия в промежность торгаша, обернулась. Ариэн стоял на коленях, кое-как удерживая прижатый к горлу нож, Эрд корчился рядом, загребая снег и прижимая его к раненому плечу.

— Брось меч, — приказал наемник, сильнее заламывая Ариэну руку. Всколыхнувшаяся было ярость затихла, уступая место невесть откуда взявшейся обиде, но я не подчинилась. Опустила взгляд на торгаша, выжидающе застывшего на снегу, и обратилась со встречным предложением уже к нему:

— Верните Киана. — Он мешкал, быстро переводя взгляд с меня на наемника и обратно. — Соглашайся, это выгодное предложение, — холодно сказала я, в доказательство надавливая сильнее и стараясь игнорировать едва сдерживаемый стон Ариэна.

Несколько человек остановились у крайней повозки, испуганно и недоуменно рассматривая всех нас. Торгаш зло зашипел, вновь попытавшись отползти, но я не дала и, резко опустившись на одно колено, приставила метательный нож к груди, где за развязавшимся шарфом виднелась белая кожа. Он сглотнул и, переборов гордость, обернулся:

— Тащите сюда стража. Живо!

Я внутренне содрогнулась, когда поняла, что Киан не сменил одежду, но теперь неважно, кем нас сочли торговцы. Все плохое, что могло случиться, уже случилось. Так что, убедившись, что приказ есть кому выполнить, я позволила себе выдохнуть. А после, не поворачивая головы, обратилась к наемнику:

— Убери нож от моего человека. — Торгаш коротко кивнул, и я услышала, как за спиной захрустел снег. — Эрд, живой?

— Порядок, — ответил он, но голос его дрожал от боли. Я быстро глянула назад, чтобы убедиться, что они оба удержатся в седле. Надо было поступить так, как предложил Эрд, возможно они бы поостереглись нападать на слуг Службы, но я не учла заранее, что на Киане осталось обмундирование, и теперь легенда могла затрещать по швам в любой момент. Положение оказалось до ужаса шатким и в любую секунду могло измениться в худшую сторону. Я лишь надеялась, что нам в спины не полетят стрелы.

Не в состоянии просто ждать, я опять обернулась через плечо, оценивая силы

противника. Пораженные наемники выглядели хуже, чем Ариэн и Эрд: один шел к нам, медленно переставляя непослушные ноги и растирая ушибы, второй же продолжал лежать в снегу, свернувшись калачиком, но никто не торопился ему помочь.

— Седлайте лошадей. Мы здесь не задержимся, — безапелляционно велела я, чувствуя на себе прожигающий ненавистью взгляд из-под заросших черных бровей.

В начале каравана кто-то громко переругивался, но сюда долетали лишь бессмысленные обрывки. И вот, наконец, впереди наметилось движение. Я прищурилась, стараясь привести дыхание в норму и не дать слабину. Но все равно чувствовала, как все внутри томительно натягивается в ожидании развязки.

Двое низкорослых мужчин тащили на себе Киана, перекинув на плечи его руки. Одежда была измята и порвана в нескольких местах, волосы почти не скрывали обветренное бледное лицо. Вокруг шеи был повязан широкий белый бинт, из-под которого выглядывали обрезки каких-то трав. Глаза были закрыты, и на миг я поверила, что мы опоздали. Но Киан дышал. Я видела, как изо рта едва-едва шел пар. На глаза навернулись слезы, но радость заглушило чувство возможной потери. Если бы Ариэн не увидел коня, я бы... ничего не смогла доказать. Я бы потеряла его. Может, иноземцы продали бы Киана в рабство или отдали на суд ополченцам, или пограничникам, которые не прочь с удовольствием отыгратья на стоящей выше них Службе, пока все не выяснят, или... Кажется, сотни вариантов пронеслись в голове за те несколько мгновений, пока я не дышала от сдавившей сердце боли.

Мужчины остановились в нескольких метрах от меня, не решаясь опускать ношу на снег.

— А... — начала я, но вовремя осеклась, — Рэрн. Помоги. — Я убрала меч в ножны, все еще держа нож у горла торгоша. Тот облегченно выдохнул и прикрыл глаза.

Мучительно долго Ариэн пытался поднять Киана, но Эрд, и сам кое-как забравшийся в седло, ничем бы не смог ему сейчас помочь. Я не шевелилась, дожидаясь момента и, когда Эрд подвел ко мне лошадь, резко вскочила на нее, судорожно бросив еще не опомнившегося торгошу:

— Мы в расчете, — и слепо надеясь, что это действительно так.

Киан

Мне показалось, что я умер. Теперь уже по-настоящему. Навсегда. Потому что больше не чувствовал боль, и голод не скручивал до одури внутренности. Мысли лениво перекатывались, сменяли друг друга, и не несли тревоги. Лишь раз из вязкого ниоткуда возник смутно осязаемый вопрос: похоронят ли меня по-человечески? И долгое время больше не было ничего, пока вдруг все тело не пронзил холод. Я хотел закричать и сбежать к теплу, но сил не оказалось даже на то, чтобы просто быть. Кажется, меня куда-то несли, дергали, тащили. Пальцы противно кололо и скручивало от мороза, будто лезвие пыталось отделить ногти от мяса. Мне было почти все равно. Если бы не боль... Но на сопротивление сил уже не набиралось, и я безразлично ждал, когда все это закончится.

Я так устал. Эта усталость, наверно, тянула бы к земле, но я не ощущал пространства. Только боль вновь вгрызалась прямо в кости, пробираясь в легкие и раздирая их когтями.

Я утратил понимание времени и уже ни о чем не думал, когда холод постепенно сменился приятным теплом. И пришел покой. Я думал только об этом. Покой, умиротворение, небытие. Моя жизнь осталась в прошлом, какой бы она ни была. Все мечты ничтожны и больше...

— Эвели... — неожиданно застыло на губах имя, но тут же было стерто из памяти.

...не имеют ни значения, ни ценности. Я почти свободен, я в безопасности, значит, я уже умер.

***

На целую вечность я поддался абсолютному мраку, и раньше часто заменявшему сны, когда мне было очень больно. А потом он начал медленно рассеиваться, заставляя все больше напрягать слух в попытке уловить какие-то обрывки — искаженное эхо нескольких голосов.

Постепенно возвращалась и боль — уже более-менее терпимая, — но все еще не дающая спокойно вздохнуть. Глаза сдавливало от вдруг появившегося света, пусть совсем мягкого, и горло болело, из-за чего каждый вдох давался через силу. Пальцы неприятно покалывало, и сжать руки в кулаки не получалось. Но эти ощущения еще не хватало сил осознать. Я понимал лишь то, что нахожусь в тепле, на кровати, завернутый в одеяло, кажется, по самую шею, и чья-то горячая мозолистая рука держит мою. Именно это незнакомое чувство могло бы заставить меня улыбнуться, если бы я точно знал, что мне не кажется. Если бы хватило сил.

— Пи... ть... — едва-едва прохрипел я, ощущая, как меня покидает желанное тепло.

В следующий раз сознание возвращалось быстрее. Но, так и не открыв глаза, я почувствовал, что теперь один. Мягкий свет все так же расплывался перед взором, стоило только на миг разлепить непослушные веки. Боль терпимо сдавливала ребра, а сухой язык прилип к небу. Но рядом никого не было. Может, не было и тогда. В бреде разум способен во многое заставить поверить.

Я не думал и не гадал — просто, пересилив боль, открыл глаза. Свечи стояли где-то рядом с кроватью, освещая низкий покатый потолок. Чтобы увидеть остальное, нужно было попытаться приподняться.

Я слабо помнил, что происходило в последние дни. Дорога, голод, чувство одиночества и глупо замаячившая на пути надежда... Неужели кто-то меня спас? Зачем?

— Дай посмотрю... — будто услышав мои мысли, глухо скомандовал женский голос где-то за спиной. Сердце защемило от неожиданной догадки, слишком нереальной, чтобы хоть как-то в нее поверить. Но этот голос... знакомый голос... я узнал бы его, даже будучи глухим.

Или разум опять играл со мной, заставляя верить и надеяться, что... Я не нашел в себе смелости закончить мысль. Как она смотрела... Она ведь узнала. Все. Так зачем теперь меня искать, когда все расставлено по своим местам? Глаза защипало от обиды, но что-то внутри больше не позволяло поддаться этой боли — та часть меня, которая вопреки всему продолжала верить. Я застыл, надеясь услышать что-нибудь еще за тонкой стенкой, кроме тихой возни. Тишина.

Я никогда раньше не обращался к Природным духам за помощью, но сейчас, с трудом поворачиваясь на бок, пытался вспомнить хотя бы какие-то ритуальные слова. Попросить, чтобы иллюзия не спала, чтобы услышать еще раз этот голос.

Голова закружилась, я выдохся уже только от одного простого движения, но знал, что не найду покоя, пока не открою дверь. Я запрокинул голову. Тонкая полоска света от дверного проема освещала посеревшую от пыли деревянную распорку, а в уголке под самой крышей чуть трепыхалась паутина.

Послышался тихий треск разрываемой ткани.

— Придержи, — так же глухо прозвучала просьба. Эвели! Это ее голос. Все внутри

скрутило от непонятного чувства облегчения и тревоги. Я не мог поверить до конца, но так хотел.

Одернуть одеяло получилось тоже только через боль. Лишь краем сознания успел заметить, что на мне свежая рубашка, а от тела больше не несет кислым потом и гниющей травой. Перед глазами все поплыло, когда я приподнялся, свесив ноги. «Пожалуйста, не окажись сном», — повторял я про себя, словно сильнейшее из заклинаний, пытаюсь удержать шаткое равновесие. Уже из последних сил ухватился за гладкую деревянную ручку, пытаюсь толкнуть дверь. Но она не поддалась. Я бессильно прижался к ней лбом, чувствуя, как по затылку течет пот. А сердце билось и билось, как проклятое, не давая даже вдохнуть. «Пожалуйста, — прошептал одними губами, отчего стало еще больнее, и надавил на дверь всем весом: — будь там».

В маленькой комнате света было куда больше, а от едкого запаха опять заслезились глаза. Я зажмурился, с силой ухватившись за косяк. Боль прошла по телу, запульсировало в висках. Все размывалось, и я так разозлился на свою беспомощность, чувствуя себя жалким и ужасно одиноким. Эти мысли раньше не донимали меня, но никогда в своей жизни я и не чувствовал себя настолько уязвимым и сломленным. А сейчас... Почему-то стало невыносимо стыдно за желание ощутить человеческое тепло.

— Киан! — неожиданно воскликнула она, кажется, роняя что-то на пол. «Эвели... Это и правда ты?». Я попытался протереть свободной рукой лицо, но голова пошла кругом, и глаза сами зажмурились от жуткой рези. Я приоткрыл рот, порываясь спросить, но голос не слушался, а ноги подкашивались от сильного напряжения. На ощупь я прислонился к стене и тут же почувствовал на губах холод железного горлышка кувшина, который удерживала Эвели. Прохладная вода тонкой струйкой потекла в першащее от сухости горло.

— Киан... — Стоило мне напиться, она обняла меня так сильно, что было даже больно, но я никогда не посмел бы ее оттолкнуть. — Я так боялась... так... прости меня, — выдохнула она у самого уха, и я почувствовал, как ее локоны щекоют мое лицо.

— Ты... — голос дрогнул, и сухое горло горело, причиняя сильную боль. Но я не смог просто промолчать. Неужели я больше не один? Неужели не раб, которому можно найти замену? — Ты пошла за мной?

Она чуть отстранилась, чтобы заглянуть в мои глаза. Так близко...

Я жадно всматривался в знакомые черты лица, забыв обо всех своих страхах, больше не опуская взгляд. Знакомые и в то же время искаженные эмоциями, такие живые. Я бы смотрел на нее вечно.

— Да... — Ее теплые ладони коснулись моих щек, нежно и осторожно. Не в силах осознать момент, я прикрыл глаза и напугано оплел ноющими пальцами ее кисти. Мне не хватало храбрости изгнать поселившийся в сердце страх, и я молча стоял, наслаждаясь ее прикосновением. — Я люблю тебя, Киан. Я так сильно тебя люблю.

И я не смог удержать в себе эмоции. Мои губы накрыли ее с такой страстью, на которую, как казалось, я даже не способен. И эта щемящая нежность просто разрывала душу. Чувство единения стерло из воспоминаний все, что было со мной до сказанных слов. До признания, которое я так жаждал и вместе с тем боялся услышать. Я был готов отдать ей все. Свое тело, свою душу, волю, только не отпускай.

Поцелуй выходил жадным, даже болезненным, но мне было не заставить себя остановиться. Я больше не чувствовал боли, только ее в своих руках. Ее тепло. Как она льнет к моей груди, вплетает пальцы в спутанные отросшие волосы, громко и прерывисто дышит,

закрыв глаза.

Я с трудом оторвался от ее губ и тут же обнял, пытаюсь спрятать от нее едва не проступившие на глазах слезы. Мужчине не пристало плакать даже от радости. «Ты спасла меня, ты меня вернула», — произнес я в мыслях, надеясь, что она услышит.

— А ты — меня... — ответила она, и голос ее дрожал.

Ничто не заставило бы меня сейчас ее отпустить. И никто.

Едва ощутимо Эвели подтолкнула меня назад и, опустив руку на грудь, поцеловала. Так же несдержанно — будто мир вокруг нас мог вот-вот рухнуть, — до боли прикусывая нижнюю губу. Я наугад ухватился за что-то, лишь бы не упасть, от чего по руке до самого плеча прошла боль. Эвели остановилась, мягко и как-то испуганно проведя руками по моему лицу, отчего по телу пробежала волна мурашек. Шевеление в паху заставило дернуться, и, жмурясь от неизвестного чувства, я быстро перехватил ее руку, покрывая поцелуями. Смотря глаза в глаза. «Ты так красива, — я провел большим пальцем по тонкой линии приоткрытых губ, по скуле, опускаясь к оголенной длинной шее: — я бы вечно любовался тобой».

Улыбнувшись, она поманила меня за собой и помогла лечь. Я судорожно сглотнул, неотрывно заворочено наблюдая, как она медленно скидывает с себя рубашку, как распутывает шнуровку штанов. Как ее темные, почти черные глаза светятся любовью. И вновь на несколько секунд сомкнул веки, чтобы запечатлеть этот образ в памяти.

Она нависла надо мной, легко касаясь шнуровки исподней рубахи на груди, но не снимая ее, и нежно поцеловала, не отрывая от меня взгляда. Я поднял руки по ее талии к груди, наслаждаясь бархатом кожи и вместе с тем ощущая старые бугристые шрамы, побелевшие от времени. Даже в этом мы с ней были до ужаса похожи.

— Ты... уверен? — вдруг чуть погодя спросила она, с нежностью взяв меня обеими руками за перебинтованную кисть. — В смысле, ты истощен, тебе не будет больно? — и смотрела мне в глаза с желанием и тревогой. Я лишь на миг устало прикрыл глаза и сразу же вдохнул полной грудью:

— От тебя я вытерплю любую боль.

— Больше никакой боли, — прошептала она мне прямо в губы и поцеловала.

Я плавился в ее руках, а она — в моих. Я тонул в ощущениях, касаясь ее обнаженной кожи и боясь закрыть глаза. Боясь потерять. Пусть даже всего на одно короткое мгновение. Больше никогда. Не отпущу, не отдам.

Ее рука медленно спустилась ниже, обводя живот, и я задохнулся от желания, готовый вечно терпеть эту сладкую невыносимую пытку. С трепетом коснулся ее маленькой груди и несильно сжал набухший сосок между зудящими от тепла пальцами, инстинктивно стараясь доставить ей удовольствие. Она глубоко вздохнула, сведя брови и запрокинув голову.

Почти черные волосы струились по ее сильным плечам, притягивая взгляд. Опускались ниже, обводя ее фигуру. Словно она — существо из другого мира. Слишком прекрасное, чтобы кто-то посмел увидеть его за ворохом бесформенных тряпок и коснуться, как делал сейчас я.

Мне казалось, я вот-вот сойду с ума, не в силах справиться с порывом. В горле опять пересохло, но боли не удалось бы меня остановить. Я облизнул губы, осторожно и неумело притягивая ее к себе, согревая своим теплом. Ее рука стала опускаться ниже, и я застыл, стремясь прочувствовать этот момент всем телом. Прошло столько лет с тех пор, как я делил с кем-то постель и чувствовал себя свободным, но воспоминания блекли в сравнении с

настоящим. Стирались из памяти, даруя настоящей покой.

— С тобой я живу... — тихо произнес я, несмотря на усилившуюся боль в груди и легких, потому что не мог больше молчать. И она опять сорвала с моих губ поцелуй, радуясь маленькой победе, как ребенок. Искренне.

Я откинулся на подушки, продолжая тянуться к ее рукам, следовать за ее движениями. Любить. Как не любил никогда.

Глаза все еще щипало от собравшейся в уголках влаги, а я продолжал улыбаться, стискивая ее руки и слушая тихий, полный наслаждения стон.

«Я всегда буду твоим, Эвели. Всегда».

Часть 14. Прошлое позади

Ариэн

А кузнец оказался не промах, не обделенный внимательностью даже под раннее утро. Так что лучшая сталь империи ушла с рук всего за какую-то сотню серебряков, но я и тому старался быть рад: высеченная на яблоке рукояти монограмма «ТС» вполне однозначно трактовала происхождение меча, а красть у Службы... это более чем неразумно. Поэтому за молчание ворчливому кузнецу, который все косился на нас и долго отказывался пускать за порог, пришлось щедро доплатить.

Я все больше убеждался, что здешние местные принципиально не замечали незваных гостей. Конечно, это настораживало, не позволяя расслабиться и хоть раз за десятилетие просто слечь с простудой, но все-таки я понимал, что нам очень повезло попасть в такой момент, когда улицы были безлюдны, а встречные — недоверчивы, но в общем-то безразличны к нашему существованию.

Мы шли медленно, с трудом переставляя ноги, погрязшие в рыхлом непроторенном снегу на добрые полметра. Но если я отказывался анализировать происходящее, просто желая прилечь и отоспаться в тепле, то Эрд весь извелся и, признаться, уже раздражал своей пружинистой, несмотря на хромоту, походкой, невольно привлекавшей мое внимание.

— Ты чего? — устало прохрипел я, замедляя шаг, но Эрд не ответил. Нервно повел плечом, кутаясь в побелевший от снега плащ. На меня не смотрел, с недоверием оглядываясь по сторонам, но в такую метель вдалеке терялись даже силуэты домов. — Эрд!

— Неуютно мне... без меча, — скрипя зубами, как-то беззащитно ответил он.

— Зато будет... — я прочистил горло, через ткань растерев занывшую шею, — чем заплатить, на морозе оставаться как-то не... хочется.

— Тебя не смутило, что на границе вообще никого не было? Где стража? Патруль? Еще и караван этот куда-то исчез, хотя уже должен был пройти через Заррэт.

Я поднял взгляд вверх, пытаюсь определить, в скольких домах растоплен очаг — многочисленные тонкие струйки дыма тянулись к серому небу над каждым сложенным из не обработанных камней домом. В некоторых местах неровную кладку раздирали глубокие трещины в растворе, где-то затертые, а где-то оставленные до лучших времен. Вспомнив слова Эвели о здешнем климате, я невольно поежился, когда ветер с особенным рвением содрал с дощатых крыш снежные шапки.

— Лихорадка, — предположил я, припоминая, как Эвели торговалась с хозяйкой ближайшего дома, в котором, как показалось, пустовала пара комнат. Я тогда был не в том состоянии, чтобы вслушиваться в разговор, сосредоточив все усилия на Киане, который то и дело заваливался на бок. А касательно вопроса про караван ничего путного в голову пока не приходило. — Как рука?

— Болит... Неприятно чувствовать себя таким жалким, — тихо-тихо добавил Эрд, и если бы ветер завыл чуть сильнее, я бы уже не услышал.

— Ты чего-то совсем... раскис, — без напора констатировал я, оглядывая его с головы до пят. Одежда, которую ему пришлось сменить по дороге, висела на нем и топорщилась в плечах. Меховой капюшон почти полностью закрывал молодое лицо, с которого только-только сошел загар. Мелькнула мысль, что где-то в его возрасте я впервые узнал, как непостоянна свобода и жестока жизнь.

По телу прошла дрожь.

— Устал уже просто, — с запозданием ответил Эрд.

— Я тоже.

Какое-то время мы шли в молчании, пока на соседней узкой улочке не показались горевшие окна нашего временного пристанища. Я вздрогнул от подувшего с особенным рвением ветра, вместе с тем пытаюсь разобраться с вновь появившимся тянущим чувством, досаждающим еще после того, как Эвели взяла лежащего без сознания Киана за руку. Но Эрд отвлек.

— Странные между вами взаимоотношения... — неожиданно неопределенно бросил он, опять смотря куда-то в сторону. — Никогда бы не подумал, что в ком-то из слуг Службы еще может оставаться что-то настолько человеческое. — На мгновение он остановился, рассеянно и чуть виновато смотря на меня. Честно говоря, на откровенные беседы я был не настроен. Но и останавливать вроде как уже друга — надежного друга — не хотел. — Я помню, как в Нордоне Эвели отдавала приказы — властно, жестко, я бы не рискнул послушаться. Я видел и тебя, едва-едва. Хотя и не узнал бы, наверное. Ты выглядел скверно.

Я усмехнулся про себя, стараясь не вспоминать то время. Слишком сильными и в то же время как будто чужими были эти воспоминания. Или, кажется, это сознание само тянулось к ним глазами Эрда. Когда в воздухе еще не стоял запах смолы и гари.

— К чему ты это начал?

— Не знаю... Просто после поступления на службу не было ни одного человека, с кем я мог бы просто поговорить. Только сестра... но мы редко виделись. Отец не одобрял, а теперь... в общем, я уже привык, что постоянно один, — он продолжил движение, на ходу сбивая с одежды подтаявшую корку снега. — А вы... вы так сильно друг другом дорожите, и готовы рисковать... Просто я бы тоже... хотел, чтобы моя судьба кого-то беспокоила.

Я неуверенно поджал губы, вспоминая тот глупый поцелуй и блеск глаз Эвели, когда Киан неожиданно пришел в себя, но ничего не ответил.

Киан

Сквозь приятную полудрему я почувствовал, как Эвели отпустила мои пальцы и осторожно выскользнула из объятий, неуверенно пряча наготу одеялом. Послышался тихий треск веток, сложенных у маленькой печи, которую я даже не сразу заметил. Впрочем, и сейчас тоже было не до деталей, когда женщина, которую я люблю больше жизни, находится так близко. Она развернулась, будто почувствовала мой взгляд, и в ее глазах было столько нежности и тревоги... Желание снова дало о себе знать, но не осталось и толики сил, чтобы просто сжать ее руки в своих.

Я поморщился, когда попытался сглотнуть слюну, и опять зашелся кашлем, продирающим до самых кишок. Но даже не успел почувствовать боль, как Эвели, сама дрожащая от прохлады, приставила к моим опухшим губам кружку с тепловатым отваром. Это помогло. Я продрал глаза, стараясь как можно более настойчиво уложить Эвели

обратно, как только она убрала тарелки с подсохшими остатками вчерашней каши с кровати, чтобы не тратила на заботу обо мне столько сил. Чтобы просто лежать рядом, смотреть, как мех щекочет ее лицо, и наслаждаться сходящим с пальцев онемением после ее разогревающего массажа. Неужели мне это все не снится?

— Не снится, — смущенно подтвердила Эвели, быстро забираясь ко мне под бок.

Обнимая ее голые плечи левой рукой, я искренне, но немного нервно улыбнулся, стараясь не пугаться того, что она может прямо сейчас меня... подслушивать.

— Прости, — Эвели сразу же посерьезнела, виновато потупив взгляд, хотя за все это время, пока мы были вместе, словно не могла на меня насмотреться. — Я не специально. Не хочу отнимать у тебя свободу, но не могу не слышать, когда ты так близко.

Я не хотел возражать. Особенно сейчас, когда голос почти пропал. Пусть слушает, пусть отвечает. И неважно, что это чувство немного пугало своей непривычностью, я был готов отдать себя без остатка, и теперь знал, что, несмотря ни на что, меня примут.

«Я бы отдал тебе не только свою свободу, лишь бы всегда быть рядом».

— На равных, Киан, — протянула она мое имя, непривычно и для нее тоже растягивая гласные, — мы найдем по дороге писаря и подделаем вольную грамоту, будем обычными крестьянами. Все будет хорошо... теперь будет, — совсем тихо добавила она, положив голову мне на грудь. Жаль, что я больше не видел ее лица, зато почувствовал тепло и изгибы ее тела еще ярче. Столько лет я был рядом — всегда смотря снизу-вверх, и вдруг Природа подарила мне намного большее, чем просто надежду.

Я лежал, почти не шевелясь, с не проходящей тревогой смотря на нее и осторожно перебирая сбившиеся в колтуны жесткие волосы. И не верил. Слишком желанно было происходящее — до дрожи, которую невозможно сдерживать.

— Не могу поверить, что мы все живы... и что ты... — она не закончила, лишь крепче сжала мою руку, и было в этом жесте что-то настолько родное и близкое, что по телу пробежали мурашки.

«Как ты нашла меня?» — удивился я, пытаюсь хоть как-то отвлечься от въедливой тревоги и убедиться, что зря волнуюсь. Зря боюсь потерять ее.

— Кочевники сказали, ты возвращаешься домой. Я думала, куда ты мог бы пойти. И вспомнила, при каких обстоятельствах вы... выкупила тебя.

«Не стыдись того, что тебе приходилось делать», — попытался успокоить я, сам крепче стискивая зубы.

Эвели повернулась ко мне, задумчиво ведя пальцами по грубому побелевшему тавро в форме трехконечной короны под ключицей, поставленному после кончины Его Величества Императора сразу за продажей на плантацию Заррэта, по плоским выпуклым шрамам на плечах, тянущимся по всей спине, по зарубцевавшемуся шраму от стрелы на ее правом плече... Я помнил тот день, когда она из-за Ариэна подняла на меня руку. Но не злился ни тогда, ни сейчас. Как еще могло быть, когда я — раб, а она — моя госпожа?

«И этого тоже», — добавил я, касаясь рукой ее спины, изувеченной не меньше моей — до сих пор не мог до конца в это поверить. Она слабо улыбнулась, прикрывая слезящиеся глаза.

Я обнял ее покрепче, стараясь не думать о том, что мог насмерть замерзнуть в какой-нибудь яме, если бы не... Попытался вспомнить, что произошло после того, как я увидел впереди слабый свет, но не получалось. Надо было спросить, какой ценой я оказался здесь, ведь Эвели всегда — даже в самые мерзкие ситуации — старалась разобрать каждую деталь.

И мне... хотелось ей соответствовать. Но сейчас что-то внутри протестовало против попытки отвлечься.

— Пока ты будешь приходить в себя, я поищу ее, — прошептала Эвели, мягко касаясь моих волос — так же, как делал я.

А я все смотрел в ее темные карие глаза, подобные грозовому небу над горящим лесом, в котором яростно кружились искры. Смотрел и чувствовал, как тону в этой глубине.

— Спасибо, — через боль прохрипел я, заводя выбившиеся черные пряди за уши. Я мог бы сказать куда больше. Спасибо за то, что нашла меня, рискуя собой, позволила встать вровень, сидела рядом, держа за руку, приняла, несмотря на мое рабское прошлое, которое не изменить и не забыть нам обоим. Лишь бы только не знала, как больно мне было из-за ее молчания. Не знала об отчаянии и голоде, которые медленно высасывали из меня крупницы самообладания. О желании прервать свою жизнь, чтобы хоть так показать, что и я имею право на выбор.

Как же долго я был рядом безмолвной тенью, как долго не смел мечтать о чем-то большем, даже и не думал, что когда-нибудь почувствую подобную необходимость, обиду, злость и робкую надежду. Почувствую, как рабство разъедает меня изнутри, мучает, изводит, заставляя раз за разом вспоминать прошлое и стремиться получить право на выбор и равенство.

Так не вовремя заурчал живот, требуя пищи, и я отвлекся от размышлений, смущенно глядя на улыбающуюся Эвели. И почему мне сейчас казалось, словно мы уже целую вечность провели вместе?

— Пойду спрошу у домоуправщицы, когда ждать обеда. — Эвели приподнялась на кровати, больше не удерживая одеяло. Наклонилась ко мне, легко поцеловав, и я поспешил ответить.

Эвели

Приятная усталость разбредалась по телу, даже несмотря на холод, подбивавший покрепче закутаться в меховой плащ. И улыбка все никак не сходила с лица, хотя я и пыталась сосредоточиться, проходя по узкому пустынному коридору, по обе стороны которого тянулись ветхие двери. Через единственное окно в самом конце — над лестничной площадкой — виднелась холодная зимняя ночь. Похоже, в Азуме, бедной на горные породы, стекло до сих пор считалось роскошью.

Аккуратно ступая в сторону распахнутого окна по скрипучим половицам, изогнувшимся и разошедшимся от перепадов температуры, я улыбалась так, как никогда раньше. Даже как-то глупо, но совсем не беззащитно, как думала раньше. Внутри больше не было пустоты. Я бы даже не смогла это объяснить. Облегчение — слово явно не подходящее, слишком незначительное для того, что испытывала я. Столько всего изменилось за эти короткие и в то же время бесконечные мгновения единения. Покой... Да, я нашла покой, о котором так мечтала эти долгие годы боли и одиночества. С тем, кто любил меня, кто готов был простить после всего, что я натворила. Принять, несмотря на все недостатки и ошибки, совершенные из-за слабости и малодушия.

Сердце подпрыгнуло, и по телу пробежали мурашки. Я больше не одна. Меня простили, мне доверили свои воспоминания, свои мысли, свою жизнь. Страх сменился надеждой... В эту встречу мы почувствовали это одинаково, словно стали одним целым, хотя в подобные вещи я никогда раньше не верила.

— Киан... — безотчетно прошептала я вслух, обнимая себя за плечи. В мыслях опять

пронеслось его пробуждение. Эта щемящая близость. Невыносимое противостояние нежности и страсти, захлестнувшее меня в ту же секунду, когда отворилась дверь. Наверно, ничто в тот момент не смогло бы меня остановить.

С трудом переборов желание вернуться к Киану, я подтянула створки окна и закрепила внутренний замок, замороженно наблюдая за последними снежинками, медленно оседающими на верхнюю ступень. На душе было удивительно легко.

Общий зал пустовал — низкое квадратное помещение с узкими окнами, задернутыми плотными шторами, голый неровный камень на стенах. Их цвет исчезал в темноте, разгоняемой одним единственным трехрогим канделябром, стоящим посередине массивного обеденного стола, и затопленным камином, покрытым недавно тщательно замазанными трещинами.

Всматриваясь в темноту под ногами, я медленно подошла к столу, разглядев на его вымытой поверхности маленький клочок пергамента и корявую надпись на общеимперском диалекте: «За ужином на кухню».

Я озадаченно покрутилась, стоя почти по центру комнаты, и заметила у края полуоткрытую дверь, за которой что-то слабо горело. Чуть приблизившись, почувствовала аромат пряных трав, которыми заправляли часто безвкусную оленину. Желудок против воли недовольно и требовательно заурчал, напоминая, что я не ела с того утра, как сорвалась вскачь, приглядев на белом безлюдном горизонте движение. Вдобавок мозг, до предела перегруженный в последние дни, упорно не хотел работать, а тело желало отдохнуть после бурного начала ночи и тяжелой нервной дороги.

Кажется, мое появление напугало кухарку. Она как-то неуклюже всплеснула руками, едва не выронив кастрюлю, когда жалобно заскрипели дверные петли.

— Прошу прощения, — начала я, не ожидая такой нервной реакции, и на всякий случай вытащила из карманов руки, показывая открытые ладони. — Я увидела записку.

Комнатушка была какой-то слишком узкой, так что даже вдвоем уже становилось тесно. Темнота, опоясывающая большую часть кухни, напрочь отказывалась расступаться — или просто зрение подводило меня больше прежнего. В этой духоте как-то непроизвольно захотелось зевнуть, и я не стала себе отказывать. Потянулась, разглядывая скромную обстановку и в то же время подмечая порядок и даже режущую глаз чистоту, что нельзя было сказать о тех чердачных помещениях, в одно из которых нас нехотя заселили.

Девушка устало выдохнула и сделала шаг вперед, намереваясь, видимо, закончить начатое и поставить массивную кастрюлю на печь. Пыхающий в камине огонь осветил ее скрытое светлыми вьющимися волосами лицо, и я застыла, ошарашенно всматриваясь в эти яркие серо-зеленые глаза. Пытаясь найти подтверждение. Слишком неожиданно, чтобы ощутить радость. Ее лицо вытянулось, скулы заострились, но на щеках теперь играл здоровый румянец. Такие же маленькие и тонкие губы, прямой нос и миндалевидные глаза, обрамленные жидкими темными ресницами. Только во взгляде больше не было того детского отчаяния — лишь ненависть, которая появилась так быстро, что я не успела увернуться, когда холодная соленая вода окатила меня почти с головы до ног. Я попятилась назад, быстро протирая глаза и подавляя рвущиеся наружу вопросы.

— Ты?! Ты! Я тебя... — прорычала она, бросаясь на меня с выхваченным из полумрака ковшом. Слишком худая и слишком решительная.

Ясность мыслей вернулась в одно мгновение, и я быстро отстегнула фибулу плаща, который сильно стеснял движения. Оказывается, Келла меня помнила. Ту часть, когда я

отправляю ее одну, практически продаю господам. Но, в отличие от многих, хотя бы походящим на людей.

Я нагнулась, уходя от размашистого удара, и деревянная посуда разломалась о дверной косяк.

— Постой! — между попытками Келлы сбить меня, выкрикнула я. Но она не среагировала, только злобно замычала, хватая меня неожиданно сильными руками и встряхивая. И только сейчас я заметила в ее глазах слезы.

— Ты его... ты, — простионала она, прижимая меня к стене в неловком захвате, который при желании я на раз могла бы разбить. Но подзабытое чувство вины выиграло во мне с новой силой, и я просто не рискнула вновь заговорить, решив переждать вполне заслуженную бурю. — Отродье имперское! Он был хорошим человеком! — прокричала она мне прямо в лицо, уже не контролируя себя.

На месте Келлы я бы тоже решила, что Киан не выжил. Ее эмоции с силой врываются в мое сознание, заставляя вместе с ней ощущать и одиночество, и страх, и гнев, к которому Келла сама не была готова. Ее рука сдавила горло — не так сильно, чтобы перекрыть доступ к кислороду, но от того не менее больно.

— Киан не... — попыталась рассказать я, когда Келла немного успокоилась, и к ее напряженным рукам вернулась дрожь, но за дверью послышался шум.

Тяжелая входная дверь с силой ударилась о стену, и топот нескольких пар ног окончательно разорвал тишину. Я попыталась обернуться, вынужденно проглотив повисшие в воздухе слова, и в силу привычки, от которой никогда уже не избавиться, одной резкой подсечкой попыталась сбить противника с ног.

— Келла? — Шаги быстро приближались, и я резко нырнула в полумрак, едва не запнувшись о сброшенный на пол плащ. Но Келла, потерявшая ориентацию в пространстве, не удержала равновесие и задела сложенную у мойки посуду. Та с грохотом рассыпалась по половицам, маленькая крышка закатилась мне под ноги. — Келла, нужна помощь! — настойчиво прокричал незнакомый мужчина и в следующую секунду распахнул дверь.

Я сильнее прижалась к двери, сильно прикусив язык, и инстинктивно потянулась к кинжалу, забыв, что пояс с ножнами так и остался лежать на столе наверху. На глаза с удивлением посмотревшего на меня воина, закутанного в покрытую плотным слоем снега одежду, сползала покрытая инеем шапка из ярко-рыжего лисьего меха.

Часть 15. Численный перевес

Эвели

— Страж! — с ненавистью выкрикнул мужчина, сбивая шапку и обнажая меч. Направленное в мою сторону острие опасно замерцало в свете огня.

Я с трудом заставила себя двигаться вглубь кухни, непозволительно долго примериваясь и проворачивая в голове возможные варианты обороны. Но потерявшее форму тело могло подвести меня в первую же атаку, и я не чувствовала ни капли уверенности.

Вслед за узнавшим меня воином из охраны каравана в кухню вбежали остальные, явно не рассчитывающие на рукопашный бой. На задворках сознания забилась глупая ироничная мысль: пройдя такой долгий путь и, наконец, найдя счастье, я умру от рук тех, с кем в иной ситуации могла быть на одной стороне.

Я с трудом увернулась, выхватив из темноты деревянный молоток, слишком легкий и хлипкий, чтобы походить на оружие. В бедро уперся острый край столешницы, под ногами зашуршали полупустые мешки, в которых так и норовили запутаться ноги. Но я бы все-таки

удержалась, если бы не дернувшая меня с пола Келла. Лежащая на краю стола утварь полетела вниз, и при падении что-то тяжелое ударило по лбу. В мелкую рану попали капли соленой воды, но на боль уже не оставалось времени.

— Келла, уйди! — прокричал тот же мужчина, хватая ее за рукав и резко отводя к себе за спину.

Я проморгалась, судорожно пытаюсь зацепиться за что-нибудь и подняться, пока направленная на меня сталь не пробилла грудную клетку. На диалог не было ни малейшего шанса: Келла считала меня убийцей Киана, а закрывший ее от меня мужчина — посланником Тайной Службы.

Дьявол! Я оттолкнулась от стены, в последний момент уворачиваясь от рубящего удара. Спасла лишь маленькая площадь, на которой не развернуться с таким оружием, ничего при этом не задев. Схватив с пола первый попавшийся под руку жесткий мешок, я стянула его в жгут и попыталась перехватить меч до того, как грубая застиранная ткань затрещит по швам. Но рывок оказался поспешным: опорная нога ступила на лежащую дном вниз миску, и я, даже не зацепив противника, с силой грохнулась на пол.

Мужчина не медлил. Бросился ко мне и резко придавил своим весом поясницу, пытаюсь поймать руки.

— Попалась! Тварь! — выплюнул он, пугающе быстро стянув мои запястья импровизированным жгутом. Но даже так я не собиралась сдаваться, пытаюсь лягаться и крутиться под телом, почти в два раза превосходившим меня по массе.

— Келла! — позвала я, с трудом пытаюсь сохранить голос, хотя сейчас даже просто заглывать воздух было больно. — Послушай, он жив! — Мужчина никак не отреагировал на мои слова, занятый попыткой затянуть узел потуже, Келла же тихо зарычала и, мне показалось, уже собиралась броситься на меня, если бы не схвативший ее за предплечье второй мужчина, который так и не рискнул обнажить слишком неповоротливое для узкой кухни оружие.

— Ненавижу! — сорвалась она, подаваясь куда-то назад, а у меня уже не было времени за ней следить. Судьба точно смеялась надо мной, так жестоко сталкивая с людьми, которые априори сочли нас врагами.

Меня вздернули на ноги и сильно приложили о стену, выбивая желание и силы вырываться. Отчаяние и обида топили сознание, но я не могла себе позволить сдаться, пока еще жива. Не провоцировать, не злить. Нужно, чтобы меня услышали.

— ...и не стой так... набери жгуты, наши ранены, — послышалась тихая речь того второго мужчины, теперь придерживающего Келлу за плечи.

Более удачливый, чем я, противник повел меня из тесной кухни в не менее тесную обеденную, где уже зажгли свечи и расставили их вокруг стола, на который взвалили раненного мужчину. Кажется, это он тогда остался лежать в снегу без движения, но рассмотреть раны поближе мне не дали. С силой толкнули в плечо, заставляя перешагнуть порог — почти запнуться об него. Чуть ли не десяток глаз неотрывно воззрились на нас и, в особенности, на меня. Некоторые узнавали: это было очевидно не только по витавшей в наэлектризованном воздухе ненависти, но и по взглядам, горящим многим ярче, чем те же свечи. Те, кто присоединился недавно — определенно, городские — перешептывались друг с другом, пытаюсь понять расстановку сил. С лестницы, так и не спустившись на последнюю ступень, на нас с недоверием смотрели двое юношей, похожих друг на друга, как две капли воды. Они не рисковали вмешиваться, и просто жались к перилам выжидая. А тем временем

воины подтягивались ближе, образуя вокруг меня рваный полукруг.

— Это же та... — удивленно воскликнул кто-то, и вмиг поднявшийся гомон ударил по слуху.

Только сейчас, глядя на злые лица уставших с дороги мужчин, я почувствовала, как в глотке застрял горький ком. Им ничто не помешает... Додумывать я не стала, лишь сильнее выпрямила спину, чтобы спрятать зарождающийся ужас от чужих глаз. Связанные за спиной руки как ничто иное демонстрировали мою беспомощность и невозможность заблокировать удар. Я стиснула зубы, готовясь в любой момент дать отпор, но люди вокруг медлили показывать агрессию.

— Что, воин, сложно выстоять в равном поединке? — язвительно гаркнул кто-то, больно, но терпимо, пихая по ребрам. Я отшатнулась, оскалившись, и обернулась вокруг, показывая, что не дамся им просто так. Вся жизнь ушла на второй план, все переживания и мысли, касающиеся того, что было до встречи с Келлой. Только настоящее, от которого можно было ждать чего угодно. За семь лет, пять из которых я провела в ублюдском обмундировании, не было ни одного раза, чтобы со службой не считались. Ополченцы угрожали городским солдатам, пограничникам, но никогда — Службе. Слишком сильна, слишком разрушительна была ее сила. И эта проклятая Природой сила сейчас ничем не могла мне помочь.

— Надо было еще того стража сразу убить, — зло выплюнул кто-то прямо за моей спиной. — И лошадь его...

Хлопнула входная дверь, отвлекая внимание торгашей и их охраны от меня. Судя по звуку, вошедшие стали сосредоточенно отряхивать обувь и одежду от снега. Я поднялась на цыпочки и замерла, почувствовав, как во мне одновременно пробудились и радость, и страх. Ариэн и Эрд. Они выглядели уставшими и, видимо, поэтому совершенно не обращали внимание на оживление в обеденной. Я сжала руки в кулаки, стараясь привести дыхание в норму и думая, как предупредить их о том, что караван таки добрался до Заррэта, решив, как и мы, остановиться на окраине. И стоит ли вообще это делать: вдруг их не узнают. А на стычку у нас не хватит сил в любом случае. Привлеку я к ним еще большее внимание, и рискую подставить под удар, а так делать было нельзя. Нельзя же просто незаметно крикнуть «я здесь» или «бегите». Или разыграть незнакомцев, пока они сами меня не заметили?

Но судьба вмешалась в появившуюся дилемму: один из самых голосистых довольно пробасил:

— А я их помню.

Я не смогла сдержать стон и секундой позже увидела, как Ариэн застыл, растерянно подняв голову, а Эрд нервно схватился за раненное плечо, затравленно озираясь по сторонам в ожидании худшего из возможных вариантов. Вокруг послышалось скольжение стали по коже ножен. Мы пропали. Мы абсолютно точно пропали.

Киан

Странный шум, исчезнувший так же быстро, как и появился, заставил насторожиться и приподняться с кровати, игнорируя тупую боль в пояснице и урчание пустого желудка. Первая мысль о том, что Эвели споткнулась на ступенях и упала, напугала меня так, словно речь шла о падении в Бездну. Я приподнялся и свесил с кровати замотанные толстой вязаной тканью зудящие ступни. На правой ноге через ткань проступили капли крови. Голова не шла кругом, как в тот раз, но виски все еще сильно сдавливало, а наружу просился кашель.

Наверное, мне не стоило вставать, но разве мог я оставаться в теплой кровати и просто ждать, зная, что с Эвели могло что-то случиться? Неожиданно — или, напротив, ожидаемо — я поймал себя на мысли, что не могу не волноваться за нее, не могу отпустить от себя даже на несколько минут. Но глушить этот безотчетный и нерациональный страх не стал, желая прочувствовать его с каким-то мазохистским наслаждением. И, несмотря ни на что, искренне наслаждаясь тем, что больше не должен держать все в себе и глушить на корню любую выходящую за общепринятые рамки эмоцию.

Моей одежды нигде не было, и я быстро схватил какие-то тряпки, сохнувшие на перекладине над камином. Шум повторился, и сквозь толстые стены я с трудом расслышал мужской голос. Его тон меня напугал. Предчувствие неприятно заскобило где-то внутри, начиная царапать внутренности, и я, держась одной рукой за стену, прибавил шаг — хотя получалось только хромать. А несколькими секундами позже услышал возню и гомон уже нескольких возмущенных голосов. Когда я понял, в чем может быть дело, меня заметили два парня, застывшие у верхних ступеней и закрывшие своими широкими спинами спуск.

— А я их помню, — послышался чей-то голос, наполненный ненавистью и презрением, и я опешил, увидев, наконец, среди собравшихся кругом мужчин Эвели. Из ее носа текла кровь, на опухшей скуле алела обильно кровоточащая ссадина. «Думай!» — попытался обругать себя я, но лишь мельком разочарованно взглянул на покрывшиеся неприглядными волдырями и потерявшие чувствительность пальцы и пошел напролом — почти побежал, едва не запнувшись на первой же ступени.

Сердце стучало в висках, а в голове не осталось ничего, кроме страха за Эвели, окруженную незнакомцами, скалящуюся и нервно оборачивающуюся по сторонам. В последний момент я схватился за перила, когда край ковра натянулся и уехал из-под ног.

Я вообще ничего не слышал, теряя над собой контроль. Ни секунды на размышления, страх просто бы не позволил остановиться. Все пришло в движение, и чужие затылки расплылись перед глазами. Я с трудом поднялся на ноги после жесткого падения на последние ступени, но почему-то никто не спешил ко мне. Краем уха расслышал знакомый многочисленный скрежет и вскинулся, пытаюсь увидеть. К тому моменту, когда взгляд прояснился, началась драка.

Я ничего не понимал, пытаюсь лишь найти в этой толпе Эвели, а комната была слишком маленькой даже для рукопашной. Я оттащивал тех, кто оказывался ко мне спиной, отброшенный чьей-то атакой, силясь пробраться к приоткрытой двери, из которой всего несколько секунд назад вывели Эвели. Один канделябр грохнулся мне под ноги, затухая, и я быстро подобрал его, используя как оружие. Чей-то локоть ударил под ребра, выбивая стон — но словно не нарочно. Я до сих пор чувствовал, что меня будто бы вообще не замечают, занятые другим врагом где-то там за моей спиной. И у меня не находилось возможности просто обернуться, чтобы разглядеть происходящее: настолько сильно зажали со всех сторон. Лишь застыв на несколько секунд в попытках отдышаться я заметил, как в направленных на меня удивленных взглядах мелькнуло узнавание. И рванул, задевая первого импровизированным оружием и отбрасывая к окну.

— Эвели! — позвал я, крича так громко, как только мог. Горло прошла острая колющая боль, и я закашлялся, почти сгибаясь пополам. — Эве... ли!

— Киан? — прокричал кто-то в ответ, и я, ошарашенный происходящим, не сразу узнал севший голос Ариэна. Успел лишь пожалеть, что не узнал сразу все, что произошло перед Заррэтом, а теперь не мог сориентироваться, глупо озираясь по сторонам и уворачиваясь от

тех, кто все же обратил на меня внимание. Они определенно хорошо меня знали, но не могли же это быть те же самые люди, что подняли меня из снега и согрели, не позволив замерзнуть насмерть? Или могли. Мысли обрывались на середине и тут же переключались на настоящее, когда каждая секунда могла стать последней. Тут и там свет настенных подсвечников отражался от занесенной стали. И вот, наконец, протиснувшись к той самой двери, я увидел борющихся женщин, катающих друг друга по полу. Слабый свет, загораживаемый спинами, не позволял увидеть их лица, я видел лишь резкие движения и улавливал напряженное мычание, почти что рык. Эвели лежала на лопатках, выгнувшись в поясице из-за связанных рук, и пиналась ногами, пытаясь сбросить с себя ношу. Я быстро упал на колени, хватая с виду хрупкую соперницу за плечи и сбрасывая на бок.

Крики совсем близко проходили мимо меня, как песок сквозь пальцы. Я весь был занят попыткой поднять Эвели на ноги, пока прыткая и злая девчонка, вцепившись со спины мне в волосы, пыталась ударить посильнее. Она сомкнула зубы на моем ухе, еще крепче обвивая мой живот ногами, и я застонал от неожиданной боли, ослабляя руки. Пользуясь заминкой, Эвели перевернулась на бок, пытаясь подняться, но получилось ли, я уже не увидел. Новая боль прошла по телу, по шее потекла горячая-горячая кровь. Я крутанулся на месте, пытаясь сбросить с себя противницу, но та быстро спрыгнула на пол, ударяя меня под колено. На жесткий дощатый пол мы упали уже вместе, крутясь и попеременно прижимая к нему друг друга. Оказывается, за это время я сильно сдал, и теперь не удавалось отбить даже такое слабое сопротивление. Перед глазами все сильнее двоилось, а темнота вокруг лишь больше сгущалась, не давая вовремя уйти от удара. Но все-таки я взял свое и навалился всем весом на незнакомку, надавливая к полу, но она все еще билась подо мной, как настоящая дикарка. Я неловко замахнулся, пытаясь ее успокоить, но Эвели, подскочившая ко мне, прокричала короткое «стой».

Девчонка застыла, отбросив волосы в сторону так, чтобы видеть меня. Глаза горели ненавистью и яростью, но я их узнал. Полное непонимание происходящего норовило благоразумно поставить барьер между эмоциями и действиями, но я уже ни о чем не думал. Резко поднял Келлу за подмышки и прижал к себе, даже не задумываясь, узнала ли она меня в таком состоянии. И обнял ее так крепко, как только мог, несмотря на ситуацию радуясь тому, что мы встретились. И какое же я почувствовал облегчение, когда она так быстро успокоилась в моих руках. Пусть все еще тяжело дыша и сглатывая.

Я слышал, как рьяно билось ее сердце, и чувствовал, как кровь с ее губ медленно стекала по моей щеке.

Вслед за удивлением сознание прошла скверная постыдная мысль: я почти ударил ее. Как же вышло, что мы встретились врагами, как? Я ведь не думал, что жизнь может быть другой. Столько лет просто принимал данный Природой путь, не смея перечить. А Келла... я оставил ее, бросил, сам того не понимая.

Посреди всей этой заварухи в горле вдруг встал противный липкий ком. Я смотрел ей в глаза считанные секунды, но и этого хватило. Только сейчас, увидев ее здесь, не желающую сдаваться до последнего, я ощутил всю вину и стыд за то, что пришел так поздно. Вспомнил прийти. Вспомнил... Я должен был вернуться раньше, найти, освободить от рабских оков, а вместо этого смирился, оставив ее одну. Понимание этой беды принесло нестерпимую боль: ей пришлось научиться самой себя защищать.

Я открыл было рот, чтобы просить прощения, когда кто-то с силой сжал мои предплечья, оттаскивая и грязно ругаясь себе под нос, а затем больно пихнул по ребрам.

— Хайн, стой!

Я поморщился от боли в заскорузлых рубцах, но уже не сопротивлялся, оцепеневший от всего происходящего, и, оглушенный не стихающим гомоном потасовки, даже не сразу заметил, как все закончилось. Покрутился по сторонам, пока незнакомцы грубо пытались поставить меня на колени, заломив руки. Ариэн и Эрд — никак не ожидал его здесь увидеть — безоружные и сильно помятые, стояли рядом, все еще пытаюсь вырваться из мертвой хватки не известных мне врагов. Эвели дергала связанными руками, сидя на полу, и злобно порывивала на переругивавшихся мужчин, не желающих опускать мечи, направленные в сторону проигравших. Предчувствие, что сейчас нас прямо здесь и прирежут, только усиливалось, и я напряженно застыл выжидая.

Келла рывком поднялась на ноги, настойчиво накрывая своими ладонями почти упирающееся мне в грудь острие меча.

— Не мешай, эй! — высвобождая свою руку, гаркнул ей тот самый мужчина, яростно оттащивший меня — с обветренным, словно высохшим суровым лицом. — Ты чего? — и небрежно показал на меня, почти касаясь холодным металлом левой скулы. На мгновение мы пересеклись взглядом с Эвели, и она упрямо поджала губы, всем видом показывая и мне, и окружающим, что ронять достоинство не намерена. И все-таки я не мог не уловить появившегося страха в ее глазах, когда по моему лицу из рассеченной раны потекла кровь. Но и сам старался держаться, в ответ лишь чуть заметно прикрыв глаза. — Это из-за него наших ранили. Вот... вся компания. Прямоком со Службы, да? — Я не нашел, что возразить, понимая, что в таком положении попытаться оправдаться себе дороже.

— Что? — удивленно переспросила Келла, но тут же подскочила ко мне, отводя от моего лица сталь, опять — но намного глубже — прочертившую по коже алую полосу. Я только поморщился: не самая сильная боль из тех, что бродили сейчас по телу. — Не смей!

Ариэн было дернулся ко мне, хотя вряд ли хоть чем смог бы помочь. Где-то над головой послышалось натужное пыхтение, и мои руки еще сильнее заломили вверх, заставив застонать от вспышки боли.

— Хайн! — угрожающе запротестовала Келла, закрывая меня собой. — Это Киан!

— Че... го? — мужчина остановился, удивленно приоткрыв рот. Запнулся на вопросе и не колеблясь резко притянул Келлу за талию, что вызвало у меня прилив, кажется, необоснованной ненависти. Но пошевелиться мне не дали, стоило ли упоминать про попытку встать на ноги... Келла потянулась и, едва достав светлой макушкой до его уха, что-то шепнула. Сомнение на его вытянутом огрубевшем от ветра лице медленно сменилось недоумением.

— Так, парни, попридержите коней! — предостерегающе приказал он, оглядываясь по сторонам. Все недовольные затихли, но все же принялись прятать больше невостребованное оружие. Толпа постепенно разошлась по углам, и я заметил подрагивающее на столе тело, укрытое побуревшим от крови покрывалом, вокруг которого догорали одинокие оплывшие свечи. — Это... — главарь еще раз указал на меня — уже без ненависти или презрения, — точно он? Когда мы его нашли, на нем был мундир с солнечной символикой. Знаешь, что это значит?

— Да, знаю. Эта женщина из Службы. Это она выкупила нас, — в этот момент Эвели опять подняла на меня глаза, словно прося прощения за ту часть моего прошлого, в которой она приняла непосредственное участие. Кажется, она никогда не поймет, как я благодарен ей за все — абсолютно все, — что она для меня сделала.

— Так, значит, он сбежал? — спросил мужчина, смотря уже на меня. В упор и с каким-то вызовом. Келла колебалась отвечать, попеременно оглядываясь то на меня, то на Эвели, но так и продолжала сжимать его предплечье.

— Нет, — четко и громко ответил я, чтобы все услышали. Келла в изумлении покачала головой, чуть приоткрыв рот. Эвели прищурилась и, облизав запекшиеся губы, нервно дернула плечами. Судя по незамедлительной реакции окружающих, тот раненый — наших рук дело. «Мы встречались с ними до границы?» — мысленно задал я вопрос Эвели, надеясь, что с такого расстояния она все-таки услышит. Услышала. На секунду прикрыла глаза и слабо кивнула. Возможно, мне стоило сейчас промолчать, но я бы не посмел. — Мы пришли сюда вместе.

— И зачем? — с издевкой и вновь разгорающейся ненавистью продолжил допрос мужчина, не отрывая от меня взгляда. Мне показалось, заломленные руки заняли еще сильнее. — Нам и так жилось неплохо, чтобы проклятые ищейки разнюхивали, чем мы занимаемся в нашем болоте.

— Хайн... — с осуждением протянула Келла, но тоже не нашла с ответом.

— Я хотел найти... — через боль просипел я почти полностью уже пропавшим голосом, обращаясь к Келле, — тебя.

— Долго же ты искал! — зло выплюнул мужчина, сверля меня тяжелым осуждающим взглядом. И только сейчас я успел заметить, как он бережно прикрывает от меня одной рукой так и держащуюся чуть позади Келлу, словно я и правда мог бы ударить. Но ничего путного по этому поводу сказать не успел.

— Эта история не для одного разговора, — вмешалась Эвели, несмотря на положение сохраняющая полную невозмутимость. Ее десны окрасились кровью. — Развяжи, и поговорим.

— Ага, уже! — огрызнулся тот, в недовольстве раздувая ноздри.

Насколько позволяло положение, я извернулся глянуть на тех, кто остался в комнате и продолжал корпеть над раненым. Никто не спешил вмешиваться в зарождающийся спор.

— Хайн, пожалуйста, — вступилась Келла, но в ее голосе не было просительных ноток. Казалось, откажи он ей в настойчивой просьбе, Келла просто все сделает по-своему. Я невольно улыбнулся, обнаружив эту оставшуюся связь с далеким прошлым. Она уже тогда росла бойцом.

— Я могу помочь вашему воину, — холодно предложила Эвели, когда напряженное молчание затянулось настолько, что стало слышно подывивание ветра, и так же спокойно пояснила, выдерживая прямой и очень напористый взгляд: — Я целитель.

— Доверять раненых врагу — последнее дело, — отрезал Хайн, но как будто в опровержение у мужчины, взваленного на стол, начались судороги.

— Последнее дело — оставлять их на милость Природе, когда можно еще попытаться спасти, — парировала Эвели, а мне оставалось только удивляться ее умению брать все в свои руки.

Мужчина поежился, недовольно поведя плечом, и буркнул тихое «развязать». Приказ выполнили быстро и без заминки. Меня тоже отпустили — как-то нехотя и словно через силу, — и я впился пальцами в пульсирующие предплечья, уже успевшие онеметь. Кажется, Келла хотела наклониться ко мне, но сдержалась под тяжелыми взглядами стоящих рядом.

Эвели сразу поднялась с пола и, игнорируя окружающих, быстрым шагом направилась к раненому. Кто-то провожал ее едва не разъяренным взглядом, но большая часть народа

просто разошлась, как будто более и не заинтересованная происходящим. На лестнице уже никто не прятался, а на кухне гремела собираемая с пола посуда.

— Кипятите воду. И мне нужна игла, — она чуть поморщилась, встряхивая руки, сосредоточенно закатала рукава рубашки и наклонилась. С грустью я вновь убедился, что она не нуждается в моей помощи или защите. Но не дал этим губительным чувствам волю: пора понять, что Эвели очень правдоподобно умеет играть на публику.

Ее лица я больше не видел, но уже успел до мельчайших деталей запомнить его выражение в такие моменты. Когда не было никакой политики, никакого долга, никаких сомнений, лишь желание — внутренняя необходимость — сохранить человеку жизнь. До боли в груди хотелось догнать ее, удостовериться, что все в порядке, но не сейчас — не при посторонних.

Я поднялся вслед за Ариэном и осторожно помог встать Эрду, который очень однозначно сжимал левой рукой плечевой сустав. Келла немного напугано подошла к нам, принимаясь стирать с губ кровавую корку. Ариэн явно намеревался что-то спросить, но тактично отошел, давая мне возможность поговорить.

— Я думала, тебя уже нет в живых, — сдержанно и сухо проговорила она. — Я и не надеялась...

— Прости, что так поздно, — тихо попросил я, пока Хайн прожигал меня холодным взглядом, за которым, кажется, пряталась ревность. Хотя я был куда старше и мог быть для Келлы разве что отцом — не самым хорошим, как показало время.

Она спешно кивнула, и я облегченно выдохнул, все еще с трудом переживая момент. Может, виновата была слабость, накопившаяся в теле за такую изнуряющую дорогу, но я все яснее чувствовал, что еще чуть-чуть, и свалюсь с ног, если только не будет опоры.

— Поговорим... гхм... в тишине? Или нам не дадут? — уточнил я, чуть отступая и теребя задетое воротом прокушенное ухо, которое начало неприятно покалывать.

— Дадут, — твердо ответила Келла, с вызовом поворачиваясь к их главарю.

— Наедине я вас не оставлю, — запротестовал тот и, не дожидаясь зарождения спора, направился к лестнице. Я глянул на Ариэна и Эрда, так и оставшихся стоять под присмотром притихших солдат, но не решаясь предложить им следовать за мной. В конце концов, это будет слишком личный разговор.

Келла ободряюще сжала мою руку, немного неуверенно и смущенно. Словно сама не была уверена, что поступает правильно. На это я лишь грустно ухмыльнулся, прекрасно осознавая, что после нашего расставания почти пять лет назад прошла целая жизнь. Не только для меня, но и для нее тоже. Маленькая решительная и юркая девчушка выросла и — я был почти уверен, глядя сейчас на нее — нашла свое место куда быстрее, чем я.

— Чувствую, история будет долгой... — тихо произнесла она — не то спрашивая, не то утверждая.

Я поежился и, попытавшись откашляться, коротко кивнул в ответ.

В хорошо натопленной тесной комнатке под самой крышей стало совсем плохо. Тело настойчиво желало расслабиться и отдохнуть после такого бешеного рывка, ныло и горело прокушенное левое ухо, от высыхающей твердой коркой крови начинала чесаться шея, горло дико саднило после моих попыток докричаться до Эвели, но присутствие чужого человека третьим лишним заставляло держаться на ногах ровно и перестать теребить зудящие от тепла пальцы. Келла словно не находила себе места, больше не решаясь спорить или напирать. Просто усадила меня в кресло и, сев напротив, еще раз просительно, но вместе с

тем осуждающе глянула на мужчину, который так рьяно не желал оставлять ее наедине со мной.

— Я останусь здесь.

Я примирительно пожал плечами, чтобы хоть как-то разрядить обстановку, прочистил горло и попытался начать рассказ.

Часть 16. Почти забытое

Киан

— Я... — попробовал начать я, но не выдержал прямого взгляда этих ярких зеленых глаз. Вина топила, заставляя вспоминать то время, которое все больше походило расплывшееся красно-бурое пятно. А теперь я не мог понять, как же смирился со своим существованием, как столько лет просто следовал приказам и старался давить в себе любую мысль, любое желание, любую надежду? Сам себе выбрав наказание за не сохраненную жизнь Его Величества Императора... — Ты давно получила свободу?

Сейчас казалось, ответ на этот вопрос куда важнее всего остального. Важнее моей истории и той правды, которую от меня хотят услышать.

— Патриции, которым меня продала эта ищейка, Т'алонсы, не держали рабов. Они отпустили меня в мое совершеннолетие и устроили сюда, — тяжело дыша, ответила Келла. На последних словах Хайн, осторожно и тихо присевший рядом, чуть притянул ее к себе и успокаивающе коснулся носом растрепанных волос. Келла зажмурилась и повернула к Хайну лицо, почти касаясь щекой его лба.

— Я... рад, что ты... — договорить не получилось. Кашель просто распирает изнутри, и мне понадобилось время, чтобы остановить непроизвольно навернувшиеся на глаза слезы. — А вы... знакомы?

— Кто-то же должен был ее защищать, — холодно ответил Хайн, смотря на меня, как на угрозу. А еще в его взгляде, постоянно направленном на меня исподлобья, все четче виднелось разочарование.

— Давно, Киан. Давно... С тех пор как имперские солдаты покинули провинцию, у нас здесь все очень изменилось. Тот рабовладелец, которому Хайн принадлежал, после сильной засухи почти разорился, и этот... мешок с дерь... его свалила лихорадка. Тогда от болезни много горожан полегло. И рабов. Поля некому было убирать. В то лето, когда я уже была свободна, к нам не пришло ни одного каравана, дела стали совсем плохи, и губернатор взял оставшихся без хозяина полумертвых рабов под свою опеку. Хайн убедил его, что в качестве вольных от них будет больше пользы, и Каррел почему-то согласился, — Келла улыбнулась, крепче сжав руку Хайна и заглянула ему в глаза. — С тех пор в Заррэте не было ни одного невольника. Т'алонсы перебрались на юг...

Келла проговорила все это почти на одном дыхании, словно и сама не верила. Но при этом почти не смотрела на меня: наверняка, как и я, чувствовала эту не проходящую неловкость. А я лишь чуть приоткрыл рот, не зная, какой из разом появившихся вопросов задать первым. Неужели все так, и хоть где-то жизнь перестала походить на существование? В самой дальней, малонаселенной и малопригодной для праздной жизни провинции? Но мысли эти как появились быстро, так и исчезли. Не об этом хотела поговорить Келла, да и я тоже: лишь пытался отсрочить трудный для нас обоих разговор, чтобы успеть подобрать нужные слова. Чтобы меня поняли и действительно простили. И, как оказалось, чтобы услышали всю мою историю, если я и правда вижу перед собой возможного союзника, добившегося для рабов Азумы свободы.

— Киан, — позвала Келла, не выдержав тишины. — А что случилось с тобой?

— А что... со мной? — я щипнул себя за потрескавшуюся губу, хотя раньше вроде бы никогда так не делал, стараясь из всех тяжелых, тягучих воспоминаний выбрать самое хорошее, и как-то глупо улыбнулся сам себе. — А я полюбил...

Ариэн

Стоящие наготове мужчины тихо перешептывались, не сводя с нас глаз и не убирая пальцы с рукоятей мечей. Но удерживать больше не собирались. Так что самое время отдышаться и начать думать. Но сосредоточиться было, мягко говоря, сложно. Превозмогая боль в свежих неглубоких, но многочисленных царапинах, я так непосредственно, как умел, опустился на корточки за канделябром и собрал закатившиеся в прорехи у стены свечи. Пока поднимался, осторожно подсчитал оставшихся поблизости человек: пятеро, трое из которых всего в нескольких шагах крутились вокруг стонущего раненного. Эвели тихо командовала ими, полностью занятая процессом. Да... а нас, надо полагать, один с половиной.

Эрд вдруг тихо застонал, еще крепче впившись в предплечье пальцами, под которыми медленно расползалась кровь. Но выглядело это так, словно Эрд вообще был не здесь — даже не пытался промокнуть пот или смахнуть медленно текущую из разбитой губы кровь. Только морщился от боли в потревоженной ране, так и не переставая нервно бегать глазами по комнате и громко дыша.

— Покажи руку, — настойчиво попросил я его, пытаюсь обратить внимание на себя. — Эй, Эрд!

Нужно было срочно подтянуть наложенную Эвели повязку, пока мы на неопределенное время перестали находиться в центре внимания. Как бы там дальше ни пошло, а умереть сейчас от кровопотери я ему не позволю. И так пытался хоть как-то прикрыть, когда мороз вдруг очень резко перестал быть главной проблемой, в итоге так и не удержав в онемевшей руке кинжал. Не обращая внимания на мужчин, вытянувшихся в ожидании от меня какой-нибудь гадости, я поднял перевернутую скамейку и посадил парня на нее.

— Я так и знал... — Он тяжело дышал, до сих пор справляясь с одышкой, но теперь уже не дергался, а растерянно смотрел на меня. Кажется, только сейчас он заметил, что по руке опять потекла кровь.

— Они думали, мы из Службы, — хрипло шепнул я, пытаюсь его уговорить, но Эрд все еще произвольно дергался, как брошенная на берег полумертвая рыбешка.

— Они и сейчас так думают, — поправил меня он, помогая закатать широкий, пропитавшийся кровью рукав, — и, кстати, недалеко от правды.

— Так не усугубляй ситуацию.

— Мы умрем в одиночестве, — полностью игнорируя мою просьбу, просипел Эрд, — в какой-то заднице ми...

— Хватит! — гаркнул я, хоть почти не злился. На самом деле, что-то внутри противно сжалось от того взгляда, каким Эрд продолжал пронизывать пространство: сейчас он куда больше казался мальчишкой, который в некотором понимании тоже потерял семью.

Дабы избежать дальнейшего спора, я шикнул и наклонился к разъехавшейся повязке на плече Эрда и попытался подтянуть бурую от крови нить, топорщащуюся у последнего разошедшегося стежка. В лечении я был не силен, но отвлечь Эвели вряд ли бы получилось. Я лишь мельком глянул на нее, сторбившуюся над мечущимся по столу мужчиной, и увидел эту странную сосредоточенность, почему-то знакомую мне. Кажется, это последнее, что осталось от ее прошлой жизни, последнее, что хотя бы немного приближает Эвели к той,

кем она хотела быть.

— Все плохо? — безразлично спросил Эрд, смотря себе под ноги.

— Жить будешь, Эвели тебя быстро подлатает. А потом и разберемся, — на этих словах я демонстративно повернулся к нашей охране и продолжил уже чуть громче, не в силах скрыть злость на Природу, которая так над нами подшутила: — стоит ли продолжать махать кулаками просто так.

***

Времени прошло много. Даже слишком. Эвели уже успела успокоить буйного пациента и расправилась с открывшейся раной Эрда. И меня тоже осмотрела, хотя я настаивал отложить эти нежности. Обстановка нервировала все больше, будто дрожь Эрда передавалась по воздуху близ сидящим. А Эвели, как и всегда, молча и задумчиво смотрела куда-то вперед — кажется, на закрытые ставни, сквозь которые с порывом ветра иногда просачивалась пара снежинок.

Я уже почувствовал, как от навалившейся усталости клонит в сон, когда наверху наконец послышались одиночные шаги. Дернул плечами, прогоняя дрему, и поднялся вместе с Эвели. По лестнице спустился только командир — Хайк, Хейн... никак не мог вспомнить его имя. На последней ступени он как-то недоверчиво сощурился, смотря на меня, и несколько раз провел обломанным ногтем по заросшей черной щетиной скуле. Глаза он отвел первым, тут же переключаясь на своих, застывших в ожидании и готовности вновь нас атаковать.

Драки не было. Мужчина тихо раздал указания своим людям и подошел к нам — с сомнением человека, знающего о безрассудности будущего поступка. Эвели он проигнорировал и сразу шагнул ко мне, протягивая руку. Жест оказался слишком неожиданным, и ответил я чисто инстинктивно.

— Меня зовут Хайн, — с едва заметной ухмылкой проговорил он, интонацией отмечая отсутствие фамилии. Это была проверка? Что такого сказал Киан и почему не спустился сам? Можно ли вообще доверять этому совсем недавнему врагу?

Я попытался приложить все усилия, чтобы хоть как-то заглянуть в его воспоминания, используя этот недолгий контакт. Но ожидаемо не показались даже обрывки. И все же интуиция подсказывала ответить честно, и я произнес:

— Ариэн. Ариэн Витириис.

И, кажется, этот человек, вдруг протянувший мне руку, поверил.

— Хм... Я не склонен верить слухам и первым встречным, которые бросились на нас с оружием, спасая стража... — Только сейчас он разжал хватку, продолжая меня оценивать. Взгляд его не дольше секунды продержался на моем увечье, не скрытом никакой повязкой, и лишь тогда он продолжил своим чуть шипящим голосом, в котором почти отсутствовала буква «р»: — Киан сказал, ты лишился своего дара в Нордоне... И все-таки путь вы держите в столицу. Вчетвером... — Хайн задумчиво хмыкнул, соизволив глянуть на Эвели и Эрда. — Сложно поверить, знаешь ли... — обратился он уже к Эвели, явно сопоставляя ее с тем образом, который возник в голове благодаря словам той рыжей девчушки. — Но есть у меня одна идея.

Хайн отвернулся от нас, подходя к опешившему от всего услышанного соратнику, что до этого тихо сидел рядом с перебинтованным раненым. Тот все ворочался на своей подстилке около затопленного камина, но, кажется, нас не слышал. Хайн опустился на одно колено, правой рукой осторожно проведя по его мокрому от пота лбу. Может, этот удар мужчине

нанес и не я, но все равно пожалел о том, что и мы, и они так быстро схватились за оружие, забыв про переговоры. Одной силой мир не завоеешь.

Хайн что-то тихо прошептал парню и, дождавшись, когда тот скроется за дверью, не вставая произнес с торжествующей улыбкой:

— Я покажу вам, чем на самом деле живут граждане Заррэта.

***

— Так, как Киан? — тихо спросил я у Эвели, чтобы никто из угрюмых сопровождающих нас не услышал.

Эвели глубоко вздохнула, недовольно поглядывая на блестящий на солнце снег, который и не думал таять, и чуть опустила шарф, чтобы я точно ее услышал:

— Как чувствовала, что ему нельзя было вставать. Пришлось опять отогреть онемевшие конечности. Он же и драться еще полез, одышка тоже свое дело сделала, — голос ее слегка подрагивал от напряжения, но все же оставался достаточно бодрым.

— Он что-нибудь сказал?

— При Келле не стал, — с едва заметной обидой ответила она, вжимая голову в плечи, так что теперь стоящий воротник закрыл ее лицо до самого носа.

Никак не комментируя сказанное, я выпрямился и в этот момент потерял равновесие в рыхлом снегу, под которым оказался то ли камень, то ли толстая ветка, навалившись на так не вовремя потянувшегося ко мне Эрда, которого я никак бы не смог увидеть раньше. Конечно, я умудрился с силой дернуть за зафиксированную на его груди руку, едва не разорвав повязанную на шею ткань. Эвели в последний момент схватила меня за одежду и, зло сопя, потянула назад. Сил ей было не занимать.

— Прости, — неловко прохрипел я, возвращая в вертикальное положение замершего от неожиданности Эрда. Но, не прошло и секунды, он тут же убаюкал потревоженное плечо и продолжил шагать вперед.

Двое идущих с нами в одну линию сопровождающих, у которых в отличие от нас было оружие, только с сомнением покосились на меня, но ничего не сказали.

— Да ничего. Что Эвели сказала? — махнул рукой Эрд, но теперь в его походке появилась заметная неуверенность.

Я коротко и все так же тихо пересказал. Повернулся к Эвели, которая чувствовала себя очень неудобно на тихой улице в компании незнакомых людей и вдобавок вообще без оружия. Может, это преувеличение, но мне казалось, что Эвели, как никогда, уверена в своей бесполезности для всех, кого мы могли бы встретить в этом городе. А это серьезная угроза собственной безопасности, я ведь помню, с каким выражением лица на нее смотрел Хайн. Но не стал заводить беседу по этому поводу. Определиться бы хоть со своей судьбой: не спроста же Хайн с такой уверенностью высказал свою идею. Только каких доказательств можно добиться от меня, когда силы уже нет? Последние свои силы после срыва казни в Нордоне я потратил на прошлое Эвели, которое само так и просилось быть увиденным в той пещере, и только чудом я сохранил возможность свои шрамы на щеке и запястьях.

Узкая улочка петляла по небольшому оврагу, постепенно поднимаясь к холму. Кое-где виднелись только-только протоптанные дорожки, но двери и ставни низких деревянных домов были плотно затворены, так что любоваться оставалось только белыми шапками на земляных крышах и редкими низкорослыми деревьями, красиво расписанными снегом. Постепенно издалека начал доходить слабый шум — как раз когда мы дошли до длинных рядов амбаров и хлевов. Резко пахнуло коровьим навозом и птичьим пометом, а на изрядно

прямом снегу помимо человеческих ног появились следы копыт.

Нервы сами по себе начинали натягиваться, но я посильнее сжал руки в кулаки, чтобы случайно не выдать свою дрожь. Эрд как-то неосознанно замедлил шаг, уже с привычной нервозностью вертя головой. Из полуоткрытых дверей хозяйственных сооружений показались кутающиеся в меха и вязанные ткани люди. К моему удивлению, их любопытство длилось совсем не долго. Мы все еще шли дальше, огибая небольшую возвышенность.

— Нам сюда, — бесстрастно пояснил один из сопровождающих, на ходу снимая яркую лисью шапку и отколупывая с нее налипшие льдинки.

Я первым толкнул дверь и увидел обычную харчевню, в которой было удивительнолюдно по сравнению с мелким трактиром у самой границы. В затхлом почти горячем воздухе остро запахло жареной свининой и чем-то хорошо засоленным, так что желудок опять скрутило от желания хорошенько перекусить. К моему удивлению, потолок был высокий — я бы не смог дотянуться до него рукой, — а свет почти ничем не уступал дневному, так что все посетители, до этого в перерывах между очередной ложкой ведущие оживленные беседы, замолкли и повернулись к нам.

Двое мужчин, будто не обращая внимание на повисшую тишину, спокойно сняли верхнюю одежду, сбили снег с сапог и сцепили с пояса ножны, облокотив мечи о ближайшую стену. Я решил последовать их примеру, все равно внимание уже направлено на нас, странно только, что в нем не было той враждебности, с которой мы столкнулись на въезде в город. Как будто в этой восточной части Заррэта, которая пряталась за полями и домами от единственной широкой дороги, появлялись исключительно «свои». Возможно, я был недалек от истины: не прошло и минуты, как те несколько человек — два или три десятка — вернулись к своим делам, и длинное теплое помещение вновь наполнил привычный гул. Проходя мимо узких рядов, я невольно рассматривал суровые обветренные лица, нередко раскрасневшиеся и покрытые старыми глубокими язвами и рытвинами. Почти никто не провожал нас взглядом, только женщина, сидевшая одна в уголке за большим столом, задумчиво глянула на пустующие рядом стулья. Я мельком обернулся на Эвели, идущую сразу за мной, но она не заметила моего взгляда, с едва различимым удивлением рассматривая содержимое мисок, словно спрашивала у равнодушных окружающих: «Что мы здесь забыли?».

Мы быстро дошли до притворенной двери, за которой тоже слышался негромкий разговор, прерываемый чем-то взбудораженными голосами. Один из мужчин без предисловий мягко толкнул дверь, пропуская нас вперед. В тесной комнате, куда более темной из-за отсутствия открытых окон, поместилось еще человек двадцать. Часть из них стояла к нам спинами, не реагируя на пополнение, так что мы втроем просто втиснулись в комнату, прикинув к ближайшей от выхода стенке. Из общего гула нельзя было выловить ни одного слова.

— Что здесь происходит? — настороженно спросил Эрд. Я поднялся на цыпочки, стремясь увидеть ответ, но лишь интуитивно понимал, что в середине было пусто.

— Похоже на собрание, — предположила Эвели, и на ее лбу появилась вертикальная морщинка.

— Тишина! Хайн, ты и сам понимаешь, нас такой вариант не устраивает, — услышал я пробившийся сквозь шум недовольный женский голос, и ропот внезапно стих. — Торговля через наши земли — это не жест доброй воли. Каррел, сберегут духи его душу, тоже всегда так считал. И плата была оговорена заранее.

Я все силился увидеть обладательницу почему-то знакомого голоса, но собравшиеся в комнате мужчины почти все до одного оказались слишком высокими даже в сравнении со мной, что не могло не удивлять.

— А если они еще и на Возрождение хотят везти в Сенту свои товары, пусть платят сейчас же. В чем проблема, Хайн?

— Они решили нанять охрану из своих, — наконец-то подал голос Хайн, и, кажется, я увидел его черную макушку. «С кем же он говорит?» — недоумевал я.

— Так заставь их передумать, иначе могут не доехать, — ответил с угрозой женский голос.

Никто не оборачивался и не закрывал намеренно дорогу, и я невольно начал проталкиваться вперед. Появилось какое-то предчувствие, неприятно застывшее где-то в горле, и все нарастало с каждым услышанным словом.

— Этот торгаш, Роук, оскорблен до глубины души происшествием на границе. А я не мастер вести переговоры, ты же знаешь, — не оправдываясь, а больше огрызаясь, ответил Хайн.

— Так извинись. Предложи что-нибудь, в конце концов, Хайн! Проведи дальше, через границу Вольных земель. Почему ты вначале грубишь, а потом начинаешь думать?

— Вот дурак упрямый... — тихо пробормотал кто-то рядом со мной, явно ведя одностороннюю беседу с Хайном, а я сделал еще пару шагов вперед.

— Туда-обратно... да это же почти две декады! — недовольно, но слишком слабо возразил кто-то другой.

— Да дай же ты мне объяснить, что случилось, Аннори!

Сердце пропустило удар, и оставшийся ряд людей я потеснил уже весьма грубо, лишь бы поскорее протиснуться вперед и убедиться. И увидел. Увидел поседевшие у корней и висков жидковатые локоны, собранные в низкий хвост, худую длинную шею, которую обвивали едва заметные белые полосы, постаревшее лицо, уже не симметричное из-за пересекающего щеку до самого подбородка шрама. Теплая одежда закутывала ее фигуру, но не могла спрятать прямую гордую осанку, как доходящая до мочек уха челка не могла укрыть выразительность ее светло-голубых глаз. Только больше не было на губах той ехидной улыбки опытной соблазнительницы и в глазах не осталось наивного ребячества. Время как будто действительно погребло ее под плотным белым снегом: от переливающихся в ярком свете черных локонов остались только воспоминания.

Кто бы мог подумать, что давно прожитая жизнь напомнит о себе такими теплыми воспоминаниями?.. Вечными попытками превзойти друг друга, которые — до совершенного брата и Светлыми переворота — все равно всегда оставались недостаточно серьезными, чтобы заканчиваться разладом. И тем более, удивительно видеть ее здесь, в глуши, где любой драгоценный камень, так ярко сверкавший на свету, покроется мутной болезненной пленкой. Лишь на секунду, но я задумался, кого на самом деле могла мне напоминать Эвели. Кажется, при дворе моего отца Анни была совсем другой. Впрочем, как и я...

Сердце ухало все сильнее, но я отказывался понимать природу его беспокойства, пытаясь держать себя в руках. Так не вовремя я вспомнил, как держал на руках ее обнаженное тело и с наигранным вызовом смотрел ей в глаза, не желая проиграть очередной поединок. И как потом...

— Что ты увидел? — внезапно у самого уха прошептала Эвели, слегка хватая меня за предплечье. Я дернулся от неожиданности и случайно задел локтем стоящего рядом

мужчину, который с нетерпением мял в руках какие-то бумажки, видимо, ожидая своей очереди заговорить. Но тут повернул ко мне голову, недовольно фыркнув, и показательно отодвинулся.

— Вот. Из-за них. — Я еще не видел, куда показал Хайн, но уже ощутил проснувшийся у собравшихся интерес. Почему-то повернуться в этот момент к Анни оказалось слишком сложно: что-то рьяно протестовало, просило не показывать левую половину лица. Пусть мы оба уже не молодые и красивые, какими были прежде, пусть время постаралось выпить нас до самого дна... но Природа знает, как сильно я не хотел, чтобы она видела.

Стыдливо я все же поднял на нее оставшийся глаз и попытался невозмутимо кивнуть, игнорируя ее тихое «Рин?», всколыхнувшее старые, как сам мир, воспоминания. Она не пошевелилась, но я заметил, как глаза загорелись радостью. Прокашлялась, касаясь одной рукой стянутого к груди платка, и одним быстрым движением замотала им шею почти до подбородка.

Невозможно поверить, что передо мной стоял человек, который видел меня, сына Императора, на самой высоте. Но, возможно, теперь я был похож на отца куда больше, чем в беспечной юности. Кажется, рассматривая меня, она тоже пыталась что-то понять, увидеть детали из почти забытого прошлого. Я и сам узнавал Анни заново, подмечая, как когда-то до дрожи знакомые плавные жесты теперь стали более выверенными и импульсивными.

— Поясни, — потребовала она, вновь поворачиваясь к Хайну. Все вокруг до сих пор молчали. Я не оглядывался.

— За день до Заррэта нам по пути попался едва живой мужчина в изорванной одежде с солнечной символикой Службы. Роуок сразу хотел убить, я предложил довести сюда, на допрос. Если нашелся один враг, рядом должны быть и другие. За ночь нас догнала троица. Та женщина, — Хайн мимолетно показал рукой на Эвели, — Роуока еще и в снегу изваляла. наших двоих ранили и отбили своего. Конечно, Роуок мне все мозги промыл за свою уязвленную гордость, а я сам едва не напоролся. А уже тут, в Заррэте, как разобрались, что это они в Нордоне начали бунт...

Внезапный гомон голосов со всех сторон оглушил на оба уха, и я оказался словно в самой гуще событий, потеряв из виду Анни. Кто-то крепко сжал мои предплечья, пытаюсь повернуть к себе, и восторженно охнул, увидев пустую глазницу — видимо, слухи о случившейся беде в Нордоне сохранили и такие детали.

— А ну, тихо! — громко приказала Аннори, и ее опять услышали с первого раза. Все замолкли, и, повинувшись немой просьбе, я шагнул вперед. К ней.

Она старалась не смотреть на мое увечье, но я все равно заметил, как ее взгляд несколько раз переместился справа-налево и обратно. Она не знала, как продолжить обсуждение, а я не представлял, с чего можно начать.

— До нас дошли слухи о троих незнакомцах и их участии в не свершившейся казни. Наши мольбы не остались без ответа, — перевела Анни взгляд на Эрда и Эвели и произнесла уже официально, склонив голову и положив ладонь на сердце: — Мы принесли дары Природе в память о повстанцах, при жизни попавших в огненную бездну.

В эту короткую паузу на меня с очень большим сомнением смотрел Хайн, словно не понимая, почему Анни до сих пор ничего не сказала о моем происхождении. Кажется, он вот-вот был готов сорваться с места и, повысив голос, выразить сомнение в том, кем мы ему представились.

— Я сожалею, что отсутствие взаимопонимания привело к не самым приятным

последствиям. Однако, вы здесь. И мы готовы предложить помощь нашим братьям по оружию, какой бы ни была цель вашего пути. Если никто не желает оспорить мое предложение о помощи, продолжим собрание через час.

Уже на выходе люди принимались оживленно обсуждать неожиданные события, тесня друг друга. Спустя пару долгих минут комната опустела. Только Хайн продолжал что-то говорить Аннори на ухо, при этом активно жестикулируя, но она лишь отстранено подняла руку, останавливая словами «я его узнала». Уверен, мне не послышалось.

Я оглянулся за спину, Эвели стояла справа от меня, смотря на Анни раненым хищником, застывшим перед последним прыжком. Слева, как оказалось, притаился Эрд. Он опять переминался с ноги на ногу, определенно чувствуя себя не на месте. Видимо, в предложение о помощи они оба не слишком поверили, но как-либо развеять их сомнения в своем состоянии я бы не смог. Все внутри дрожало, горело, дергалось, стеноло от желания окунуться в воспоминания, но я опять не поддавался. Слишком иллюзорной и все равно желанной казалась та беспечность и легкость — наверное, в этом и была причина, по которой я старался никогда не выживать из памяти жизнь до рабства. Это мнение до сих пор осталось неизменным. Смотря на изменившуюся Анни, я четко чувствовал, что рад видеть ее быстро повзрослевшей и потому — все еще живой.

— Вы можете подождать снаружи, — предложил — или попросил их — я, когда Хайн большими шагами направился к двери.

— Уверен? — беспокойно спросила Эвели, и я кивнул ей в ответ.

Эрд вышел последним, и мы с Анни остались вдвоем — в этой слишком большой, слишком тесной комнате. Я опять чувствовал себя юнцом, пожелавшим пригласить на танец самую красивую во всей столице женщину. Но юнцом я больше не был. Мы оба стали совсем другими.

Она нерешительно и в то же время слишком быстро подошла ко мне, аккуратно, нервно и нежно прикоснувшись шершавыми пальцами к моей щетинистой щеке. Как будто я воин, вернувшийся с войны домой. Воин, возвращения которого уже почти перестали ждать.

— Мне стоило догадаться, что это был ты... Темный, остановивший в полете стрелы... — она вымученно улыбнулась и, чуть потянувшись на цыпочках, сжала меня в своих объятиях. Я не мог не ответить. — Больше никому.

Ее тонкие волосы защекотали мой нос, в уголке глаза собралась влага. Никак не ожидая подобных встреч лицом к лицу с прошлым, я теперь никак не мог прийти в себя. Собраться и перестать испытывать стыд, радость, желание.

Анни отстранилась и, не убирая рук с моих плеч, нахмурилась. Ее глаза тоже блестели от слез, но теперь в них застыла обида.

— Но... куда ты пропал на десять лет? — Я едва успел выпрямиться, и тут же, услышав вопрос, покаянно склонил голову: уже знал, что не смогу быстро ей ответить. — Что с тобой случилось? Как ты выжил, как сбежал? Где ты был все это время? — упорно, с горечью в голосе повторила она, продолжая через одежду гладить меня по плечу.

— Поднимался с колен, — почему-то совсем не смущаясь, ответил я и, самозабвенно закрыв глаз, не сразу понял, что одной рукой почти сжимаю через вязаную накидку ее талию.

— Я едва не забыла тебя, Рин, — с грустью и в то же время взбудоражено прошептала Анни, почему-то не отходя и не уворачиваясь. Снизу-вверх она все смотрела на меня — словно в самую душу, — пытаюсь для себя что-то понять, и в этом взгляде не было вызова, не

было дуэли. Впервые в такой необычной близости все оказалось до боли простым. Есть только я и она. Больше никого. — И это было ошибкой.

Анни вдруг улыбнулась, произнося эти слова, которые прошлись по всему телу почти болезненным возбуждением. Я и сам не заметил, как мои губы накрыли ее. Я исчез и словно нашел себя. Отринул и вернул. Разрушил и вновь создал. В голове бушевал такой сильный шторм, что я даже не слышал стука сердца. Кажется, что-то тяжелое упало на пол, когда мы нашли горизонтальную поверхность, но этого я уже не видел, смотря только на Анни. Смотря в мое прошлое и куда более желанное — невозможное и реальное — настоящее.

Часть 17. Победа или смерть

Эвели

Едва смотря по сторонам, я уныло перемешивала ложкой жидкое содержимое миски. Голова кипела. Это глупо и совершенно по-детски, но я завидовала и Киану, и Ариэну. Им было о чем поговорить с людьми из своего прошлого. А я? Неужели от семи долгих лет ломки и адаптации мне осталась только ненависть?

Я глянула на затихшего Эрда. В его взгляде тоже не было ни безмятежности, ни спокойствия. Но говорить об этом ощущении бесполезности вслух, когда не так далеко сидят слушатели, не хотелось совершенно. Я мысленно дала себе пощечину и, помотав головой, принялась за горячий и в общем-то вкусный завтрак. В конце концов, думать надо было, как разруливать ситуацию, кто нам здесь друг, и о какой помощи на самом деле могла идти речь. Беспокойство о Киане тоже сильно нервировало, хотя я прекрасно понимала, что это сейчас никак ему не поможет: все самое необходимое я рассказала Келле. И хотя она за весь мой монолог ни слова не ответила, я знала: сжимает кулаки от злости, но слушает.

Во всех этих мыслях я и варилась, пытаюсь сопоставить услышанное и придумать план побега, если что-то пойдет не так, или варианты возможной помощи, если мы наконец-то вернемся к главной своей цели. Кому сказать, как сильно я устала от вечной дороги, по обе стороны которой правит смерть...

Ариэн показался очень нескоро и выглядел при этом каким-то помятым, но счастливым. Взбудораженным. Даже прошел пару раз мимо нашего стола — бодрой походкой выпавшегося, сытого и счастливого человека. Мы с Эрдом переглянулись, глядя на нашего общего друга со стороны. В голове как-то сразу появилась одна конкретная догадка, и уверенность в своей правоте подняла мне настроение. Значит, помочь и правда помогут. Ариэну, вот, уже помогли. Я подняла вверх обе руки, и он только сейчас нас увидел. Подошел как-то слишком резко и бросил короткое «идемте». Я едва успела встать — Ариэн уже отвернулся и направился обратно к двери — и схватить его за рукав.

— Не хочешь для начала ввести нас в курс дела? — он не понял моего выражения и помотал головой. — Сказать, чего ожидать, Ариэн. Я вижу, ты-то ее знаешь.

Ариэн с сомнением посмотрел на Эрда, но тот был со мной полностью солидарен. Чтобы не стоять в проходе и не привлекать внимание, мы подошли к двери и облокотились о стену.

— Так. Анн... ори — Светлая. Она импульсивна, с ней сложно спорить. Ее брата казнили сразу после переворота — не успел сбежать, я знал их обоих до смерти отца и... Она тоже хочет отомстить, вернуть...

— ...равновесие, — подсказала я, видя, как тяжело Ариэну подбирать слова.

— Да.

— Хорошо. Этого хватит.

Мы опять вошли без стука, и в этот раз женщина сидела на длинной скамье, проводя руками по распущенным волосам. «Когда-то, — возникла мысль при взгляде на ее лицо, — она точно была необычайно красива». Ее темно-синее платье пошло свежими складками у подола, вязаная опоясывающая накидка чуть съехала вбок следом за покрывающим плечи невесомым платком, открывая шею с одной стороны больше, чем нужно. Я улыбнулась своим мыслям, сопоставляя ее и Ариэна. Надеюсь, для них это большее, чем минутный порыв.

Женщина встала, глядя на нас с интересом, и я протянула ей руку.

— Мое имя Эвели. В прошлом — ищейка, — не стала скрывать я. Доверять мне просто так в любом случае будут не скоро.

— Эрд. Разведчик, — следуя моему примеру, представился он.

— Меня зовут Аннори В'аатани, — просто улыбаясь, с достоинством произнесла она. На Ариэне ее потеплевший взгляд задержался чуть дольше. Мысленно я отметила, что ни имени, ни фамилии среди патрициев я раньше никогда не слышала. Значит, она в бегах еще с переворота.

— И с нами в городе Киан. И обо мне, и о нем вы могли слышать от Хайна и Келлы. У нас случилась небольшая стычка этой ночью из-за...

— Да, это я уже знаю. — Я с укором посмотрела на Ариэна — мог бы предупредить, чтобы я не повторялась, — но он все в той же скованной позе продолжил стоять за моим плечом. И даже не взглянул в мою сторону. — Знаю уже достаточно. Кроме того, каким образом... сделать то, к чему мы все стремимся. Среди нас нет военных, а Каррел, наш губернатор, сейчас... не в том состоянии, чтобы поднимать восстание, — я удивленно подняла бровь, побуждая уточнить: — умер от неизвестной болезни. Как и наш врачеватель. Травницы тоже оказались беспомощны. Я пыталась их вылечить, но, все же, силы у меня уже давно нет... — я с сомнением хмыкнула, но Аннори опять опередила мой вопрос: — В Сенте об этом не знают, я продолжаю уплачивать налоги, писать отчеты и списки граждан в столицу за Каррела.

Она помолчала, видимо, ожидая вопроса, и я воспользовалась возможностью:

— Несколько наметок у меня есть. Но для начала расскажите мне об Азуме, об этом собрании. Я еще не видела, чтобы ополченцы вели свою деятельность так открыто. И не ожидала, что на въезде в город не будет ни одного пограничника. Сам Роверан уже несколько лет не посылал сюда ни шпионов, ни карателей.

Аннори улыбнулась, чуть кивнув в знак своего расположения, и я даже без дара почувствовала, как она гордится достигнутым.

— У нас в провинции тихо. Видимо, император считает, что содрать с немощных больше нечего. Не удивительно: Азума всегда едва-едва могла себя обеспечить, производства здесь никогда не было, как и возделанных полей. А сейчас лето стало еще более дождливым, а зимы — холодными, но бесснежными. Оказавшись здесь, я надеялась обратиться к природе за помощью, но... не успела. Со смертью брата постепенно угасла и моя сила... — она прервалась, старательно избегая каких-то тяжелых воспоминаний, и продолжила тем же оживленным голосом, с каждым предложением говоря все быстрее. — Прокуратор забрался в какой-то мелкий городок поближе к внешней границе и не тратит время на поездки по болотам. А место умершего в то еще лето куратора до сих пор так никто и не занял. Нет желающих.

— Еще при жизни Каррела мы старались решать все совместно, стараемся и теперь. И

помощь, которую предложила я, это тоже не только мое мнение. В Заррэте осталось всего девятьсот человек, мужчин не больше трети, рабов в Заррэте нет, как не осталось и аристократии — да помимо губернатора их и было-то всего три семьи. Тюрьма пуста, а десятка городских стражей полностью на нашей стороне. Дежурить в такую погоду в этих постройках — сущее самоубийство, особенно когда вместо этого ожидать весну можно у семейного очага. Бандитов в этих краях уже давно не видели, как и чужаков. — Аннори выразительно глянула на нас. — Подушные, акровые и лукрумские* налоги мы платим исправно с денег, заработанных за сопровождение торговых караванов от столицы почти до самых Вольных земель на юге. Конкуренции нет, а из Вольных никто в здравом уме не сунется в Тайос с нашими конскими поборами, так что платят щедро. По крайней мере, платили. В любом случае, повода у Роверана присылать сюда, в Заррэт, да и в Азуму в целом, Тайную службу для проверки верности императору нет, — деловито заключила Аннори, но я заметила в ее светлых глазах отблеск застарелой ненависти, когда она произнесла имя главы Ботфорда. Ее грудь под колким белым платком вздымалась высоко и часто. Жесткая ткань платья тихо шелестела под беспокойными женскими пальцами.

— Наш единственный кузнец совсем молод и только осваивает ремесло. Но его отец до своей смерти успел изготовить достаточно наконечников, так что луков и стрел хватит на каждого. Мечей меньше, как и тех, кто ими владеет, но есть топоры, копья, косы и молоты. Как наступит потепление, все здоровые мужчины оставят свои дома, чтобы двигаться с нами на север, да! И я точно знаю, по первому зову к нам присоединятся все остальные города. Люди давно ждали этого! — Я заметила, что ей с трудом удастся не кричать. А теперь Аннори и вовсе начала мерить комнату короткими пружинистыми шагами. Подбитые железом сапожки звонко цокали по затертому дощатому полу.

Надо сказать, эта позиция идеалиста мне совсем не импонировала, но даже на эту импульсивность у меня находилась пара козырей, которыми нужно правильно воспользоваться. Главное — вовремя их показать. А, тем временем, Аннори продолжала:

— Я отчаялась ждать возможности вернуть процветание. Как будто силу не только из таких, как мы, выжали, а из каждого клочка земли. Ты ведь тоже это чувствуешь, Рэн?

Это ласковое сокращение, так напоминающее звучанием данную арену Вагора кличку, на миг ввергло меня в ступор, но Ариэн и вовсе не ответил, замороженно слушая Аннори и загораясь ее идеей, чего делать было нельзя.

— Ариэн сказал, вы хороший стратег, — я молча кивнула, — а я неплохой руководитель. Скоро продолжится собрание, и я предложу выступить на стороне законного наследника престола. Прикажу немедленно разнести весть для всех ополченцев. Они уже готовы, верьте мне, им лишь не хватает уверенности, но, выступив публично, мы вмиг это изменим, — ее глаза заблестели в предвкушении, как два сапфира, и я поспешила ее прервать:

— Прощу с этим не торопиться. — Она застыла, нахмутив брови, и мне показалось, что я прострелила крыло летящей птице. Надо было поспешить объясниться. — Думаю, я выражу общее мнение, сказав, что Нордон многому нас научил. Не знаю, как много вам о нем известно, но именно открытое противостояние закончилось кровопролитием. А Нордон насчитывал более двух тысяч человек. — Я старалась говорить так, чтобы слова звучали убедительно. Перед глазами уже формировался план из полученной информации, обрывков своей и чужой памяти. Пока меня все-таки слушали и слышали, не стоило останавливаться. — У Ариэна больше нет силы, вы это видите. И у вас тоже. Латать

раненных и ловить летящие стрелы будет некому. У Тайной Службы в резерве насчитывается более пяти тысяч обученных солдат, действующей армии в эти морозы — в пределах тысячи, а столицу помимо простой стражи по периметру дворца защищает императорская гвардия. Нам никогда не взять Сенту приступом. — Однозначно, Аннори знала это, но я была обязана напомнить, подчеркнуть, что хватит одной открытой битвы, и всему конец. Кажется, я уже видела всепоглощающие языки пламени и чувствовала запах горелой плоти, крики раненных, хруст разрубаемых костей. Будущее.

— К чему вы ведете? Война не может обойтись без жертв, — нетерпеливо бросила она, но голубой огонь в ее взгляде стал уже не таким опасным.

— Я знаю. Но для победы нужно думать на долгосрочную перспективу. — Я вспомнила, как мы проходили мимо длинного, давно построенного коровника, и улыбнулась. Как удачно, что они держат так много скотины в одном строении. — У вас найдется достаточно глиняных кувшинов или стеклянных банок, бочек на продажу? Чтобы ими можно было заполнить до потолка несколько повозок.

— Хм, да, — заторможено ответила Аннори, не понимая, к чему я клоню. Но во взгляде мелькнул отблеск интереса.

— Я сделаю взрывчатую смесь. Порох, — я вновь хищно улыбнулась, заметив, как заинтриговала ее незнакомым словом. — Этот порошок в действии напоминает молнию и действует почти так же. Я покажу. Но важно сейчас не только это. У вас есть карта?

Аннори кивнула и, зацепив челку за ухо, опустила на корточки к ящикам. Пожелтевший и потрескавшийся от времени холст лег на гладкую поверхность стола, и мы тут же прижали его ладонями. Объединившая пять провинций Тайосская империя во всей ее красе, с разбросанными тут там точками городов, обрамленная на севере Соленным морем, зажата белыми пятнами неизведанных Вольных земель. Сента с одноименной столицей считалась центральной провинцией, но при этом имела очень удобный для постройки порта выход к холодному морю через Имперский залив. Правее располагалась малонаселенная провинция Кита, в самой северной части которой никогда не таяли ледники. Чуть ниже на карте была отмечена обширная болотистая Азума, где мы сейчас находились. Провинция Нишши соседствовала на западе с Большим Горным хребтом и вся была иссечена притоками Рейфа. В самом низу карты примостилась засушливая степная провинция Минами, где, кажется, полжизни назад я нашла на арене Ариэна. Карта была написана точно. Почти. Разве что после переворота старые карты было велено сжечь и заменить на те, где непрорисованная территория вокруг империи именовалась дикарской и враждебной — Землями Мортэма**, где «отчаявшиеся искатели лучшей доли сумели бы найти только свою гибель». И императорская пропаганда работала: молодое поколение боялось покидать Тайос.

— Отлично. Моя стратегия заключается в следующем, — я провела пальцем по карте от Заррэта до Сенты. — Во-первых, в столицу нужно попасть тихо и полностью законно. Мы будем идти как торговый караван. У ваших людей есть грамоты торговцев и их охраны?

— Законно торгуют только десять человек. Иногда возят сено и мед на юг. Грамоты с отметкой защитников есть у всех, кто сопровождает идущие через Азуму караваны, — с недопониманием и опаской отчиталась Аннори. Чуть повернула голову, присматриваясь ко мне теперь только одним глазом.

— Допустим. Лучше, чем ничего. Поедут все, кто сможет держать оружие. Мы должны успеть попасть в Сенту ко дню Возрождения. — Я попыталась оценить масштаб карты —

она была затерта по краям, затрудняя чтение — и прикинуть, успеем ли мы за двадцать пять дней проделать такой путь. — Оживление станет для нас хорошей защитой. В столице кого только ни будет в ожидании аудиенции с Ясоном.

— Подожди, — остановил меня Эрд. Мы с Аннори одновременно оглянулись на него. Парень нахмурился, глядя как бы в себя. Я слышала его прерывистое сопение. — Но в это время у столицы намного больше солдат.

— Это необходимый риск.

— ...и в город вообще не пройти без грамоты, — опять перебил Эрд.

— Те, у кого нет ремесла торговца и охраны, в столицу не пойдут. — Краем глаза я заметила, как Аннори протестующе подняла бровь. Пусть. Они еще не видят всей картины. — Не сейчас. Их первая цель будет за пределами Сенты. А те, кто направится в столицу вместе с нами, спрячут за товарами несколько колб с порохом. Мы не можем ждать начала весны: в праздник в Сенте будет все высшее общество Империи. Ариэн, ты понимаешь, почему это важно?

Его лицо еще больше помрачнело, губы побелели от напряжения, но голос звучал твердо, как никогда.

— Я должен вызвать его на поединок. При всех он не посмеет мне отказать. Такую слабость ему уже не простят.

— Отчасти это может сработать. Хотя риск и велик, но у нас нет ресурсов на полноценные военные действия, да и люди могут не поддержать того, кто ударил в спину. Если мы не хотим длительной войны и лишних потерь, то должны заручиться поддержкой не только плебеев и крестьян, но и патрициев. Как-никак, и они имеют личные гвардии. — Ариэн коротко кивнул, соглашаясь. — Прежде чем бросать вызов перед всем высшим обществом, стоит узнать, кто из них против действующей власти, кто тебя помнит и выберет нашу сторону. Остается понять, как попасть во дворец без лишней крови.

— Я помню все лазы. Если Ясон их не трогал после переворота, мы легко даже без кровопролития проникнем во дворец во время празднования, — предложил Ариэн.

— Хорошо. Другие возможности для вашей встречи обдумаем после, — мысленно я добавила этот момент к прочим. Если хода не будет, всегда есть вариант попробовать подкупить или запугать воинов личной гвардии. А с этим может помочь Киан: он знает, чем живут простые солдаты.

— Теперь вопрос у меня, — вклинилась Аннори. — Если Ариэн и правда сможет вызвать Ясона, что будет дальше? Ясон не позволит нам навязать ему честный бой. Без демонстрации силы даже те, кто готов переметнуться, останутся стоять и смотреть, как чья-нибудь шальная стрела проткнет Ариэну сердце прямо перед императорским тронem. Даже если нет... Когда поединок свершится, все равно останется его личная гвардия, которая будет защищать отпрысков Ясона. Чем будем защищаться, как атаковать? И как остановим Роверана, уж он точно первый отреагирует на события. — Аннори ткнула пальцем между Сентой и Сперро, где в шести километрах от столицы находился Ботфорт. Я только едва ухмыльнулась: такие вопросы от нее мне нравились куда больше вдохновенных речей о победе вопреки всему.

— Вот поэтому нужно будет устроить диверсию. Это во-вторых. То есть... — запнулась я, столкнувшись с непонимающими взглядами: — отвлечь внимание, заставить Роверана отправить своих гончих достаточно далеко, чтобы они уже никогда не вернулись. А если кто и выживет, встретит в столице уже нового императора. Эрд, сколько человек куратор хотел

получить, чтобы подавить бунт в Нордоне?

Эрд нервно пригладил рукой разорванную подкладку, под которой все еще покоилось донесение Роверану.

— Он требовал четыре центурии.

— Значит, чтобы избавиться от армии в тысячу человек нам нужно два-три больших отдаленных города размером с Нордон, где есть связи с ополчением, — я начала загибать пальцы на левой руке, правой водя по карте. — Не на открытой местности. С возможностью быстро достать ингредиенты для пороха — уголь... зола, селитра из отходов, коровники... сера... С небольшим контролем, чтобы местные стражи не смогли справиться с бунтом или встали на нашу сторону, — я склонилась над центральной провинцией, продолжая говорить почти шепотом. Мысли рождались из абсолютно чистого вдохновения. — С возможностью быстро покинуть город на момент появления Тайной Службы. И там должны быть люди, способные подделать губернаторскую печать для послания Роверану. И после отправления срочной депеши, центурии должны попасть туда до или в день праздника. Чтобы, если что-то пойдет не так, гонцы Роверана не успели донести до них весть о волнениях в столице и приказ срочно вернуться в Сенту.

— Как на счет Сандра? — Аннори провела пальцем сверху-вниз, останавливаясь на самом северном городе Минами. — Там есть крупное подполье. Он не так далеко от Заррэта, и мы можем послать ворона. Дня через четыре сразу получим ответ. После смерти куратора в этой провинции до сих не все в порядке.

— Депеша о помощи будет выглядеть правдоподобно, — закончила я, несколько раз щелкнув пальцами. — А прокуратора ничто не вытащит с его арены. Какая там местность?

— Предгорье, — уверенно ответил Ариэн. — И несколько обрывов. Издали города вообще не видно.

— Хорошее эхо. Можно создать имитацию битвы, сжечь пару домов, чтобы в нужный момент был виден дым. Когда центурии войдут в город, их будет ждать только смерть. Главное, чтобы ополченцы смогли быстро справиться с городской стражей и успели сами покинуть город — прямое противостояние им не выдержать даже с порохом. — Аннори закивала соглашаясь. Глаза светились как у ребенка, которому подарили самую красивую игрушку. — Только обязательно предупредить, чтобы нападали не сразу: начальники городской стражи и губернаторы еще не отчитались о своих обычных действиях за Ледяную декаду. Так, и нужен второй похожий город.

— Я знаю еще только один — Вальт. — Аннори указала на северо-восток, и я удовлетворенно кивнула, не требуя уточнений. — Ближе к столице ополчения либо нет, либо мы о нем не знаем.

— Надеюсь на второе, — себе под нос пробурчал Эрд.

— Как и я. Про подполье в Нордоне мы тоже узнали, только когда... — Аннори резко прикрыла глаза, очевидно, пытаясь перебороть эмоции, и я поспешила ее прервать:

— Сандр и Вальт. Нужно срочно отправить им весть. Все, о чем мы сейчас говорили. Пожалуй, двух городов как раз хватит, иначе Роверан почует подвох и сыграет по-своему. Инструкцию к изготовлению смеси я напишу сама. Но это позже.

— В третьих, основная опасность исходит от Роверана. Почти все время он проводит в своем обиталище, Ботфорде, на праздники уже много лет предпочитает не являться. — Перед глазами встали его жестокие глаза, и я с омерзением тряхнула головой. — Нам нужно отрубить змее голову. Потеря главнокомандующего вкупе с возвращением Ариэна хорошо

пошатнет их ряды. Но для этого нужно не просто попасть внутрь.

— Такое покушение — самоубийство. Без разрешения Роверана оттуда ни одна душа не выйдет! — с изумлением оспорил мое предложение Эрд, удивляясь, что я не придавала значения дотошности этого живучего ублюдка.

— Я знаю, кто поставляет Службе продовольствие и скажу, как их найти. Достаточно приплатить, и среди их тюков с зерном и бочек с мясом вполне может оказаться немного пороха. Если раздробить ударом хотя бы несколько распорок, вся тюрьма может рухнуть. Но главное, что точно рухнет башня над обрывом, в которой Роверан обустроил свои личные покои.

— А что мы будем делать с теми, кто выживет? — вдруг подал голос Эрд, попеременно смотря то на меня, то на Ариэна.

Ариэн мрачно смотрел на закрытое ставнями окно и молчал. Конечно, только взошедший на трон император не может вершить тиранию, зато... — я на долгий миг ужаснулась такому ходу вещей — зато новый главнокомандующий, человек, от которого не ждут добра, может взять эту ответственность на себя и отправить побежденных на казнь. Например, я.

Губы опять тронула горькая улыбка.

— Многие погибнут, но это вынужденная жертва. Те, кто выживет, будут преданы открытому суду. Большая часть слуг службы — откровенные ублюдки и садисты, Эрд. Тебе ли не знать? Роверан создавал их по своему подобию, так что в Сенте даже среди патрициев найдутся те, кто, несмотря на страх, желает им всем мучительной смерти, — «как и мне, пожалуй», — про себя закончила я, вспоминая бессчетное множество допросов.

— А тот, кто окажется в погребке, похоронит и себя? — непонимающе спросила Аннори, с усилием комкая на груди вязанную накидку.

— Нет. Там есть... такая отсрочка, — я повернулась к мужчинам, но они точно не могли видеть приготовлений в Нордоне перед казнью. — Шнур. Его, а лучше — сразу несколько, нужно поджечь, и несколько минут он будет тлеть, пока не дойдет до смеси. Если все сделать правильно, это будет как удар большим молотом. Все посыпется.

— И это должно случиться одновременно с моим появлением, — уточнил Ариэн, двигая слева-направо нижней челюстью, — чтобы я мог застать Ясона врасплох. Тогда начнется хаос, и остальные ополченцы смогут проникнуть в город, чтобы присоединиться к нам.

— Верно. В ином случае нас будет слишком много из Заррэта, чтобы не вызвать подозрений при попытке законно пройти через главные ворота. А так — только купцы и их сопровождение, каких много в эти дни потоком стекается к празднику.

— Если удастся подорвать тюрьму, убить Роверана, думаешь, мы справимся с личной гвардией императора?

Я молча кивнула, хоть и не была до конца уверена.

— При малейшей неточности все может провалиться, — Аннори вздохнула, стараясь собраться с мыслями, но тут же уверенно закивала, глядя куда-то в пустоту. Седой локон выбился из-за уха, озорно скользнув по ее щеке.

— Может, — подтвердила я.

— Но это хороший план. Внезапность даст нам большое преимущество. Мы рассеем имеющиеся силы по империи и ударим в оголенное сердце. Это лучше, чем вести людей в открытый бой, я согласна, — Аннори еще раз сосредоточенно глянула на карту и подняла

голову вверх, прикрыв глаза. — Повозки мы сколотим. Лошади есть.

— Хорошо. Всем, кто согласится вести караван, в том числе Эрду, Киану, Ариэну, Вам и мне нужны настоящие свидетельства о нашем крестьянском происхождении, копии которых точно есть в столичном архиве.

— У меня есть связи, — довольно обронила она, — в Сперро.

— Кто?

— Семейство К'иirt. — Я невольно нахмурилась, услышав их фамилию. Те самые, чей дом я однажды прочесала сверху донизу в поисках беглых рабов. Так вот, оказывается, как они помогали им незаметно пройти через всю империю к самым границам...

— Я их знаю — надежные люди. Одной проблемой меньше. Заодно, уверена, они смогут предоставить нам имена сторонников... перемен. И деньги. В самой столице нужно будет раздобыть оружие — провезти с собой мы не сможем. А на случай, если после взрыва вы с оружием задержитесь или не сможете перебраться через крепостную стену нам на подмогу, его наличие может определить исход восстания.

— Ко дню Возрождения нас в столице будет, — Аннори начала загибать пальцы, — десять торговцев, семь человек охраны, — она медленно прошлась взглядом по присутствующим и закончила: — и пять «крестьян». Всего двадцать два человека. Где мы раздобудем столько оружия, да вдобавок незаметно?

— Ответ прост. Там есть хорошие кузни. Будем брать дорогое коллекционное оружие. Допустим, для перепродажи. Разбойники таким брезгуют, предпочитая более легкие действенные мечи — и не без основания, — зато так мы не вызовем чрезмерного подозрения.

— Справедливо, — задумавшись одобрил Ариэн.

— На это понадобятся деньги, и здесь я очень рассчитываю на помощь К'иirtов, — поразмыслив заключила я. Выдохнула, невольно облокотившись вспотевшей ладонью о стол. Силы заканчивались прямо на глазах, и я чувствовала, как меня медленно начинало мутить. Удерживать в голове всю головоломку было невыносимо сложно. — У тех, кто решится взять на себя роль гонца, должны быть грамоты и военная выправка, как у городской стражи. Обязательно напиши об этом.

— Стой, — попросил Эрд, и глаза его засветились идеей. — Мы же сами можем доставить две депеши Роверану. Только найдите мне человека, который похож на солдата, и мы поскачем вперед. От Заррэта до Ботфорта добираться намного быстрее, чем из Сандра и Вальта. Особенно со мной. Просто предупредите ополченцев, чтобы они готовились, а я сам подделаю письма от губернаторов и печать. Я говорил, что умею. Пусть только вороны принесут в ответ образцы гравировки и почерка их секретарей. И обмундирование у нас есть.

— Нет, — опровергла я его предложение. — Идея хорошая, но только никакой службы. Приказа у Вас на руках нет. Как ты объявишься в Ботфорде и объяснишь свое долгое отсутствие? Почти четыре недели назад ты передал депешу с требованием прислать подкрепление в Нордон губернатору Калта, направился в Ботфорд и исчез. Первое, что сделает часовой, услышав тебя, конвоирует на допрос. И, ты сам знаешь, долго молчать не удастся. — Эрд помрачнел, приложив к груди сжавшуюся в кулак руку. — И даже если тебе удастся убедить их в том, что все это время ты валялся где-нибудь в бреду после неожиданного ранения и, не способный написать письмо, восстанавливался, чтобы вернуться к своим обязанностям, как к тебе попало бы срочное донесение о беспорядках?

— Да, но... если я назовусь другим именем, а меня узнают?

Я задумалась, глядя на его побледневшее после сошедшего загара лицо. Совсем не напоминающееся лицо.

— Приложи волосы на бок, дай вырасти щетине. Ты осунулся, пока выздоравливал у кочевников. Пара синяков на подбородке и под глазом, и никто не заметит сходства с разведчиком Эрдом. Прибудете как солдаты городской стражи, молодые, неопытные, только вступившие на службу, испуганные произошедшим. Ты умеешь менять голос?

— Конечно! — как само собой разумеющееся, подтвердил он.

— Хорошо. Тогда грамоты городских стражников могут помочь раздобыть ополченцы из Сандра и Вальта.

— Для одной птицы тяжеловато, — заметил Ариэн.

— Отправят двух, — только пожалала плечами Аннори.

— Допустим. — Представляя в голове разлинованные листы, я начала считать. — До праздника осталось двадцать пять дней. Через четыре дня мы получим ответ от подполья. Ты со своим напарником отправишься сразу, Эрд. Тебе хватит столько времени, чтобы привести в порядок руку? — с сомнением спросила я. Он кивнул. — Дальше. До Сперро летом добираться дней десять.

— Каравану понадобится не меньше шестнадцати, — добавил Хайн. Я чуть не подпрыгнула на месте от неожиданности — так сильно меня захватило обсуждение. Но за спину оборачиваться не стала, стараясь не упустить рвущуюся наружу мысль. — Я вошел несколько минут назад... — попытался оправдаться он, судя по звуку, отталкиваясь от стены.

— Не меньше шестнадцати дней... Нам хватит четырех дней на то, чтобы полностью подготовиться к отъезду?

— Должно хватить. Женщины и дети могут не спать, чтобы успеть нам помочь.

— Тогда нагружаем несколько повозок своим оружием, которое останется в Сперро, еще около двух — бочками с порохом для Ботфорда, которые мы подкинем при поставке продовольствия. Две-три повозки для нашей легенды в Сенте нужно будет загрузить емкостями с чем-то черным и сыпучим вместе с горшками с порохом.

— Перец, чай, мак... — начала тихо перечислять Аннори, давая понять, что следит за обсуждением.

— Да. Итак, четыре дня подготовки, шестнадцать — дороги, и мы в лучшем случае можем потратить не больше дня на то, чтобы добыть все документы в Сперро. До столицы еще день пути. Всего остается три дня на то, чтобы понять расстановку сил в столице и найти союзников.

Хайн присвистнул, но ничего не сказал.

— Эрд, сколько времени займет твой путь? — я искоса посмотрела на него, все еще с сомнением примериваясь к карте. В обе ладони впилось несколько мелких заноз.

— Верхом мы доберемся до Сперро дней за десять. От него до Ботфорда — за полдня. Зависит от снегопада, — отчитался Эрд. Я недовольно цокнула, вспомнив еще одну деталь.

— Между вашими депешами должно пройти несколько дней. Первым пойдешь ты. И ты должен вначале убедиться, что Роверан заглотив наживку, разнюхать все, что возможно, иначе второй «голец» никогда не выберется из Ботфорда живым. Как только будешь уверен, что у тебя все получилось, уходи оттуда. Хайн! — он тут же подскочил к столу, подвинув стоящего рядом Эрда. — По какой дороге обычно ходят караваны?

— Вот здесь, — он провел ломанным ногтем неровную линию.

— Значит, ты будешь возвращаться по этой дороге к нам. Если что-то пойдет не так, не тяни и не пытайся лезть на рожон, сразу выбирайся, — Эрд в ответ молча кивнул. — Твой напарник будет ждать тебя в Сперро. Так что, если все пройдет удачно, едешь вначале к нему в город, а потом — к нам. Кстати, есть человек, подходящий на эту роль?

— Да, Заир отличный воин и наездник, и надежный, — предложил Хайн, и я убедилась, что он покровил душой, сказав про «несколько минут» своего присутствия.

— Он донесет Роверану весть вторым за два дня до Возрождения. Его задача — всеми силами удержаться в стенах Ботфорда до праздника, чтобы успеть по сигналу поджечь порох.

— Почему «два»? — усомнился Хайн, водя взглядом по карте. Я еще раз представила перед собой Роверана. прежде чем пояснить:

— Один день на мобилизацию... сбор центурий, — в который раз одернула я себя. Видимо, все силы сейчас уходили на разработку плана, и потому наружу снова и снова просились засевшие в памяти никому, кроме меня, не ясные слова. — Один день, чтобы ушли достаточно далеко от Ботфорда и не услышали взрыв. В первый день Роверан будет в ярости, чтобы замечать под ногами какого-то там солдата. Поэтому Заир сможет, не привлекая внимания, задержаться у того же тюремного лекаря с жалобами на сильное истощение, например. А вот когда ярость пройдет, этот чертов ублюдок может его просто выгнать. Поэтому меньше двух дней — бессмысленно, больше двух — опрометчиво.

— Надо выбрать подходящее время, — сосредоточенно произнесла Аннори, когда я замолкла, — чтобы все случилось одновременно.

— И придумать сигнал, — шурясь добавил Эрд, — который Заир сможет увидеть с тюремных стен.

— Всегда можно разжечь небольшой костер, а лучше — два, чтобы исключить совпадения, — предложил Хайн и тут же пояснил: — дым видно на долгие километры.

Пазл был сложен. Я еще раз медленно оглядела стоявших вокруг стола — взгляды людей, готовых идти до конца. И все они ждали моего слова.

— Тогда это все, — подвела я, борясь с желанием удержать гудящую голову руками. Но ограничилась только указательным пальцем на пульсирующем виске. — Мы отсылаем два письма в Сандр и Вальт, собираем оружие, повозки, провиант и порох. После получения ответа и двух грамот Эрд подделывает депеши и с Заиром сразу направляется в Ботфорд. Мы выдвигаемся в Сперро одной колонной и ждем встречи с Эрдом примерно вот здесь, — я ткнула указательным пальцем на дорогу примерно в трех-четыре дня пути от Сперро. — Если Роверан и правда повелся на уловку, часть ополченцев вместе с оружием остается в Сперро дожидаться команды атаковать столицу. Еще нужен человек, который умеет предложить взятку.

— Такой есть, — уверенно отозвалась Аннори.

— Он договорится с поставщиками продовольствия в Ботфорд и добавит в их повозки несколько бочек пороха. Мы же, получив грамоты, немедленно проникаем в столицу под видом торгового каравана. Закупаем оружие, ищем возможных союзников и пути проникновения во дворец, закладываем колбы с порохом рядом с постами охраны у обоих главных ворот и по периметру дворца. Эти взрывы будут небольшими и не смертоносными, только чтобы посеять хаос. Как только разведываем все необходимое, отправляем гонца в Сперро, чтобы подтвердить план и подготовиться подать сигнал Заиру. У него будет около сорока минут на то, чтобы убраться оттуда, пока горит фитиль. Шнур, — пояснила я. —

Двое человек остаются готовить костер-сигнал, остальные — немедленно выдвигаются к столице.

— Императорский бал начинается к закату, и Ариэн должен объявить на нем о себе незадолго до падения Ботфорда. К этому моменту нас в столице всего будет двадцать один человек, и все при оружии. Поджигаем порох и по лазам пробираемся во дворец. На первое время, чтобы успеть бросить вызов перед всей аристократией, этого хватит. А чуть позже, когда в Сенте начнутся взрывы, в столицу и дворец уже почти беспрепятственно подтянутся наши основные силы. Регулярная тайосская армия будет в нескольких днях пути к подавлению бунта, Служба — обезглавлена, городская стража — временно дезориентирована, а императорская гвардия — незаметно атакована нами на подступах ко дворцу. Те, кого мы не сможем достать, подтянутся к публике в тронный зал, но мы попробуем их удержать. И тогда, Ариэн, все будет зависеть только от тебя.

Я с трудом выдохнула, невольно сжав рукой запершившее от долгой речи горло. Сердце колотилось в груди, как бешеное.

— Теперь главное — ничего не забыть, — иронично заметил Хайн, но на его лице не отразилось ни тени улыбки.

— Я раздам поручения и объявлю о том, что мы выступаем на столицу, — выпрямляясь с мрачной решимостью подытожила Аннори.

— Ты доверяешь всем, кто сюда придет? — усомнилась я, чувствуя, что интуиция все еще при мне.

— Абсолютно.

— Ладно... Тогда пусть начинают работу уже сегодня. А мне надо выпить, — неловко улыбнувшись, я потрепала себя по щекам и глубоко вздохнула. От напряжения мозга все еще выкручивало наизнанку. — Вы не против? Думаю, голос Ариэна будет иметь больший вес, чем мой.

Аннори добродушно улыбнулась мне в ответ и потерла вспотевший лоб. Я невольно коснулась своего и опять протерла глаза, стараясь унять дрожь. «Все получится, успокойся», — твердила я самой себе, смотря на задумчивых союзников. Эрд нервно морщился, поджимая верхнюю губу и тем самым обнажая мелковатые зубы. Ариэн едва заметно покачивал головой из стороны в сторону, отмахиваясь от щекочущих шею черных волос, то и дело надолго прикрывая глаза. На обветренном лице Хайна застыло какое-то ироничное удивление, обычно предшествующее растянутому и гнусоватому «мда» и сложенным на груди рукам. Аннори напротив вздохнула с облегчением, будто с нее только-только сняли долгие годы сжимающий шею ошейник.

Мы какое-то время молчали, думая каждый о своем.

— Ну, Хайн. Зови остальных. — Аннори скрутила карту, но оставила на столе. Убрала волосы за спину и, быстро глянув на подол платья, закончила: — Пора самим править свою судьбу.

***

Я вылакала всю настойку на клюкве за считанные минуты и теперь просто любовалась красивым глиняным кувшином с тонким горлышком, на котором блестела светлая рубиновая капля. Лежащая на столе крышечка зачаровывала росписью закольцованной, словно Уроборос, виноградной лозы, терпковатый вкус напитка все еще приятно обжигал язык. После всего сказанного накатила такая усталость, что на пороге дрогнули колени. Но это ощущение было ни с чем не сравнимо: понимание, что скоро все закончится. Что финал уже

совсем близко. Что мы уже ступили на эту дорогу и приняли решение. На таком подъеме море и правда становилось почти по колена. Уже не нужно было бояться, что очередная волна бросит тебя на рифы, искромсает, уничтожит, заполнит водой легкие, вызывая животный ужас.

Из соседней комнаты, в которой на этот раз уместилось раза в два больше человек, чем я видела парой часов ранее, вслед за одобрительными вскриками послышался боевой клич. Растянув губы в хищной пьяной улыбке, я тихо повторяла за ними, под настороженным взглядом корчмаря роняя на поверхность стола не раз битую кружку и едва-едва попадая в такт:

— Победа или смерть!

Победа или смерть. Победа или смерть... Как гадание по лепесткам ромашки. Как обещание, бросающее вызов самому себе. Как последний вздох зимы, предвещающий долгожданное потепление. И в этот раз я не позволю нам проиграть.

Примечания:

* *lucrum* (лат.) — прибыль.

** *Mortem* (лат.) — смерть.

Больше книг на сайте - Knigoed.net